

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2022. № 4 (21)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведён Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексированная ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещается на платформе публикаций Readera

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)

Nurgali Kadisha Rustembekkyzy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковка-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмельёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И.В. Архипова
ВЗАИМНЫЕ СВЯЗИ В СФЕРЕ ВРЕМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ
(на материале немецкого языка)
I.V. Arkhipova
MUTUAL RELATIONS
IN THE SPHERE OF TEMPORAL CATEGORIES
(based on the German language)

[4]

А.Д. Васильев
КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
ДЕФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В РЕЧЕВОМ КОНФЛИКТЕ
A.D. Vasilyev
COMMUNICATION FUNCTION OF DEFORMED
IDIOMS IN SPEECH CONFLICT

[11]

Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева
«ЛЮБОВЬ» КАК ЦЕННОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ
«ПЕДАГОГ» КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva
THE VALUE OF LOVE IN THE VIEW OF THE TEACHER
KRASNOYARSK REGIONAL PROFESSIONAL GROUP

[26]

В.Е. Козлова, Т.М. Софронова
О ВЛИЯНИИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ПЕРЕВОДЧИКА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА
V.E. Kozlova, T.M. Sofronova
TRANSLATOR'S PERSONALITY IMPACT
ON THE RESULTS OF TEXT TRANSLATION

[34]

Чжан Цзин
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «КИТАЙСКИЙ КУПЕЦ»
Zhang Jing
LINGUOCULTURAL TYPE OF A CHINESE MERCHANT

[46]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.В. Берестнева
ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТАРЕНИЯ
И ЭЙДЖИСТСКИЕ УСТАНОВКИ
В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ ДИСКУРСЕ
A.V. Berestneva
TEXTUAL REPRESENTATION OF AGING
AND AGEIST ATTITUDES
IN MODERN WOMEN'S DISCOURSE

[60]

РЕЦЕНЗИИ

О.Н. Иванищева
Рецензия на книгу:
Самсонова А.А. Арт-журналистика.
Речевые техники оценивания
произведения искусства.
Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 118 с.
O.N. Ivanishcheva
Book review:
Samsonova A.A. Art journalism.
Speech techniques for evaluating works of art.
Saint Petersburg: Aleteya, 2021. 118 p.

[73]

СЛОВО МОЛОДЫМ

Е.Н. Гордеева
СРЕДСТВА АВТОРИЗАЦИИ И АДРЕСАЦИИ
В РЕЧИ ИНТЕРНЕТ-ЭКСПЕРТА
(на материале экспертных блогов
в социальной сети «ВКонтакте»)
E.N. Gordeeva
MEANS OF AUTHORIZATION AND ADDRESSING
IN THE SPEECH OF AN INTERNET EXPERT
(based on expert blogs on "VKontakte")

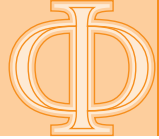
[77]

А.И. Сабирова
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ
A.I. Sabirova
DERIVATIONAL AND EXPRESSIVE MEANS
OF MODERN POETRY LANGUAGE

[87]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[98]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-133>

УДК 811.112.2`36

ВЗАИМНЫЕ СВЯЗИ В СФЕРЕ ВРЕМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ (на материале немецкого языка)

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В связи с недостаточностью освещения вопросов описания взаимных связей в сфере взаимодействия таксиса и других семантических категорий, участвующих в вербализации идеи времени, данная проблематика является сегодня актуальной.

Цель работы – описание межкатегориальных связей таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности.

Методология (материалы и методы). Исследование проводилось в рамках функционально-семантического подхода к описанию семантических категорий. В качестве основных методов использованы: метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, методы классификации, обобщения и интерпретации языкового материала. Материалом исследования послужили немецкие высказывания с предположными девербативами, полученные методом направленной выборки из Немецкого электронного словаря.

Результаты исследования. В ходе исследования обнаружено, что в силу межкатегориального кроссинга таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности в высказываниях с девербативами и темпоральными предлогами актуализируются различные варианты примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования.

Ключевые слова: *взаимные связи, межкатегориальный кроссинг, таксис, аспектуальность, темпоральность, временная локализованность.*

Постановка проблемы. Проблемы взаимных связей сопряженных функционально-семантических категорий, носящих вербальный характер, освещались в работах ряда отечественных лингвистов [Архипова, 2020; Бондарко, 2017; Смирнов, 2010; Кудинова, 2014; и др.].

В нашем исследовательском поле находится вопрос установления и описания связей в области функционально-семантических категорий, «ответственных» за языковую актуализацию идеи времени. Таковыми являются таксис, темпоральность, аспектуальность и временная локализованность. Их взаимодействие следует определить как *межкатегориальный кроссинг*. Под термином *межкатегориальный кроссинг* мы понимаем такую разновидность взаимодействия таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности, которая характеризуется их пересечением и связана с реализацией общей семантической функции таксиса – выражением хронологического отношения одновременности и разновременности.

Целью работы является описание взаимодействия таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности.

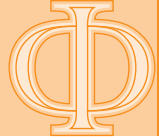
Методология (материалы и методы). Настоящее исследование выполнено с позиций функционально-семантического подхода к рассмотрению семантической категории таксиса, который предусматривает комбинированный анализ данной категории «от семантики к форме» и «от формы к семантике». В ходе исследования использованы метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный. Эмпирический материал – высказывания с предложными девербативами с таксисными предложениями темпоральной семантики – получен методом направленной выборки из Немецкого электронного словаря (Digitales Wörterbuch deutscher Sprache – Dwds). Исследование проведено на материале немецкого языка.

Результаты исследования. Межкатегориальный кроссинг таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности детерминирует актуализацию различных вариантов примарно-таксисных ситуаций в высказываниях с девербативами и таксисными предложениями темпоральной семантики. В силу межкатегориального кроссинга вышеназванных категорий репрезентируются такие примарно-таксисные ситуации одновременности и разновременности, как дуративно-примарно-таксисные, итеративно-примарно-таксисные, дистрибутивно-примарно-таксисные, мультипликативно-примарно-таксисные и фазово-примарно-таксисные.

Межкатегориальный кроссинг таксиса, темпоральности и аспектуальности. Межкатегориальный кроссинг функционально-семантических категорий таксиса и темпоральности детерминирует актуализацию различных примарно-таксисных ситуаций одновременности, предшествования и следования. В роли прототипических контекстуальных элементов примарно-таксисной среды выступают темпоральные и аспектуальные квантификаторы. К ним относятся различные адвербиалы и атрибуты. В функции адвербиалов и атрибутов выступают наречия, имена прилагательные, а также «календарные» и др. имена существительные (*jetzt, morgen, gestern, heute, gestrig, heutig, morgig, jetzig, nächst, die Stunde, der Tag, der Dienstag, der Mittwoch, der Freitag, der Abend, die Woche, der Monat, das Jahr* и др.).

Темпоральные и аспектуальные квантификаторы могут быть монокомпонентными и поликомпонентными. Монокомпонентными являются маркеры типа *kurz, morgen, gestern, heute, jetzt, bald* и др., например: *Röhler hatte kurz vor der Abreise nach China seine Bestleistung auf 89,27 m verbessert und damit seinen Anspruch auf Edelmetall angemeldet.*

В приведенном примере употреблен монокомпонентный аспектуальный маркер *kurz*, который в составе предложного девербатива *kurz vor der Abreise nach China* детерминирует дуративно-примарно-таксисную ситуацию строгого следования.

В состав поликомпонентных квантификаторов могут входить различные наречия, имена прилагательные и имена существительные темпоральной семантики, например: *Nach der Abreise des Präsidenten aus Xian hieß es **am Freitag abend**, die Bürgerrechtler seien wieder auf freien Fuß gesetzt worden; **Am Tag nach der Abreise** stand in Kardinal Malulas Zeitung «Christliches Afrika», Mobutu gehe mit der Namensverbesserung zu weit; Die Entscheidung fiel **nur wenige Stunden** vor dem dem Eintreffen von US-Außenminister John Kerry in der Region, der mit seiner fünften Nahostreise in vier Monaten versucht, den Friedensprozess wieder in Gang zu bringen; **Nur 24 Stunden nach der Abreise des Innenministers** treffen sich knapp über hundert Bürger von Ceuta am Stadtrand...; ...ihr Team spielte sich **eine Woche vor der Abreise** nach Brasilien in einen Rausch; **Wenige Tage nach der Abreise von Papst Franziskus aus Brasilien** hat Präsidentin Dilma Rouseff ein von der Kirche kritisiertes Gesetz ratifiziert, dass Opfer sexuellen Missbrauchs besser schützt; **Einen Tag nach der Abreise von EU-Chefdiplomatin Catherine Ashton** flog Bundesausßenminister Guido Westerwelle (FDP) **am Mittwoch** nach Kairo, um sich ein Bild von der Lage zu machen; **Rund 400 Jahre nach der Abreise von Peter Paul Rubens** kommt, man möchte fast an ein Wunder glauben, auf dem Schlossberg von Siegen wieder die große, weite Welt zusammen; **An einem Dienstag, ein halbes Jahr** nach dem Treffen, findet Simon im Briefkasten ein Schreiben.*

В приведенных выше высказываниях с поликомпонентными темпоральными (см. *am Freitag abend, am Tag, am Mittwoch, an einem Dienstag*) и аспектуальными квантификаторами (см. *nur wenige Stunden, nur 24 Stunden, eine Woche, wenige Tage, einen Tag, rund 400 Jahre, ein halbes Jahr nach dem Treffen*) актуализованы дуративно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования и строгого предшествования. Они маркированы предложениями темпоральной семантики *vor* и *nach* и специфицированы поликомпонентными темпоральными и аспектуальными квантификаторами с календарными именами существительными *die Woche, der Tag, das Jahr, die Stunde*.

Межкатегориальный кроссинг таксиса и аспектуальности обуславливает актуализацию итеративно-примарно-таксисных, дистрибутивно-примарно-таксисных и мультипликативно-примарно-таксисных ситуаций одновременности и разновременности.

В высказываниях с девербативами-итеративами и девербативами-мультипликативами, а также различными квантификаторами (атрибутами, адвербиалами) репрезентируются итеративно-примарно-таксисные или мультипликативно-примарно-таксисные значения одновременности и разновременности, например: *Besonders positiv fällt **bei jedem Besuch** auf, dass die Küche und der Service trotz vollem Haus schnell arbeiten (Dwds); **Bei jedem Treffen** kam diese Frage auf...; ...und **bei jeder Begegnung** ist sie irgendwann dar auf zu sprechen gekommen, wie es wohl wird, wenn ihr Buch erscheint, wie sie mit d*

*em Wirbel umgehen wird; **Nach jedem Besuch** zeigt die *Hürriyet* am nächsten Tag den betreffenden Politiker, der vor dem 2000 Jahre alten Bauwerk steht und es zurückfordert; Nach der Ankunft Tausender Flüchtlinge am Wochenende in München sind auch heute **wieder** viele Menschen in Bayerns Landeshauptstadt eingetroffen; Auch Klopp hatte sich nach der Begegnung **wieder** beruhigt; **Häufig** tauchen aber nach der Abreise des Technikers Fragen und Probleme auf.*

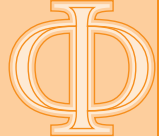
В вышеприведенных примерах актуализованы итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и строгого следования, детерминированные атрибутом *jeder* и адвербиалами *wieder, häufig*.

В высказываниях, содержащих словообразовательно-итеративные девербативы *die Begegnungen, die Besprechungen* и др., репрезентированы итеративно-примарно-таксисные ситуации строгого следования, например: *Dann aber fand sie, am stärksten **nach den Begegnungen mit Horrath und mit Marianne**, die bald folgten, daß sie diesen Spiegel ihrer Seele ebensosehr benötigt wie jeden anderen; Auf seiner Rückreise **nach den Besprechungen mit dem türkischen Staatspräsidenten** statete Premierminister Churchill Zypern einen Besuch ab.*

В следующем высказывании выражена мультипликативно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности, обусловленная девербативом с семантикой генетической многоактности (мультипликативности) *das Nicken*: ***Im Nicken** fühlte er Orientierung, und so nickte er in regelmäßigen Abständen immer wieder.*

В высказываниях, содержащих фазовые индикаторы (глаголы, аналитические глагольные конструкции и др.), актуализируются различные фазово-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования (ингрессивно-фазово-таксисные, эгрессивно-фазово-таксисные или же фазово-таксисные ситуации, маркирующие срединный этап протекания глагольных действий), например: *Es **begann** nach der Scheidung von der spanischen Popsängerin Raquel de Rosario; Mit dem Eintreffen der Schiffe «Sirius» und «Great Western» aus England in New York **beginnt** der Dampfschiffverkehr über den Atlantik; ...mit dem Eintritt in die Erasmus-Blase, **beginnt** der Kampf um die soziale Akzeptanz; Die eigentliche Geschichte der ital. Oper in England **beginnt** jedoch mit der Ankunft Händels, der klug genug war, den Nutzen wahrzunehmen, der sich aus der Begeisterung der engl. «cognoscenti» ziehen ließ; Mit der Trennung vom Reich **begann** der Leidensweg der deutschen Saar; Mit der Abreise Öcalans **endet** ein turbulentes Kapitel der italienischen Außen- und Wirtschaftspolitik; Die Geiselnahme **endete** mit dem Eintreffen der Polizei; Jede dritte Ehe **endet** mit der Scheidung.*

В приведенных выше примерах актуализированы ингрессивно-фазово-таксисные и эгрессивно-фазово-таксисные категориальные ситуации частичной одновременности и строгого следования. Они маркированы темпоральными предлогами *mit, nach* и обусловлены фазовыми глаголами с семантикой ингрессивности и эгрессивности *beginnen* и *enden*.

Межкатегориальный кроссинг таксиса и временной локализованности детерминирует актуализацию двух разновидностей таксисных категориальных ситуаций. К ним относятся конкретные (локализованные во времени) и неконкретные (не локализованные во времени, повторяющиеся) ситуации одновременности или разновременности.

Временная локализованность соотносимых между собой во времени действий или событий является одним из прототипических условий актуализации таксисных значений. Семантической константой данной категории является конкретность/локализованность во времени и неконкретность/нелокализованность во времени соотносимых между собой действий и событий.

Дистрибутивная множественность субъектов или объектов глагольных действий выступает в качестве некоторого «дислокализирующего» фактора, детерминирующего актуализацию таксисных значений одновременности или разновременности нелокализованных во времени действий или событий, например: *Schon die antiken Philosophen philosophierten ausschließlich im Gehen Nach dem Essen werden werden die Pferde geputzt und gesattelt für einen kleinen Ritt; Ausserdem waren die Leipziger Spieler nach der Begegnung mit Schneebällen beworfen und verbal attackiert worden; Nach der Begegnung reagierten die Mavericks mit Glückwünschen zum Weiterkommen gelassen auf die Provokation.*

В приведенных примерах актуализованы дистрибутивно-примарно-таксисные ситуации одновременности и строгого следования, специфицированные субъектной множественностью глагольных действий (см. субъекты *die antiken Philosophen, die Pferde, die Leipziger Spieler, die Mavericks*).

Помимо темпоральных и аспектуальных квантификаторов, в состав рассмотренных высказываний могут входить таксисные индикаторы типа *gleich, direkt, sofort, unmittelbar* и др., например: *Die Gewalt brach direkt nach der Abreise der Delegation aus; Unmittelbar vor der Abreise kam ein Brief von Teubner.*

В приведенных примерах актуализованы примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования и строгого предшествования. В качестве дополнительных таксисных детерминантов выступают наречия *direkt* и *unmittelbar*.

В следующем высказывании при актуализации примарно-таксисной ситуации строгого следования таксисный маркер *unmittelbar* сочетается с темпоральным квантификатором *erst am Samstag*: *Ter Stegen stösst nach seinem Königsklassen-Triumph mit dem FC Barcelona erst am Samstag unmittelbar vor der Abreise zur Mannschaft.*

Кроме того, в состав высказываний могут входить локальные и темпорально-локальные маркеры, в том числе в комбинации с аспектуальными, темпоральными или таксисными детерминантами. Данные маркеры эксплицируют локальное или темпорально-локальное «расположение» обозначаемых действий или событий, например: *Ende August 2014, nur drei Monate nach dem Treffen mit Mohammed, ist Oliver N. bereits in Syrien; Am Morgen nach dem Treffen in London*

erklärte auch Bundeskanzlerin Angela Merkel, dass Großbritannien als Drittstaat nicht besser gestellt sein könnte als ein Mitglied der EU; Sie sehe in der Forderung der Länder Ungarn, Polen, Tschechien und der Slowakei, «flexible vorzugehen, aber immerhin Lösungen zu suchen, durchaus einen positiven Ansatz», sagte Merkel am Freitag nach dem Treffen von 27 EU-Staaten in Bratislava; Das habe der für Migrationsfragen zuständige Vizeinnenminister Ioannis Mouzalas nach dem Treffen der EU-Innenminister am Donnerstag in Brüssel gesagt.

В приведенных примерах вышеназванные маркеры участвуют в процессе актуализации примарно-таксисных категориальных ситуаций строгого следования. Они эксплицируют пространственное (*in Syrien, in London*) и пространственно-временное расположение соотносимых между собой во времени действий или событий (*am Freitag in Bratislava, am Donnerstag in Brüssel*).

Заключение. Таким образом, межкатегориальный кроссинг таксиса, темпоральности, аспектуальности и временной локализованности детерминирует актуализацию различных вариантов примарно-таксисных ситуаций одновременности, предшествования и следования в высказываниях с предложными девербативами. В силу пересечения рассмотренных вербальных категорий, детерминирующих таксисную актуализацию, в высказываниях немецкого языка с темпоральными предлогами выражаются дуративно-примарно-таксисные, фазово-примарно-таксисные, итеративно-примарно-таксисные, дистрибутивно-примарно-таксисные и мультипликативно-примарно-таксисные значения. Они специфицированы различными квантификаторами (темпоральными, дуративными, итеративными, локальными, темпорально-локальными), а также фазовыми глаголами и девербативами итеративной и мультипликативной семантики.

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
3. Кудинова Н.Л. Взаимодействие категорий таксиса и темпоральности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (42). С. 95–98.
4. Смирнов И.Н. Категория временной локализованности/нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 186–194.
5. Dwds – Digitales Wörterbuch deutscher Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.06.2022).

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-133>

MUTUAL RELATIONS IN THE SPHERE OF TEMPORAL CATEGORIES (based on the German language)

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Due to the lack of coverage of issues describing inter-categorical relations in the sphere of interaction between taxis and other related semantic categories involved in the verbalization of the idea of time, this problem is relevant today.

The purpose of this paper is to describe inter-categorical relations in the field of integrative interaction of inter-connected functional and semantic categories: taxis, temporality, aspectuality, and temporal localization.

Methodology (materials and methods). The research is carried out within the framework of a functional and semantic approach to the study and description of semantic categories. The main methods used are: the method of directed sampling, hypothetical-deductive, inductive, descriptive methods, classification method, as well as a method of generalization and interpretation of linguistic material. The research material includes statements with taxis prepositions obtained by the method of directed sampling from the Leipzig National Corpus, the Russian National Corpus and the German Electronic Dictionary.

Research results. In the course of the study, it was found out that due to the inter-categorical crossing of functional and semantic categories of taxis, temporality, aspectuality and temporal localization in German statements with prepositional deverbatives, various variants of primary-taxis categorial situations of simultaneity, precedence and consecution are actualized.

Keywords: *inter-categorical relations, inter-categorical interaction, inter-categorical crossing, taxis, aspectuality, temporality, temporal localization.*

References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages: monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p.
2. Bondarko A.V. Verbal categories in the system of functional grammar. 2nd ed. Moskow: Languages of Slavic culture, 2017. 336 p.
3. Kudinova N.L. Interaction of categories of taxis and temporality // Philological sciences // Questions of theory and practice. 2014. No. 12-2 (42). P. 95–98.
4. Smirnov I.N. The category of temporal localization/non-localization of action and its interaction with temporality and aspectuality // Proceedings of the Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen. 2010. No. 126. P. 186–194.
5. Dwds – German Corps. URL: <http://www.dwds.de> (access date: 14.06.2022).

About the author

Arkhipova, Irina Viktorovna – PhD (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), e-mail: irarch@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-134>

УДК 81-25

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧЕВОМ КОНФЛИКТЕ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Фразеологизмы в силу их особенностей как единиц языка постоянно привлекают внимание отечественных лингвистов. Несмотря на значительное количество посвященных им исследований, рассмотрение фразеологизмов вряд ли можно считать исчерпывающим. В частности, не прояснен окончательно вопрос о так называемом «фразеологическом новаторстве», то есть как намеренных, так и ошибочных трансформациях фразеологизмов (изменении их состава, буквализации и проч.). Некоторые авторы полагают, что деформация фразеологизма – особый стилистический прием. С другой стороны, в результате изменения словесного состава фразеологизм попросту перестает быть таковым.

Цель статьи – выяснить, в какой степени внешние изменения фразеологизма затрудняют понимание адресатом его семантики и особенно образности.

Материалы и методы. Фактический материал извлечен из некоторых телепередач, где одним из главных исходных условий очевидно является имитация спонтанной речи людей; личная жизнь их подверглась серьезным испытаниям (в соответствии с сюжетами), и, в частности, поэтому реплики участников характеризуются повышенной эмоциональностью. Для придания речи персонажей дополнительной образности в их дискурсе присутствуют фразеологизмы, нередко искаженные.

Основные методы – структурно-семантический, дискурсивный анализ.

В *результате* проведенного анализа с привлечением ряда авторитетных лексикографических источников удалось установить, что возможности деформации фразеологизмов довольно ограничены и не препятствуют их восприятию собеседниками. Этому способствует память носителей языка, запечатлевшая исконный облик фразеологических оборотов и зафиксированные ими образы.

Кроме того, следует учитывать, что при моделируемом характере речевого общения для ряда его участников преобладающим является стремление не столько поделиться сведениями о каких-то событиях и лицах, сколько желание высказать публично свои мнения и оценки по их поводу. Таким образом, коммуникативная ценность фразеологизмов в подобных ситуациях снижается и деформированные фразеологические обороты, точнее, их рудименты оказываются лишь условными сигналами определенных эмоций.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическое новаторство, деформация фразеологизмов, имитация спонтанного речевого общения, разговорное телепредставление, семантика фразеологизма, образность, экспрессивность, словесное выражение эмоций.

Фразеология удовлетворяет потребности носителей языка в экспрессивности.

А.И. Федоров

Постановка проблемы. Фразеологические обороты (далее – ФО) представляют интерес для изучения во многих аспектах: историческом, этимологическом, источниковедческом, семантическом, национально-ментальном, художественно-изобразительном и др. Несмотря на наличие многих исследований, в том числе ставших классическими (см. труды Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.И. Федорова и др.), научное рассмотрение фразеологизмов вряд ли можно считать исчерпывающим, и причины этого в самой их природе.

Особая прочность семантического переплетения компонентов ФО, обеспечивающая их коммуникативную устойчивость, делает возможность точного перевода с одного языка на другой ничтожной – по сравнению даже с попытками адекватного двуязычного перевода отдельных слов, каждое из которых является элементом особой картины мира, национально-ментально окрашенной. Ложным другом переводчика нередко выступает буквализация ФО, в том числе и на быденном уровне общения. Так, студент-азербайджанец объяснил семантику ФО «*знай наших!*» как «давайте познакомимся».

Один из ранних в специальной литературе примеров – некорректной – интерпретации ФО привел Б.А. Ларин в статье 1956 г.: экзаменуемая студентка увидела внутреннюю форму первой части ФО «потемкинская деревня» не в имени собственном «Потемкин», но (предположительно) в «потемках» или в «темной деревне» [Ларин, 1977, с. 146]. Наверное, достаточно опытный преподаватель (и даже не только филолог) может извлечь из своей практики не один подобный пример.

Не менее распространены и искажения состава фразеологизмов, в том числе и в спонтанных речевых актах российских элитариев. Любопытно, что иногда такие феномены однотипны. Ср.: «Мы выполним все пункты от А до Б» (В. Черномырдин) – и: «Руководство спорткомитета делает все, чтобы в этом клубе было все от А до Б» (П. Пимашков) [Васильев, 2008, с. 90].

И буквализация семантики, и деформация лексического состава ФО нередко применяются для создания комического эффекта либо для усиления смысла высказывания. Например: «по этой части он *съел собаку*. – Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива» [Чехов, 1956, т. 10, с. 503] – или: «Хорошенькая! <...> Черт подери, хлороформу нет! Дал бы ей понюхать, да и *целуй во все лопатки!* Благо все спят...» [Чехов, 1954, т. 1, с. 129].

Иногда ошибочное употребление ФО одним из коммуникантов замечается его более грамотным собеседником и обыгрывается соответствующим образом. Так, в устах В. Жириновского известное выражение «Русские долго запрягают, но быстро едут» (общепринятой версии его происхождения нет) получило форму: «Русские медленно запрягают, но быстро скачут». Эта ошибка здесь же

замечена и исправлена в контексте политических событий В. Третьяковым: «Скачут украинцы, русские едут» (Вечер с Соловьевым. 01.07.21). Игра слов в данном случае возникла в результате многозначности глагола *скакать* – и вследствие отсылки к митинговому аутотренингу национального единения свидомых укров – хоровым выкрикам «кто не скаче, той москаль!», сопровождающим синхронные подпрыгивания патриотов на месте.

Обзор научной литературы. Авторы, пишущие о фразеологизмах, как правило, подчеркивают, что одним из фундаментальных свойств любого ФО является постоянство состава его компонентов (собственно, это основа термина «устойчивое словосочетание»). Поэтому любая трансформация структуры ФО оказывается, по существу, прежде всего попыткой его разрушения – или, по крайней мере, посягательством на статус ФО и фактически переводом его на роль свободного словосочетания. Вместе с тем суждения специалистов о таких явлениях, их причинах и результатах довольно многообразны, хотя зачастую и взаимоподобны (по крайней мере, относительно их использования «мастерами слова», то есть профессиональными творцами литературно-художественных и публицистических текстов во всей их совокупности). Ввиду этого приведем здесь лишь некоторые.

В.М. Мокиенко видел предпосылки к искажениям ФО в недостаточно высоком культурно-образовательном уровне многих речедееателей, а «не зная “глубины” (т.е. истоков. – *А.В.*) <...> выражения, лучше и не касаться его “поверхности”» (т.е. словесного воплощения) [Мокиенко, 1989, с. 190].

Н.М. Шанский особо выделял случаи употребления ФО «в измененном, переформленном или обновленном виде» (как структурно, так и семантически) писателями и публицистами, полагая, что ФО при этом получает новые эстетические и художественные качества и «становится фразеологическим неологизмом» [Шанский, 1972, с. 257].

По мнению же А.И. Федорова, в результате таких писательских экспериментов «фразеологизм перестает быть фразеологизмом <...>. Вместе с тем фразеологизм не превращается в обычную новую метафору, так как на ней сказывается давление фразеологической семантики» [Федоров, 1973, с. 14].

Сегодня исследователи также не оставляют без внимания подобные феномены. Их рассматривают в аспекте газетной языковой игры (как «варианты употребления» ФО) [Зеленов, 2008; Сидоренков, 2014]; в качестве средства повышения эффективности высказывания (как «фразеологические трансформации») [Моклакова, 2009]; средства речевой экспрессии в политическом дискурсе (как «трансформации ФО») [Новоселова, 2019]; в кругу гендерно обусловленных нарушений фразеологических норм [Ермолаева, 2016]; при установлении границ окказиональности фразеологизмов [Третьякова, 2009]; во фразеографических разработках [Исаева, 2012].

Явления фразеологической вариативности, трансформации, неологизации и т.п. изучаются и на иноязычном материале ([Юсупова, Махмудова, 2016; Щербань, 2013; Шахбанова, Алибулатова, Рашидова, 2016; Щербань, 2016]).

Гораздо реже подвергаются лингвистическому рассмотрению подобные факты на примере живой речи современников [Аверьянова, 2019]. Между тем случаи деформации ФО, встречающиеся в повседневном разговорном общении, чрезвычайно интересны.

Материалы и методы. В данной статье источником фактического материала являются тексты некоторых телевизионных программ, как будто содержащих многие черты современной русскоязычной речевой коммуникации, но и, вероятно, в какой-то степени воздействующих на нее. Причем это даже не скудоумные ток-шоу и не безответственные разглагольствования политологов и прочих «экспертов». Мы рассматриваем фрагменты дискурса участников передач, жанровую сущность которых благомыслящему зрителю определить довольно затруднительно. Это разговорно-драматические представления «Давай разведемся!» и «Тест на отцовство», транслируемые каналом «Домашний», который жеманно-кокетливо именуется «самым женским». Примечательно, что здесь нет титров с указаниями фамилий творцов («криэйторов» [Пелевин, 1999, с. 91]) сюжетов и диалогов, режиссеров-постановщиков и участников действия, нет его реальных интерьеров и даже привлекательно-многозначительного оповещения «Основано на реальных событиях». Все эти низкоинтеллектуальные опусы подаются как предельно условные, но при том якобы реалистичные куски действительных коллизий. Вполне возможно, что для зрительниц, не имеющих собственной полноценной личной жизни либо не удовлетворенных ее размеренностью, подобные произведения выступают как более или менее полноценные субституты или вкусовые добавки к своему эмоционально скудному существованию. Такие телепередачи гармонируют с воплощениями недомыслия и пошлости вроде «Пусть говорят», «На самом деле» и проч. Заметим, кстати, что подобные «треп-шоу» (Ю. Поляков) нередко производят задуманный эффект и впечатляют даже житейски мудрых и опытных людей (см. [Поляков, 2006, с. 677]).

Впрочем, лингвистически действительно интересна дискурсивная составляющая этих будто бы просветительских (или морализаторских?) телепрограмм, поскольку их производители очевидно пытаются имитировать речевые акты коммуникантов различных культурно-образовательных уровней, к тому же находящихся будто бы в состоянии эмоционального возбуждения. А последнее зачастую в реальном спонтанном общении делает довольно частыми оговорки и иные речевые ошибки, в том числе связанные с употреблением фразеологизмов.

Допустимо, что «трансформация фразеологических единиц вызывается определенными причинами, подчинена известным закономерностям и потому вполне объяснима» [Бабкин, 1970, с. 32]. Гораздо более дискуссионным представляется следующее положение: «Частные случаи проявления оплошности со стороны говорящего или пишущего могут во внимание не приниматься» [Там же]. Понятно, что именно совокупности «частных случаев» позволяют говорить о гипотетических причинах трансформации ФО.

Одна из известных классификаций вариантов последнего явления [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168–177] (где, впрочем, смешиваются характеристики семантические – и структурно-композиционные) дифференцирует их основные группы в зависимости от авторства, то есть творческие находки профессиональных литераторов (к тому же именно «талантливых» [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168]) – и продукты дискурсивной деятельности всех прочих носителей языка (а это уже «речевые ошибки» [Там же, с. 172]). Такой подход вполне согласуется с вышеприведенной позицией Н.М. Шанского, именовавшего плоды писательских поисков в этой области «фразеологическими неологизмами» [Шанский, 1972, с. 257]. По-видимому, подобие четкой рубрикации превращений фразеологизмов может быть проведено предельно обобщенно: 1) преднамеренная деформация (находка «мастера слова») и 2) непреднамеренная деформация (речевые ошибки широких масс). Небезынтересно, между прочим, что обе эти разновидности считают возможным объединить под общим именованием «Приемы фразеологического новаторства» [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168; и др.].

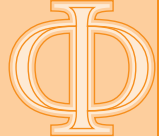
Конечно, без какой-либо классификации ошибок (приемов «новаторства») при употреблении фразеологизмов обойтись невозможно и с методической, и с методологической точки зрения. Кроме того, любой фактический материал нуждается в рубрикации, в том числе и для удобства его упорядоченного анализа.

Поэтому рассматриваемые здесь деформированные фразеологизмы сгруппированы прежде всего по степени семантической слитности компонентов их исходных оригиналов: используется классическая квалификация разновидностей ФО В.В. Виноградова ([Виноградов, 1977] (ст. 1947 г., дополненная Н.М. Шанским) [Шанский, 1972, с. 203–205]).

Предварительные наблюдения показывают, что диапазон искажения внешнего облика ФО в избранном материале довольно узок: 1) замена компонента (компонентов); 2) расширение состава; 3) усечение состава; 4) контаминация разных фразеологизмов в единое словосочетание.

Каждая из названных модификаций (новаций) в той или иной степени меняет семантику, а следовательно, и образность исходного ФО. Собственно, в качестве главного в ситуациях нарушения (условно – непреднамеренного) выступает даже не один, а комплекс вопросов. Прежде всего: какова мера семантического изменения ФО, позволяющая считать его не просто трансформацией (то есть искажением состава ФО, что естественно влечет за собой и изменение его привычной образности), а некоей новацией (результатом фразеологического новаторства), то есть новым ФО? Действительно ли возникает последний? Насколько деформация ФО препятствует пониманию высказывания адресанта? Какие слова из состава ФО, оставшись неизменными при его искажении, можно рассматривать в качестве сигналов его первоначального статуса?

Цель исследования – выяснить, в какой степени внешние изменения фразеологизма затрудняют понимание адресатом его семантики и особенно – образности.

Результаты исследования

Фразеологические сращения. Ошибки в семантике. 1) «Она по-прежнему шла на попятный» (т.е. не соглашалась) ← «идти на попятный» – прост. ‘отступать от своего решения, соглашаясь с кем в чем-либо’ [ФСРЛЯ, 1, с. 275];

2) «Ты столько лет смотрел на это <измены жены> сквозь пальцы, спустя рукава!» ← «спустя рукава» – ‘небрежно, без усердия, не стараясь, кое-как’ [БФСРЯ, с. 654];

3) «Я никакого зазрения совести не испытывал!» ← ср.: «без зазрения совести» – ‘не испытывая чувства стыда; без стеснения’ [ФСРЯ, с. 164]; по-видимому, вместо «угрызения совести».

Замены форм слов и компонентов. «У меня кожа дыбом поднялась!» ← «волосы становятся дыбом» – ‘кого-либо охватывает ужас’ [ФСРЯ, с. 77].

«Да их кондрашка схватит!» ← «кондрашка хватил» – прост. ‘кто-либо внезапно разбит параличом; кто-либо скоропостижно умер, скончался’ [ФСРЯ, с. 203].

«Хочет их обвести вокруг пальцев» ← «обвести вокруг пальца» – ‘ловко, хитро обманывать’ [ФСРЯ, с. 289].

Очевидно, что наиболее затрудняющим восприятие смысла высказывания оказывается введение в ткань фразеологизма слов, семантики которых говорящий не понимает даже приблизительно. И хотя в составе фразеологических сращений присутствие таких слов (архаизмов и проч.) предопределено самой природой фразеологизмов этого разряда, адресант считает допустимым замену одного непонятого ему слова на другое, столь же непонятое. Парадоксально, но такие слова способны выступать как опорные для распознавания бывшего ФО.

Фразеологические единства. Замена компонента. «Он под ее дудку танцует» ← «плясать под дудку» чью – ‘поступать, вести себя так, как угодно кому-либо, безоговорочно во всем подчиняться кому-либо’ [ФСРЯ, с. 325].

«Хотят греть всех под одну гребенку» ← «стричь <всех> под одну гребенку» – ‘уравнивать кого-либо с кем-либо в каком-либо отношении, не считаясь с различиями’ [ФСРЯ, с. 461].

«Матери моей струя какая-то под хвост попала» ← «вожжа [шлея] под хвост попала» кому – прост. ‘кто-либо находится в резко выраженном неуравновешенном состоянии, проявляя взбалмошность, самодурство и т.п.’ [ФСРЯ, с. 74].

«У меня язык не поднимается назвать его другом» ← «язык не поворачивается» у кого – ‘кто-либо не решается, боится, стесняется (сказать, спросить и т.д.)’ [ФСРЯ, с. 540].

«Она кашу заварит, а остальные разгребай» ← 1) «заваривать кашу» – ‘затевать сложное, хлопотное или неприятное дело’ [ФСРЯ, с. 160]; 2) «расхлебывать кашу» – ‘распутывать сложное, хлопотное или неприятное дело’ [ФСРЯ, с. 387].

«Она пригрела змею на своей шее» ← «отогреть змею на груди» – ‘проявлять внимание, заботу, любовь и т.п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью’ [ФСРЯ, с. 305].

«Сама ему на шею накинулась» ← «повеситься на шею» кому – 1) ‘приставать с ласками, нежностями и т.п.’; 2) ‘навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви’ [ФСРЯ, с. 63].

«Не позволю ей на твоей шее висеть!» ← «сидеть на шее» чьей – ‘быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-либо’ [ФСРЯ, с. 423].

«Это она на первый вид белая и пушистая!» ← 1) «на первый взгляд» – ‘по первому впечатлению’ [ФСРЯ, с. 64].

«Она ко мне клинья подкатывала» ← 1) «подбивать клинья» – прост. экспрес. ‘неумело, грубо ухаживать за женщиной’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 101]; 2) «подкатиться» – прост. ‘выбрав удачный момент, обратиться к кому-л. с просьбой, с домогательствами’ [МАС₂, т. III, с. 190].

«Он начал между нами штыки вбивать» ← «вбивать клин» между кем – ‘разобщать кого-либо, делать чуждыми, враждебными друг другу’ [ФСРЯ, с. 56].

«Между ними черная кошка перебежала» ← «черная кошка пробежала» – ‘произошла ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился’ [ФСРЯ, с. 210].

«Она нос постоянно ворочала» ← «воротить нос» – 1) ‘отворачиваться’; 2) ‘относиться с презрением, пренебрежением к кому-либо или к чему-либо’; 3) ‘с пренебрежением отказываться’ [ФСРЯ, с. 79].

«Если кто-то выхватит у нее из-под носа победу, она готова щелкнуть по этому носу» ← 1) «выхватывать из-под носа» что – прост. неодобр. ‘беззастенчиво перехватывать, отбивать у кого-либо что-либо’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 129]; 2) «щелкать по носу» кого – разг. ирон. ‘проучивать, наказывать кого-либо’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 388].

«Она придиралась, вставляла камни в колеса» ← «вставлять палки к колесам» кому – ‘намеренно мешать в каком-либо деле, в осуществлении чего-либо’ [ФСРЯ, с. 85].

«Она тебя [мужчину] завлекала, покрутила перед тобой носом – и все!» ← 1) «крутить носом» – ‘выражать неудовольствие или пренебрежение; отказываться, упираться’ [ФСРЯ, с. 218]; 2) «крутить хвостом» – прост. пренебр. 1) ‘хитрить, лукавить’; 2) ‘флиртовать, кокетничать с кем-либо’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 333].

«Не мне одной волочь лямку!» ← «тянуть лямку» – ‘заниматься тяжелым, неприятным, чаще однообразным делом’ [ФСРЯ, с. 486].

Эллипсисы. «Он руку часто поднимал» ← «поднимать руку» на кого – 1) ‘замахиваться на кого-либо, пытаться ударить, бить кого-либо’ [ФСРЯ, с. 331].

«Я из избы не выносила» ← «выносить сор из избы» – 1) ‘разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми’; 2) ‘разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие’ [ФСРЯ, с. 95].

Приведенные примеры замен частей фразеологических единств синонимичными или даже созвучными словами показывают, что такие деформации не наносят существенный ущерб процессу понимания смысла высказываний. Более того: именно такие лексемы выступают в роли опорных, отсылающих к инварианту. Их лексико-грамматическая принадлежность разнообразна.

Фразеологические сочетания. Контаминации. «Время брать себя в жесткие рукавицы» ← 1) «брать в руки» – ‘подчинять себе, заставляя повиноваться’ [ФСРЯ, с. 44]; 2) «держаться в руках» – ‘сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле; сохранять самообладание’ [ФСРЯ, с. 137]; 3) «держаться в ежовых рукавицах» кого – ‘в большой строгости у кого-либо (быть, находиться)’ тж «брать в ежовые рукавицы» [ФСРЯ, с. 396–397].

«Она решила ему запудрить глаза» ← 1) «запудривать мозги» – прост. экспр. ‘сбивать с толку, запутывать кого’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 253]; 2) «отводить глаза» кому – разг. ‘отвлекать внимание чем-либо, чтобы ввести в заблуждение, обмануть’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 62].

«Бросаешь мне пыль в глаза своими словами» ← «пускать пыль в глаза» – разг. ирон. ‘создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаюсь представить себя, свое положение значительно лучше, чем оно есть в действительности, на самом деле’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 168].

Деформации компонентного состава фразеологических сочетаний в сущности не меняют их семантику сколько-нибудь заметно. Как и в вышеприведенных случаях, точность выбора одного из произвольных компонентов ФО не является решающим условием коммуникативной удачи: привычное место в нем заполнено словом, близким по смыслу и протяженности.

Фразеологические выражения. Изменения состава. «В тихом омуте все черти водятся» ← «в тихом омуте черти водятся» – ‘тихий, скрытный человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя ожидать’ [СРПШ, с. 70].

«Болезни как с рукой сняло» ← «как рукой сняло» – ‘устраняет, сводит на нет очень быстро и сразу, как будто и не было’ [БФСРЯ, с. 314]; ‘сразу, совершенно, бесследно прошло’ [ФСРЯ, с. 442].

«Врешь!» – «Нет, это чистая вода!» ← «чистой воды» – ‘самый настоящий, истинный, доподлинный’ [ФСРЯ, с. 74]; ср.: *«чистая правда», где *чистая* – перен. ‘не заключающая в себе лжи и обмана’ [МАС₂, т. IV, с. 681].

«Она влюблена, как б е ш е н а я кошка» ← ср.: «как угорелая кошка» – ‘в иступлении, бессмысленно (бегать, метаться и т. п.)’; также см.: «Она <...> любит меня <...>, как кошка» [Чехов, 1954, т. 1, с. 308]. – «С и л а ко ш а ч ь е й л ю б - в и во ш л а в по г о в о р к у, но, держу пари на что хотите, ни одна кошка не любила своего кота, как любила меня эта крошечная женщина» [Чехов, 1955, т. 3, с. 310].

«У меня в с я чаша терпения переполнилась». «Это переполнило ваше терпение». «Теперь капля переполнена» ← «переполнилась чаша терпения» – ‘нет никакой возможности выносить, терпеть что-либо’ [ФСРЯ, с. 517]; ср. также: «до <последней> капли» – 1) ‘без остатка, до дна (выпить, осушить и т.п.)’; 2) ‘все целиком (рассказать, изучить, растратить и т.п.)’ [ФСРЯ, с. 194] – и: «последняя капля» – разг. экспр. ‘факт, какое-либо событие в числе других, ставшие причиной ссоры, открытой вражды и т.п.’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 292]; ср.: «она <любовница> стала последней каплей».

«Устами ребенка гласит истина». «Устами младенца говорит истина» ← возможно: «Иисус же говорит им: да разве вы никогда не читали: “Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?”» (Матф. 21: 16) → «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. 8: 3); ср. также: «Да ведь король голый! – сказал вдруг какой-то ребенок. “Господи боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец!” – сказал его отец. И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка» [Андерсен, 1982, с. 288].

«Кто-то посеял ветер – пожимайте теперь бурю» ← «Так как они [израильяне] сеяли ветер, то и пожнут бурю: хлеба на корню не будет у него, зерно не даст муки, а если и даст, то чужие проглотят ее» (Ос. 8: 7).

«Пока гром не грянет, н и к т о не перекрестится» ← «гром не грянет, мужик не перекрестится» – ‘беспечный человек не сделает необходимого заранее, прежде, чем его вынудят к этому обстоятельства’ [СРПП, с. 113].

«А она орет во всю ю п и т е р с к у ю !» ← «во всю ивановскую» – 1) ‘очень громко (кричать, храпеть и т.п.)’ [ФСРЯ, с. 177] – от выражений «звонить во всю Ивановскую» – во все колокола «колокольни в московском Кремле» и «кричать во всю Ивановскую» – от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы» [Там же] – т.е. местá масштабных, незаурядных событий. Возможно, замена «ивановскую» на «юпитерскую» не вполне осознанно продиктована тем, что Юпитер – крупнейшая из планет Солнечной системы.

«Она вертится, как змея на сковородке» ← ср.: «извиваться ужом [змеей]» – ‘изворачиваться, ловчиться, хитрить’ [ФСРЯ, с. 183].

Конечно, здесь представлены примеры прежде всего заурядного неряшества речи. Произведенные коммуникантами изменения не меняют общей семантики выражений радикально, хотя ФО все-таки деформирован.

Фразеологические выражения. Изменения и контаминации. «Я просто хотела все точки расставить» (ср.: «Мы должны расставить точки» (П. Пимашков. Мужское и женское. 1 к. 03.21)). «Пришло уже время расставить свои точки над и» ← «ставить точки над и» – ‘окончательно выяснять, уточнять все подробности, не оставлять ничего недосказанным; доводить что-либо до логического конца’ [ФСРЯ, с. 452].

«Отвернитесь от камня раздора!» ← ср.: «яблоко раздора» между кем, между чем – книжн. ‘повод, причина ссоры, споров, серьезных разногласий’ [ФСРЯ, с. 539] – и «камень преткновения» – книжн. ‘помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии и т.п.’ [ФСРЯ, с. 192].

«Это игра одного актера!» ← «театр одного актера» [ССЦ, с. 634].

«...Чтобы поставить крест на этой комедии» ← ср.: «поставить крест» – ‘окончательно разуверившись в чем-либо, отказаться от чего-либо, перестать думать о чем-либо, надеяться на что-либо’ [ФСРЯ, с. 347] – и «ломать комедию» – ‘притворяться перед кем-либо, лицемерить’ [ФСРЯ, с. 232].

Возможность деформаций фразеологических выражений обеспечивается их фоновой афористичностью и распространенностью, настойчиво отсылающими к первичному образу.

Фразеологические выражения. Метатезы. 1) «Ниже воды, тише травы» ← «тише воды, ниже травы» – 1) ‘робкий, скромный, незаметный’; 2) ‘робко, скромно, незаметно’ [ФСРЯ, с. 476];

2) «Она уже не сама своя!» ← «сам не свой» – ‘расстроен, потерял душевное равновесие’ [ФСРЯ, с. 406]; ‘потерял душевное равновесие, расстроен, взволнован’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 213];

3) «Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме» ← «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» [СРПП, с. 507];

4) «И с милым рай в шалаше» ← «с милым рай и в шалаше» [СРПП, с. 389];

5) «Бес в ребро – седина в бороду» ← «седина в бороду, а бес в ребро» – ‘о пожилом мужчине, который начинает интересоваться женщинами’ [СРПП, с. 407].

Можно наблюдать, как в этом ряду примеров имеет место семантическая градация: от почти безвредной перестановки компонентов (1, 2) и перемещения смысловых акцентов (3, 4) – до совершенного разрушения причинно-следственных связей.

Следует отметить также частные случаи деформации несомненно устойчивых словосочетаний (при этом далеко не всегда включаемых в число фразеологизмов). Это происходит обычно вследствие частичного изменения состава словосочетания или порядка расположения его компонентов.

Например: «пока суть да дело» ← «пока суд да дело» – ‘пока происходит, делается, совершается и т.п. что-либо’ [ФСРЯ, с. 463]; «руки в ноги» ← «ноги в руки» (в обоих случаях происходит совершенная десемантизация). Или: «Лера <влюбленная> сверлила Кешу» (ср.: «сверлить взглядом»); «весь флер тянется не случайно» (ср.: «тянется шлейф»); «вроде бы она взялась за голову» (ср.: «взяться за ум» ← ‘становиться благоразумнее, рассудительнее; образумливаться’ [ФСРЯ, с. 48] – и «схватиться за голову» – ‘приходить в ужас, в отчаяние’ [ФСРЯ, с. 504]).

Последнее речение можно считать также и примером контаминации двух словосочетаний – такие операции довольно известны. См.: «стал колоть, откуда дрова-то растут»: ср.: «откуда ноги растут» – и «откуда дровишки?»), или: «ее всегда гложет жаба, что нет богатого мужа»: ср.: «гложет зависть» – и «душит жаба».

Нередко деформация устойчивого словосочетания обнаруживает совершенное непонимание адресантом его семантики. Например: («истец»:) «и я не пошел направо». – («судья»:) «так налево, когда от жены». – («истец»:) «ну, я налево не ходил и не знаю, как называется».

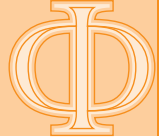
По-видимому, «фразеологическое новаторство» – это прежде всего трансформация внешнего (словесного) облика ФО, влекущая за собой (или синхронно обеспечивающая) искажение его традиционной образности. При этом отнюдь не возникает новый ФО, а лишь некое словосочетание-отсылка к известному фразеологизму, смысловые рудименты которого проявляются, будучи хорошо знакомыми в каноническом виде широкому кругу носителей данного языка.

Справедливо, что «в результате таких [писательских] преобразований фразеологизм перестает быть фразеологизмом: он теряет постоянство компонентов и постоянство лексической среды (обязательного окружения), в которой реализовалась его семантика. Вместе с тем фразеологизм не превращается в обычную новую метафору, так как на ней сказывается давление фразеологической семантики» [Федоров, 1973, с. 14].

Заключение. Что же касается конкретных вышеприведенных трансформаций фразеологизмов, то при дифференциации их по разрядам получается следующая картина.

В сращениях неразличение незнакомых адресанту слов оказывается причиной деформации, что, однако, оказывается несущественным для понимания адресатом общего смысла высказывания, преимущественно его оценочности. При трансформации единств замена компонента (иногда созвучным либо синонимичным эталонному словом) либо его пропуск тоже не исключают восприятия оценочной окрашенности реплики, основанного на некоем семантическом фоне стандартного ФО. В пределах сочетаний особенно часты контаминации, но, как правило, наличие слова со связанным употреблением выступает указателем на общезыковую семантику ФО. Относительно выражений можно сказать, что искажение состава, вызванное речевым неряшеством адресанта, не сказывается радикально на восприятии его высказывания. Здесь также довольно частотны контаминации. Однако наиболее заметно выражения становятся деформированными вследствие метатез, значительно смещающих смысловые акценты – вплоть до возможности совершенного переосмысления деформированного ФО, собственно, как и в других вышеприведенных случаях, переставшего быть таковым. Опять же: налицо попытка сохранить оценочный заряд фразеологизма – прототипа.

Но есть и еще одно обстоятельство – вероятно, важнейшее в коммуникативном отношении. За деформированным ФО стоит образность его исходного инварианта, хранящаяся в памяти носителей языка. В искусственно напряженных диалогах, смоделированных применительно к изображаемым в телепередачах ситуациям, главной целью говорящих оказывается нередко не столько потребность сделать известными какие-то факты интимной жизни, сколько стремление выразить свои эмоции по этим острым поводам. Поэтому адресант зачастую и не соблюдает точность в использовании ФО: это вовсе не главное для него. Собственно, некий звуковой комплекс (деформированный ФО) выступает в роли, близкой, как ни парадоксально, к роли междометия. Он призван лишь передать экспрессию говорящего по тому или иному поводу. В свою очередь, и адресат настроен преимущественно не на сотрудничество с адресантом по поводу объективного выяснения причин и следствий каких-то событий, но на их эмоциональную оценку. Ее словесным сигналом и является деформированный ФО, первоначальная семантика которого, по существу, выпадает из поля зрения

речедееателей; вместо нее фигурирует лишь рудимент образности, используемый как доказательство чьей-то правоты в конфликте. Собственно говоря, примерно то же самое происходит при восприятии слушателем слов родного языка, звуковой облик которых искажен адресантом (дефекты речи, иноязычный акцент, особенности артикуляции и др.).

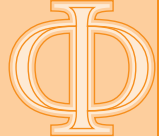
Библиографический список

1. Аверьянова Н.А. Фразеологизмы в речи студентов технического вуза // Преподаватель. XXI век. 2019. № 1. С. 206–211.
2. Андерсен Г.-Х. Новый наряд короля // Литературные сказки зарубежных писателей. М., 1982. С. 285–288.
3. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1986. 768 с. (КС).
4. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. 264 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. 748 с. (БФСРЯ).
6. Васильев А.Д. Авторское употребление фразеологического единства / свободного словосочетания как интертекстуальный прием // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. № 4 (58). С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-58-4-30>
7. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
8. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
9. Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи. М., 2018. 455 с.
10. Душенко К. Словарь современных цитат. М., 2006. 832 с. (ССЦ).
11. Ермолаева М.В. Нарушения фразеологических норм в речевом произведении гендера // Вестник ЮУрГУ. 2016. Т. 13, № 2. С. 55–59.
12. Зеленов А.Н. Фразеологизм-заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 63–66.
13. Исаева Н.Ш. Современная фразеография: проблемы и перспективы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 254–256.
14. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.
15. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Киев, 1989. 221 с.
16. Моклакова А.Ю. Смысловое преобразование фразеологических единиц русского языка с компонентом числительным в системе речи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 162–165.
17. Новоселова В.А. Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе // Ученые записки Петрозаводского госуд. университета. 2019. № 5 (182). С. 61–69.
18. Пелевин В.О. Generation «П». М., 1999. 304 с.
19. Поляков Ю.М. Геометрия любви // Поляков Ю.М. Треугольная жизнь. М., 2006. С. 669–681.
20. Сидоренков В.А. Фразеологизм-заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 235–237.
21. Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В.П. Жуков. М., 1966. 535 с. (СРПП).
22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (МАС₂).
23. Третьякова И.Ю. К проблеме границ окказиональности фразеологизмов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 134–138.

24. Федоров А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. 32 с.
25. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Новосибирск, 1995 (ФСРЛЯ).
26. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987. 543 с. (ФСРЯ).
27. Чехов А.П. В вагоне // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 1. С. 125–130.
28. Чехов А.П. Записные книжки // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 413–540.
29. Чехов А.П. Мои жены // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 3. С. 308–315.
30. Чехов А.П. Пропавшее дело // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 1. С. 308–312.
31. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1972. 368 с.
32. Шахбанова П.Б., Алибулатова Н.Э., Рашидова А.Д. К вопросу о методической классификации фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 104–109.
33. Щербаков К.Ю. Эмоции через призму фразеологизмов // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), т. 2. С. 209–213.
34. Щербань О.В. Буквализация как источник семантического развития английских фразеологизмов // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 13 (752). С. 152–163.
35. Юсупова М.А., Махмудова М.А. Стилистика фразеологических единиц в английском и русском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета. 2016. № 1 (46). С. 101–104.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-134>

COMMUNICATION FUNCTION OF DEFORMED IDIOMS IN SPEECH CONFLICT

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Idioms, due to their special features as units of language, constantly attract the attention of Russian linguists. Despite a significant number of studies devoted to them, idioms can hardly be considered to be studied comprehensively. In particular, clarifications are needed for the so-called “idiomatic innovation,” that is, both intentional and erroneous transformations of idioms (changes in composition, literalization, etc.). Some authors believe that deformation of an idiom is a special stylistic device. On the other hand, as a result of a change in verbal composition, an idiom simply ceases to be so.

The purpose of the article is to examine the extent to which external changes in idioms make it difficult for the addressee to understand its semantics and especially imagery.

Materials and methods. The actual material is extracted from some television shows, where one of the main baselines is obviously simulating a spontaneous speech of people; their personal life has been seriously tested (in accordance with the plots), and, therefore, the speech of the participants is characterized by increased emotionality. To provide the characters’ speech with additional imagery, idioms, though often distorted, are present in their discourse. The main method of our research is structural and semantic.

As a *result* of the analysis, involving a number of authoritative lexicographic sources, it was possible to establish that the possibilities of deformation of idioms are quite limited and do not interfere with their perception by interlocutors. This is facilitated by the memory of native speakers, who have captured the original structure of idioms and the images encapsulated by them.

In addition, it should be borne in mind that in the modelled nature of speech communication, some of its participants wish not so much to share information about some events and individuals as to express publicly their opinions and assessments about them. Thus, the communicative value of idioms in such situations is reduced, and deformed idiomatic expressions, more precisely, their rudiments turn out to be only conditional signals of certain emotions.

Keywords: *phraseology, phraseological innovation, deformation of idioms, imitation of spontaneous speech communication, conversational tele-performance, semantics of idioms, imagery, expressiveness, verbal expression of emotions.*

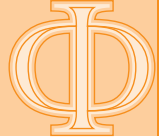
References

1. Averyanova N.A. Phraseological units in the speech of students of a technical university // *Teacher. XXI century.* 2019. No. 1. P. 206–211.
2. Andersen G.-H. The new attire of the king // *Literary tales of foreign writers.* Moscow, 1982. P. 285–288.
3. Ashukin N.S., Ashukina M.G. *Winged words. Literary quotations. Figurative expressions.* Moscow, 1986. 768 p. (KS).
4. Babkin A.M. *Russian phraseology, its development and sources.* Leningrad, 1970. 264 p.
5. *A large phraseological dictionary of the Russian language.* Ed. V.N. Telia. Moscow, 2006. 748 p. (BFSRYA).
6. Vasilyev A.D. The author's use of phraseological unity / free word combinations as an intertextual technique // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.* 2021. No. 4 (58). P. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-58-4-305>
7. Vasilyev A.D. *Russian language policy 1991–2005.* Krasnoyarsk, 2008. 176 p.
8. Vinogradov V.V. About the main types of phraseological units in the Russian language // *Vinogradov V.V. Selected works. Lexicology and Lexicography.* Moscow, 1977. P. 140–161.

9. Golub I.B., Starodubets S.N. Stylistics of the Russian language and culture of speech. Moscow, 2018. 455 p.
10. Dushenko K. Dictionary of Modern Quotations. Moscow, 2006. 832 p. (SSC).
11. Ermolaeva M.V. Violations of phraseological norms in the speech work of gender // Bulletin of SUSU. Vol. 13, No. 2. 2016. P. 55–59.
12. Zelenov A.N. Phraseologism-the title of a newspaper text in the aspect of language play // Bulletin of the Novgorod State. university. 2008. No. 49. P. 63–66.
13. Isaeva N.S. Modern phraseography: problems and prospects // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2012. No. 1. P. 254–256.
14. Larin B.A. Essays on phraseology // Larin B.A. History of the Russian language and general linguistics. Moscow, 1977. P. 125–149.
15. Mokienko V.M. Into the depths of proverbs. Kiev, 1989. 221 p.
16. Moklakova A.Yu. Semantic transformation of phraseological units of the Russian language with a numeral component in the speech system // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2009. No. 4. P. 162–165.
17. Novoselova V.A. Transformation of phraseological turns as a means of speech expression in political discourse // Uch. zap. Petrozavodsk state. University. No. 5 (182). 2019. P. 61–69.
18. Pelevin V.O. Generation “P”. Moscow, 1999. 304 p.
19. Polyakov Yu.M. Geometry of love // Polyakov Yu.M. Triangular life. Moscow, 2006. P. 669–681.
20. Sidorenkov V.A. Phraseologism-the title of a newspaper text in the aspect of a language game // Bulletin of the Novgorod State. university. 2014. No. 77. P. 235–237.
21. Dictionary of Russian proverbs and sayings. Comp. V.P. Zhukov. Moscow, 1966. 535 p. (SRPP).
22. Dictionary of the Russian language. In 4 vol. Edited by A.P. Evgenieva. Moscow, 1981–1984 (MAS₂).
23. Tretyakova I.Yu. To the problem of the boundaries of the occasionality of phraseological units // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2009. No. 2. P. 134–138.
24. Fedorov A.I. Russian phraseology and its study by sources. Autoref. ... doct. philol. N. Leningrad, 1973. 32 p.
25. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 vols. Novosibirsk, 1995 (FSRL).
26. Phraseological dictionary of the Russian language / Ed. by A.I. Molotkov. Moscow, 1987. 543 p. (FSRYA).
27. Chekhov A.P. In the carriage // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1954. Vol. 1. P. 125–130.
28. Chekhov A.P. Notebooks // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1956. Vol. 10. P. 413–540.
29. Chekhov A.P. My wives // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1955. Vol. 3. P. 308–315.
30. Chekhov A.P. The lost cause // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1954. Vol. 1. P. 308–312.
31. Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. Ed. 2. Moscow, 1972. 368 p.
32. Shakhbanova P.B., Alibulatova N.E., Rashidova A.D. On the issue of methodological classification of phraseological units // Bulletin of the Chelyabinsk State. Pedagogical University. 2016. No. 2. P. 104–109.
33. Shcherbakov K.Yu. Emotions through the prism of phraseological units // Bulletin of KemSU. 2013. No. 2 (54), vol. 2. P. 209–213.
34. Shcherban O.V. Literalization as a source of semantic development of English phraseological units // Vestnik MGLU. 2016. Is. 13 (752). P. 152–163.
35. Yusupova M.A., Makhmudova M.A. Stylistics of phraseological units in English and Russian languages // Uch. zap. Khujand state. University. 2016. No. 1 (46). P. 101–104.

About the author

Vasilyev Aleksandr Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical university of V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-135>

УДК 81

«ЛЮБОВЬ» КАК ЦЕННОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ «ПЕДАГОГ» КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)**Т.В. Мамаева (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается ассоциативное поле «Любовь» и обосновываются причины количественных и качественных различий любви как ценности в языковом сознании педагогов Красноярского края. Специфические черты регионального языкового сознания выявляются в результате сопоставления данных прямого и обратного порядка базы данных первого ассоциативного словаря профессиональной группы «педагог» на основе массового ассоциативного эксперимента с количеством испытуемых 2500 человек (АСП). Материалы обратного ассоциативного словаря (от реакции к стимулу) демонстрируют top-75 слов с наибольшим количеством ассоциативных связей, представляющих собой перечень базовых ценностей и профессиональных доминант испытуемых, называемых «ядром языкового сознания». Ассоциативные поля ядра языкового сознания являются основой для описания ценностной картины мира данной профессиональной группы.

Цель работы – выявление ценностных представлений о любви в языковом сознании сибирских педагогов.

Для достижения поставленной цели проведен анализ ассоциативного поля «Любовь», выявлены специфические черты профессионального языкового сознания.

В результате анализа мы пришли к следующему выводу: выявленные ассоциации языкового сознания педагогов Красноярского края позволяют утверждать, что любовь является одной из ценностных доминант данной профессиональной группы и содержит концептуальное ядро, тесно связанное с понятиями *чувство, семья, дети*. Профессиональные представления современного учителя о любви отразились в немногочисленных понятиях: *Чехов, дело, патриотизм, книга* и др.

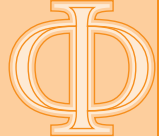
Ключевые слова: *психолингвистика, профессиональная группа, ассоциативное поле, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ценность.*

Постановка проблемы. По утверждению психологов, социологов, философов, уровень зрелости того или иного человеческого сообщества определяет и ценностный аспект отдельной языковой личности. В социальном плане ценность определяется относительно нормы. «Важнейшей единицей аксиологической картины мира является социальная норма. Сущность ее взаимоотношения с категорией ценности выражается в том, что ценности выступают детерминирующим фактором при образовании системы социальных норм, а смысл конкретных норм может быть понят только с опорой на доминантные ценности культуры» [Бабаева, 2004, с. 7].

Методология. Изучение языкового сознания путем массового психолингвистического эксперимента на определенной территории дает возможность получить представление о региональной специфике, обусловленной геополитическими и социальными условиями. В качестве объекта исследования выступает в таком случае языковое сознание различных социальных и возрастных групп носителей русского языка, в качестве предмета исследования – результаты свободного ассоциативного эксперимента. Использование такого метода, как свободный ассоциативный эксперимент, позволяет получить данные о неявных, скрытых смыслах сознания, в частности ценностных ориентирах, основополагающих чертах мировоззрения, ментальности народа [Васильева и др., 2017, с. 18].

Обзор литературы. Концепт «любовь» уже не раз становился объектом исследования. Так, С.Г. Воркачев, исследуя названный концепт, отмечает, что «концепт любви, безусловно, отражает представления о базовых ценностях, в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами счастья, веры, надежды, свободы. Он напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия» [Воркачев, 2003, с. 189]. Любовь как высшая общечеловеческая ценность исследовалась Л.А. Комаровой с точки зрения осмысления феномена любви на разных этапах развития общества. Автор также рассмотрела виды любви и значение Всероссийского дня семьи, любви и верности для современного социума [Комарова, 2012, с. 171]. Этнокультурное содержание (религиозное и светское) понятий *вера, надежда, любовь* в русском языковом сознании жителей Приенисейской Сибири, выявленное С.П. Васильевой, показало: «...в сибирском языковом сознании из триады *вера, надежда, любовь* религиозным смыслом наделено понятие *вера*, в большей степени с ним связано понятие *надежда*, в наименьшей степени – *любовь*, которое носит светский характер» [Васильева, 2015, с. 219]. Аксиологическая доминанта «любовь» в языке повествователя «Рассказов сибиряка» В.И. Соколовского исследовалась нами с целью выявления ценностных доминант фрагмента индивидуально-языковой картины мира рассказчика [Бурмакина, Мамаева, 2018].

Результаты исследования. «Мы живем в “смутное время”, время крушения социальных идей, скреплявших наше общество, когда в качестве реакции на социальную неопределенность возрастает роль этничности как наиболее древней и устойчивой формы информационного структурирования мира» [Уфимцева, 1998, с. 137]. Ценностные представления профессиональной группы «педагог» интересны нам не только с точки зрения принадлежности к данной группе, но и как необходимость изучения внутреннего мира современного учителя как важнейшего транслятора насущно необходимых знаний, «заведомо обладающего как специальными знаниями, так и четким представлением об аксиологической шкале, желаемой или доминирующей в обществе. Названные качества присутствуют у проводника знаний независимо от его узкой специализации, поэтому, как известно, “преподавание – одно из средств воспитания” [Цит. по: Васильева и др., 2022, с. 6].

Учитывая современное отношение мирового сообщества «ко всему русскому», когда идет постепенное овладение «русским народом через малозаметную инфльтрацию его души и воли» [Ильин, 1993, с. 169], вопрос о национальной идентичности, сохранении образа мира, в том числе через прививаемые педагогом традиционные духовные ценности, остается актуальным.

Основываясь на данных массового свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) среди учителей и выпускников педагогических учебных заведений Красноярского края, объединенных в электронную базу данных первого профессионального ассоциативного словаря педагога «Ассоциативный словарь профессиональной группы “педагог” Красноярского края», рассмотрим представление о любви в языковой картине мира педагогов Приенисейской Сибири. Ядерная зона ассоциативного поля «Любовь» представлена небольшой группой реакций с частотой от 12 до 7 и включает следующие лексемы: *чувство 12, семья 8, счастье 7, нет реакции 7*, показывающие в большинстве отношении педагогов к любви как ценности семейной, как к чувству, которое приносит счастье. Отсутствие реакций может указывать на неоднозначное отношение к ценности, связанное с разноплановым жизненным опытом респондентов.

В формировании представления о ментальности, о жизненных идеалах немаловажную роль представляет зона околождерная. Здесь встречаем также довольно небольшое количество реакций, связанных с прецедентными текстами (*зла 6, морковь 3*), семейными ценностями (*муж 3, дети 3, верность 3*), степенью любовного накала как движущей силы (*сила 3, страсть 3, нежность 4*), эмоциональным мироощущением (*романтика 3*), отношением к жизни (*жизнь 5*).

Периферийная зона обширна и показательна (частота от 2 до 1): ассоциации профессиональной группы связаны как с положительными эмоциями, так и с отрицательными (*боль, зло, вера, брак, поддержка, надежда, презрение, беспокойное сердце, разлука, радость, ненависть, болезнь, сердце, моя, благо* и др.), реакции, указывающие на любовь внутри семьи, ее длительность, характеристику (*к мужу, мужа, мама, муж, дети, сын, к родителям, жена, супруг, родителей, на всю жизнь, навеки, на век, вечность, навечно, не вечна, бесконечная, до гроба, неземная, взаимная, вечная, первая, большая, навсегда, крепкая, безответная, уважение, с первого взгляда, светлое чувство, взаимность, завидное, великое чувство, чистота* и др.), связанные с популярным советским фильмом «Любовь и голуби» (1984) (*и голуби*). Здесь же отмечаем степень близости отношений (*понимание, дружба, взаимопонимание, доверие, чувства, огонь, мечта, отношение к чему-либо самое положительное, будущее, забота, искренность, привязанность, страсть* и др.). Интересны отдельные сниженные реакции, указывающие на явно отрицательный любовный опыт (*сука, коза*), характер любовных отношений (*либидо, поцелуй, секс*), возрастные особенности (*молодость*), пространственные категории или философское восприятие человека (*мир, света*), прагматичное отношение (*деньги*), цвет (*красный*), любовь как степень эмоционально положительного отношения к чему-либо (*к технике*) и др.

Лексема *бабочка*, на наш взгляд, может быть отнесена к нескольким группам ассоциаций: недолговечности чувства, ее легкости, красоте, степени положительных эмоций.

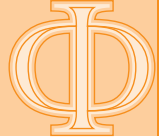
Обратный поиск «от реакции к стимулу» дает следующие данные: *мама 28, свидание 23, чувство 20, чувствовать 19, семья, 18, сердце 15, романтик 12, мать 10, встретит 10, родители 10, коварство 9, жизнь 7, жена 7, счастье 7, ребенок 7*, среди которых так, как и при прямом порядке, проявлено положительное отношение педагогов к любви, проявляющейся в эмоциональной и социальной сферах жизни. Исключением является стимул *коварство*, указывающий на восприятие любви как чувства лукавого, манипулятивного, скрывающегося «под маской» добродетели.

Околоядерная зона включает стимулы, характеризующие как сибиряков-педагогов, так и в целом сибиряков, что можно объяснить укладом жизни, где традиционно ценятся семья, дети: *дитя 6, вечность 5, совет 5, весна 5, бабушка 5, дети 5, муж 5*. При прямом порядке подобные лексемы присутствуют на периферии.

Периферийная зона (частота от 4 до 1) «от реакции к стимулу» близка к периферийной зоне прямого поиска и включает стимулы, отражающие разное восприятие ценности «любовь» педагогами: неадекватное состояние (*безумие, безрассудный*), родовую принадлежность (*папа, дочь, сын, отец, сестра*), физическое проявление любви (*заниматься, семя, удовольствие, постель, желать*), любовь как степень эмоционально положительного отношения к чему-либо (*еда, бизнес*), переживаемые эмоции/действия, оценочность (*сострадание, сочувствие, жалость, страдание, мучение, разочарование, терять, простить, отобрать, заменить, наполнять, искать, радость, думать, видеть, трудолюбие, зависимость, наркотик, искренний, нежный, жестокий, нужный, родной, милый, терпимый, сильный, безответственный, красный*), участники отношений (*девушка, парень, мужчина, друг, человек, я, мы, он, она*) и др. В данной зоне отмечаем наличие стимулов, представляющих собой семантические оппозиции, которые вызвали единую реакцию – любовь: *любить – ненавидеть, добро – зло/злота, найти – потерять, давать – отдавать, никогда – всегда, вместе/совместный – одиночество*.

Показательной при обратном поиске считаем реакцию *любовь* на стимулы *жить, вечность, вера, Бог, душа, гостеприимство, патриотизм, искусство, Чехов, книга, дистанционка, дело, потом*, что, как нам кажется, указывает как на национальную принадлежность респондентов, так и на профессиональную.

Таким образом, выявленные ассоциации языкового сознания педагогов Красноярского края позволяют утверждать, что любовь является одной из ценностных доминант данной профессиональной группы и содержит концептуальное ядро, тесно связанное с понятиями *чувство, семья, дети*. Профессиональные представления современного учителя о любви отразились в немногочисленных понятиях *Чехов, дело, патриотизм, книга* и др.

Педагоги, как и сибиряки в целом, демонстрируют амбивалентность любви (*зла, коварство, романтика, безответная*), в проявлении которой важны физические и физиологические отношения (*поцелуй, свидание, постель, секс*), при этом самыми многочисленными остаются представления о любви как семейной ценности, вечной и чистой (*к детям, брак, жена, семья, к мужу, мужа, мама, муж, дети, сын, к родителям, жена, супруг, родителей, на всю жизнь, навеки, на век, вечность, навечно, бесконечная, до гроба, неземная, взаимная, вечная, первая, большая, навсегда, крепкая, светлое чувство, взаимность, завидное, великое чувство, чистота* и др.).

Выводы. Можно утверждать, что любовь в представлении профессиональной группы является традиционной для русской культуры духовной ценностью и понимается как высокая степень эмоционально положительного отношения, при этом объект любви помещен в центр жизненных потребностей и интересов: любовь к Родине (*патриотизм*), к матери (*мама, к маме, к родителям*), к детям (*дети, сын, к детям*), любовь как эмоционально положительное отношение к чему-либо (*к технике, к музыке, дело, к еде, бизнес*) и т.д. Все это характеризует педагога как личность, чьи общечеловеческие ценности реализуются в любви, через любовь, которая на протяжении всей истории человечества остается самой притягательной нравственной силой.

Список словарей

1. Ассоциативный словарь профессиональной группы «педагог» Красноярского края / авт.-сост.: С.П. Васильева, А.Д. Васильев, В.В. Ингул, А.А. Курделяс, А.Г. Тимченко, Е.В. Устьянцева, М.Ю. Забалуев. (АСП). URL: <https://et2.kspu.ru/> (дата обращения: 21.04.2022).

Библиографический список

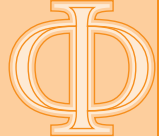
1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 438 с.
2. Бурмакина Н.А., Мамаева Т.В. Аксиологическая доминанта «любовь» в языке повествователя «Рассказов сибиряка» В.И. Соколовского // Сибирский филологический форум. 2018. № 2 (2). С. 4–11.
3. Васильева С.П. ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2. С. 214–220.
4. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Устьянцева Е.В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
5. Васильева С.П. и др. Изучение ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. 156 с.
6. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189–208.
7. Ильин И.А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 234 с.

8. Комарова Л.А. Любовь как высшая общечеловеческая ценность // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 170–173.
9. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Российская академия наук, Институт языкознания, 1998. С. 135–170.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Мамаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-135>

THE VALUE OF LOVE IN THE VIEW OF THE TPEDEACHER KRASNOYARSK REGIONAL PROFESSIONAL GROUP

N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mamaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article deals with the LOVE associative field and substantiates reasons for the quantitative and qualitative differences of LOVE as a value in the linguistic consciousness of teachers of the Krasnoyarsk region. The specific features of regional language consciousness are revealed as a result of comparing data of direct and reverse order of the database in the first associative dictionary of the *Teacher* professional group on the basis of a mass associative experiment with the number of subjects – 2,500 people. Materials of the reverse associative dictionary (from reaction to stimulus) demonstrate the top 75 words with the largest number of associative connections, representing a list of basic values and professional dominants of the test subjects, and are called the *core of language consciousness*. Associative fields of the core of language consciousness are the basis for describing the value picture of the world of this professional group.

The purpose of this article is to identify the value concepts of love in the language consciousness of Siberian teachers. To achieve this goal, analysis of the LOVE associative field was carried out, specific features of professional language consciousness were identified.

As a *result* of the analysis, we came to the following conclusion: the identified associations of language consciousness among teachers of the Krasnoyarsk region imply that LOVE is one of the value dominants of this professional group and contains a conceptual core closely related to the concepts of *feeling, family, children*. Professional ideas of a modern teacher about love are reflected in the few concepts of *Chekhov, business, patriotic feeling, book*, etc.

Keywords: *psycholinguistics, professional group, linguistic consciousness, associative experiment, associative field, value.*

Spisok slovarej

1. Associative dictionary of the professional group “teacher” of the Krasnoyarsk Territory / author-comp.: S.P. Vasilyeva, A.D. Vasiliev, V.V. Ingul, A.A. Kurdelyas, A.G. Timchenko, E.V. Ustyantseva, M.Y. Zabaluev. (TSA). URL: <https://et2.kspu.ru/> (access date: 04.21.2022).

References

1. Babaeva E.V. Linguoculturological characteristics of Russian and German axiological world-views: dis. ... Doctor of Philology: 10.02.20. Volgograd, 2004. 438 p.
2. Burmakina N.A., Mamaeva T.V. The axiological dominant “love” in the language of the narrator of the “Stories of the Siberian” V.I. Sokolovsky // Siberian Philological Forum. 2018. No. 2 (2). P. 4–11.
3. Vasilyeva S.P. FAITH, HOPE, LOVE in the linguistic consciousness of Siberians of the Yenisei Siberia // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2015. No. 2. P. 214–220.
4. Vasilyeva S.P., Vasiliev A.D., T.V. Mamaeva, E.V. Ustyantseva Basic values of regional linguistic consciousness of Russians in Yenisei Siberia: monograph. Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafyev, 2017. 180 p.

5. Vasilyeva S.P. et al. The study of the value picture of the world of the professional group “teacher” of the Krasnoyarsk Territory: monograph. Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafyev, 2022. 156 p.
6. Vorkachev S.G. The concept of love in the Russian linguistic consciousness // Communicative research 2003: A modern anthology. Volgograd: Peremena, 2003. P. 189–208.
7. Ilyin I.A. About the coming Russia: selected articles / Ed. by N.P. Poltoratsky. Moscow: Voenizdat, 1993. P. 234.
8. Komarova L.A. Love as the highest universal value // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2012. No. 1. Kostroma, P. 170–173.
9. Ufimtseva N.V. Ethnic character, self-image and linguistic consciousness of Russians // Linguistic consciousness: formation and functioning. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, 1998. P. 135–170.

About the authors

Burmakina Natalia Alekseyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Mamaeva Tatiana Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-136>

УДК 81.42

О ВЛИЯНИИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРЕВОДЧИКА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА

В.Е. Козлова (Красноярск, Россия)**Т.М. Софронова (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. Перевод художественной литературы – один из самых сложных видов перевода. Перед переводчиками стоит сложнейшая задача: воссоздать текст на другом языке так, чтобы он не потерял смысл, визуальную составляющую, эстетическое воздействие на читателя, и, самое главное, автор должен быть услышан и понят. Сохранение языкового образа также является необходимым условием при переводе художественного текста. Также знание культурных особенностей народов, менталитета, традиций и образа жизни помогают переводчику в процессе работы.

Однако нельзя забывать про такой немаловажный психологический фактор, который может влиять на восприятие оригинала и впоследствии отражаться на качестве перевода, как индивидуальность личности. Каждый из нас обладает определенным набором психологических характеристик, которые так или иначе влияют на нашу жизнь, наши взгляды и убеждения. Переводчик не является исключением. За выбором слова, за созданием смыслового образа скрываются его личность, характер и портрет. В качестве результата всех этих составляющих формируется собственный идиостиль переводчика.

Цель статьи состоит в рассмотрении отражений личностных характеристик профессиональных переводчиков и обучающихся на факультете иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева при переводе художественной литературы на примере произведения Рея Брэдбери «451° по Фаренгейту».

Основные методы исследования: анализ психолого-лингвистической литературы по проблеме исследования, метод лексикографического и контекстуального анализа, анкетирование, статистическая обработка полученных данных.

Выводы. В ходе исследования было выявлено, что выбор лексики, использование переводческих трансформаций, интерпретация различных языковых единиц в большей степени зависят от характера человека, темперамента, мировоззрения, эмоций и воображения. Одно и то же слово может быть понято по-разному. Такая тенденция прослеживается не только у тех, кто занимается переводом профессионально, но и у тех, кто только становится на данный путь.

Ключевые слова: перевод, лингвистика, психолингвистика, художественная литература, идиостиль.

Постановка проблемы. Перевод художественной литературы – один из самых сложных видов перевода. Если при устном переводе переводчику необходимо учитывать в большей степени ситуацию общения, использовать соответствующую лексику, принимать во внимание культурные нормы и особенности менталитета людей, то при письменном переводе художественного текста перед переводчиками стоит сложнейшая задача: воссоздать текст на другом

языке так, чтобы он не потерял смысл, визуальную составляющую, эстетическое воздействие на читателя, и, самое главное, автор должен быть услышан и понят. Сохранение языкового образа также является необходимым условием при переводе художественной литературы. Кроме того, дополнительные знания о культуре, традициях, образе жизни, реалиях помогают переводчику в процессе работы. В результате получается произведение совместного труда: автора как создателя мысли и переводчика, который выступает в роли «моста коммуникации» между людьми. «Переводчик художественной прозы не фотографирует подлинник, а творчески воссоздает его. Чтобы быть переводчиком, недостаточно знать тот или иной иностранный язык. Переводчик – это художник, мастер слова, соучастник творческой работы того автора, которого он переводит» [Чуковский, 2015].

Однако нельзя забывать про такой немаловажный психологический фактор, который может влиять на восприятие оригинала и впоследствии отражаться на качестве перевода, как индивидуальность личности. Каждый из нас обладает определенным набором психологических характеристик, которые так или иначе влияют на нашу жизнь, наши взгляды и убеждения. В XIX в. лингвисты предположили, что именно язык является отражением культуры. Американский лингвист Б.Л. Уорф [Кронгауз, 2018] провел исследования, способствующие выявлению гипотезы лингвистической относительности, над которой впоследствии трудились как лингвисты, так и психологи. Кроме того, Н. Хомский [Хомский, 1968; 1972, с. 12], американский лингвист, утверждал, что лингвистика – это «особая ветвь психологии познания», с помощью которой возможно изучить процессы, связанные с умственной деятельностью человека. Вскоре появилось такое понятие, как психосоциолингвистический портрет личности. Было доказано, что каждый текст является отражением своего создателя и по нему можно определить личность автора.

Цель нашего исследования состоит в рассмотрении отражений личностных характеристик профессиональных переводчиков и обучающихся на факультете иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева при переводе художественной литературы на примере произведения Рея Брэдбери «451° по Фаренгейту» [Bradbury, 2020]. Один и тот же текст может иметь несколько содержаний, а следовательно, его толкование не может быть однозначным. За каждым текстом стоит разная по типу психология личности, и интерпретация переводчиком данного текста приводит к психологически искаженному восприятию текста оригинала.

Психолингвистическое значение слова в данном контексте играет ключевую роль, поскольку именно такое значение подвергается психолингвистическому анализу в тексте. В данный анализ включаются такие компоненты, как прагматика текста, связность, цельность, лексическое наполнение [Нурулина, Усманова, 2018]. Именно лексика представляет самый важный и самый сложный параметр при анализе, поэтому важно рассмотреть его через призму психолингвистического значения слова.

Обзор научной литературы. Вопросом о субъективной переработке текста переводчиком задавалась австро-венгерский психолог Ф. Гольдман-Эйслер. В 1972 г. вышла статья, в которой она проанализировала ситуации синхронного перевода. Результаты показали, что в процессе устного перевода переводчик субъективно организует полученную информацию. Лексические и грамматические аспекты текста систематически взаимодействуют с субъективным отношением переводчика к материалу [Goldman-Eisler, 1972].

Не осталась в стороне тема стиля и индивидуальности текста. Э.Л. Мерк [Moerk, 1972] в своей статье проанализировал тексты рассказов и выявил, что стиль неразрывно связан с личностью автора. Изучение факторов, влияющих на формирование индивидуального стиля, привело к выделению отдельного языкового фактора, который играет ключевую роль в развитии субъективного стиля личности. На основе полученных данных Э.Л. Мерк допускает возможность проведения психологической интерпретации материала текстов.

Т. Сандерс, Д. Шилперорд и У. Спурен [Sanders, Schilperoord, Spooren, 2001] углубились во взаимосвязь лингвистики и психолингвистики. В книге авторы уделяют особое внимание представлению о тексте как о когнитивной сущности. Есть некое представление о чем-то, и автор формирует лингвистический код в виде текста, а впоследствии этот текст расшифровывается переводчиком, который субъективно понимает это представление. Другими словами, конечный вариант декодирования текста не обязан совпадать слово в слово для адекватного понимания.

Психолингвистика прослеживается в работах И.А. Стернина и А.В. Рудаковой. В их совместном труде авторы приходят к выводу о том, что семантика одного и того же слова может варьироваться у каждого индивида. В языковом сознании человека значение слова может иметь другую категорию и даже выступать в виде ассоциативного ряда [Стернин, Рудакова, 2011].

На сегодняшний день исследования по психолингвистике носят обширный характер. В частности, актуальна тема двуязычия и его влияния в процессе перевода. Так, Роберто Р. Эредиа и Анна Чешлицка [Heredia, Cieślicka, 2020] считают, что для двуязычных людей понятие «двусмысленность единицы речи» проявляется намного чаще, чем у людей, владеющих одним языком. И при переводе переводчики не могут не столкнуться с двусмысленностью, поскольку человеческий разум предрасположен к формированию многозначности слов, фраз и предложений. Поэтому интерпретация информации переводчиком подвергается семантическому варьированию.

В 2021 г. под авторством Линь Чжу [Zhu Lin, 2021] было опубликовано исследование, посвященное осознанному и неосознанному процессам в сознании в процессе перевода текста. Как при устном переводе, так и при письменном переводчики подвергаются осознанному и неосознанному выбору интерпретации данных. Она основана не только на переводческих навыках, но и на жизненном опыте, который играет важную роль в понимании и обработке информации.

Так, при переводе может проявляться «творческая работа», например перевод безэквивалентной лексики, также может быть и нетипичный выбор синонима слов, например, dog – песик.

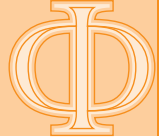
Несмотря на наличие исследований по психолингвистике, в настоящий момент все еще прослеживается неизученность данной области. Особенностью нашего исследования является углубленность в изучении взаимосвязи языка и мышления в процессе перевода текста. В работе представлен не только теоретический аспект психолингвистики и переводоведения, но и сравнительно-сопоставительный анализ переводов, а также эксперимент, выводы которого подтверждают актуальность выбранной темы.

Метод исследования носит комплексный характер. Анализ психолого-лингвистической литературы по проблеме исследования позволил не только определить актуальность поставленной проблемы, но и подтвердить новизну и неизученность темы. Метод лексикографического и контекстуального анализа произведения позволил выявить наиболее дискуссионные языковые единицы для перевода. Анкетирование и статистическая обработка полученных данных подтвердили, что такое понятие, как психолингвистический портрет личности, применимо и к профессиональным, «наработанным» переводчикам, и к обучающимся на факультете иностранных языков.

На данный момент существует шесть вариантов перевода на русский язык произведения Рея Брэдбери «451° по Фаренгейту». Однако самыми спорными и имеющими существенные отличия являются первые два перевода. Первый перевод был представлен Т.Н. Шинкарь в 1956 г. [Брэдбери, 1987], а в 1999 г. вышла вторая версия в переводе В.Т. Бабенко [Брэдбери, 2017]. Сравнительно-сопоставительный анализ этих двух переводов позволил выявить не только гендерные отличия переводчиков, но и тип темперамента, склад ума, творческие и аналитические особенности личностей.

В задачи нашего исследования также входило проведение опроса среди обучающихся на факультете иностранных языков для подтверждения наших выводов. Опрос был создан на базе тестовой платформы «Online Test Pad» по наиболее дискуссионным отрывкам произведения. Он был разослан студентам и преподавателям факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева. В опросе приняли участие 20 человек, в основном студенты факультета иностранных языков, двое опрашиваемых – преподаватели. У респондентов запрашивались некоторые личные данные, такие как пол, возраст, увлечения, тип темперамента, но большинство вопросов были открытого характера, где участникам предлагалось предоставить собственный перевод отрывков в письменной форме.

Результаты исследования. В идиостиле Татьяны Шинкарь прослеживаются черты творческой личности с хорошим воображением. В примере: *Fire is bright and fire is clean* (Огонь яркий, и огонь чистый: досл. пер.) Шинкарь использовала такой художественный прием, как олицетворение: *Огонь горит ярко, огонь очищает*. Объективных причин, почему она не захотела передать прилагательное

прилагательным, нет. В психологии подобное явление называется апофенией, когда человек видит одушевленное в неживом. Американский писатель К. Мур отмечал: «В некоторых случаях легкий вариант апофении – это секретное оружие писателя, которое приносит читателям удовольствие, а автору литературный успех» [Прянишникова, 2020]. Что касается Виталия Бабенко, то он решил в переводе использовать краткую форму прилагательных: «Огонь ярок, и огонь чист». Такое изменение формы придает предложению более резкое, напористое звучание. Появляются четкость и ясность мысли. Переводчик не стал вкладывать тайные смыслы, а осуществил лаконичный и понятный перевод, который соответствует мысли автора произведения.

Безэквивалентная лексика для любого переводчика является некоторым вызовом, поскольку не для всех слов есть словарный синоним. Иногда приходится импровизировать и создавать новые слова, словосочетания или предложения, передающие смысл слова. Так и поступили участники нашего опроса. В примере: *It was like coming into the cold marbled room of a mausoleum after the moon had set. Complete darkness, not a hint of the silver world outside, the windows tightly shut, the chamber a tomb-world where no sound from the great city could penetrate* слово «tomb-world» не имеет словарного значения, поэтому респонденты дали неоднозначные ответы. Были такие варианты, как «гробница», «могила», «усыпальница», «склеп», причем слово «world» было опущено. Другие варианты: «мир-могила», «гробница-мир» не могут считаться адекватными по нормам русского языка.

Однако есть некоторые очень удачные варианты перевода. Один участник опроса предлагает вариант *мир вечного покоя*. Само слово «покой» говорит нам о чем-то спокойном, безмятежном. Другими словами, нам представляется образ некоего места, где ничто тебя не тревожит и ты всегда счастлив. Эта фраза несет позитивный настрой, что вполне может говорить и о таких же позитивных взглядах на жизнь переводчика. Это также подтверждается типом темперамента участника – холерик. Американский социальный психолог Дэвид Майерс отмечает у таких людей выраженные черты оптимизма и задорности [Майерс, 2009].

У другого участника совсем иной по характеристике перевод: *гробовой мир*. В русском языке прилагательное «гробовой» носит негативную характеристику существительного. В этом случае такой мир кажется очень мрачным, неуютным, где неприятно находиться и все окружающее нагоняет тоску и печаль. Это довольно пессимистичный, депрессивный взгляд. Однако такое поведение очень часто встречается у меланхоликов-интровертов, которые любят «подумать о вечном» [Мироненко, Обердерфер, 2022]. Кстати, сам респондент относит себя к меланхоликам-интровертам.

Интересно сравнение переводов Т. Шинкарь и В. Бабенко, поскольку в их вариантах можно увидеть очень интересное противопоставление личностей по шкале интроверсия – экстраверсия. Перевод Т. Шинкарь: *Ему показалось, что он вошел в холодный, облицованный мрамором склеп, после того как зашла луна.*

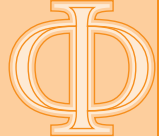
Непроницаемый мрак. Ни намек на залитый серебряным сиянием мир за окном. Окна плотно закрыты, и комната похожа на могилу, куда не долетает ни единый звук большого города. Переводчица решила опустить слово «world» в переводе, из-за чего создается образ, что человек закрывается и все больше и больше отстраняется от мира. Его собственный маленький мирок. Что можно сказать о человеке, который может так закрыться ото всех, построить вокруг себя «панцирь»? Он является интровертом. Ему не так важен социум, сколь собственный комфорт, нахождение наедине с собой и накопление энергии во внутренний мир. Именно благодаря такому образу можно определить новую личностную черту Т. Шинкарь.

Рассмотрим вариант В. Бабенко: *И тут же словно попал в холодный мраморный зал мавзолея после того, как зашла луна. Тьма была непроницаемой: ни намек на серебряный простор снаружи, все окна плотно зашторены, комната была кладбищенским мирком, в который не проникало ни единого звука большого города.* Здесь представлена полная противоположность. Кладбищенский мирок – это не маленькая и тесная могила, а открытое пространство, большое и просторное. По сравнению с Шинкарь у Бабенко образ имеет открытый характер. Нет того «панциря» замкнутости. Открытость, направленная на внешний мир, или экстраверсия, совершенно другой тип личности, который представляет В. Бабенко.

В следующем примере можно проследить очень интересные отличия во взглядах на жизнь: *Life becomes one big pratfall, Montag; everything bang; boff, and wow!* Для передачи значения слова «pratfall» (осечка, неудача и специальное падение, вызывающее комический эффект, которое часто используется в сфере кино и театра [Cambridge Dictionary]) Т. Шинкарь решила использовать образ карусели, которая ассоциируется с весельем и радостью: *Жизнь превращается в сплошную карусель, Montag. Все визжит, кричит, грохочет! Бац, бац, трах!* Жизнь, по ее словам, это некий позитивный вихрь эмоций, причем весело и тем, кто смотрит на карусель, и тем, кто катается на ней. Такой жизне-радостный образ является отражением взгляда переводчицы на жизнь, ее оптимистичного отношения к окружающему миру.

В. Бабенко решил добавить образ-иллюстрацию для передачи семантики комического эффекта: *Жизнь – это большая банановая кожура, Montag, ты поскользываешься на ней и со всего маху прикладываешься задницей – шлеп! – а все вокруг надрывают животики – ха-ха-ха, ой-ей-ей, ух ты!* Он выбрал негативный образ веселья, когда весело всем вокруг, кроме тебя. Жизнь не может быть лишь одним весельем, иногда приходится сталкиваться и с негативными ее сторонами. Такое отношение подтверждает реалистическую натуру переводчика, во всем хорошем есть доля плохого, и наоборот [Ушакова, 2022].

Теперь перейдем к участникам опроса. Первый переводчик смысл слова «pratfall» понимает совершенно иначе: *Жизнь становится одним большим провалом, все взрывается, рушится – и готово!* Переводчик представил себя

на месте упавшего человека, а другие люди смеются над его оплошностью. Смех здесь – это критика в его адрес. Такое негативное мышление может говорить о возможной неуверенности в себе или заниженной самооценке. Практический психолог Н. Ведмеш в своих статьях говорит, что такие люди любую оплошность «принимают на свой счет», что «довольно часто может сопровождаться боязнью совершить ошибку» [Ведмеш], что мы и наблюдаем в данном предложении.

Второй вариант перевода очень удачный, поскольку здесь переводчик использовал добавления для передачи смысла предложения оригинала: *Жизнь становится одним большим падением назад, прямо как в комедийных фильмах: бабах – и все смеются*. Здесь даже появляется некая игра слов: «падение назад» и «падение на зад».

Предлагаем еще взглянуть на отдельные интересные отрывки. <...> *let him out with a great puff of warm air to the cream-tiled escalator rising to the suburb*. Так, здесь переводчица Т. Шинкарь решила заменить кремовый цвет, более спокойный и нежный, на желтый – довольно яркий, веселый и жизнерадостный: <...> *с сильной струей теплого воздуха выбросил на выложенный желтыми плитками эскалатор, ведущий на поверхность в одном из пригородов*. То же самое можно сказать и о предрасположенности Шинкарь к веселью и жизнерадостности, поскольку сам по себе желтый цвет воплощает энергию, позитив, движение и, конечно, жизнерадостность [Серов, 2022].

Как известно, имена собственные чаще всего не переводятся, а транскрибируются. Приведем вашему вниманию очень интересный отрывок из произведения, где переводчик все же решил рискнуть и перевел название улицы: *Stoneman held out the telephone alarm card with the complaint signed in telephone duplicate on the back: «Have reason to suspect attic; 11 No. Elm, City. – E.B.»*. Перевод В. Бабенко: *Стоунмен протянул карточку телефонной тревоги, на обороте которой был продублирован текст доноса: «Имею основания подозревать чердак. Дом № 11, улица Вязов, Город. Э.Б.* При таком переводе большинство людей вспомнит название фильма «Кошмар на улице Вязов» и сразу представится что-то страшное и пугающее. Выбор такого варианта перевода обусловлен признаками ассоциативного мышления. Согласно ассоциативным словарям русского и английского языков, слово «вяз» как у носителей русского языка, так и у носителей английского языка среди прочих ассоциаций имеет образ «кошмара» [Словарь ассоциаций английского...; Словарь ассоциаций русского...].

Давайте теперь посмотрим, как лингвистически может отражаться пол переводчика. Первый пример: *Beatty peered at the smoke pattern he had put out on the air*. Перевод участника опроса женского пола: *Бэтти засмотрелась на очертание дыма, которые он выдыхал в воздух*. Данное слово имеет довольно интересное значение, поскольку в русском языке есть большое количество глаголов, которые по значению подходят для передачи характера действия. Согласно кембриджскому словарю, глагол *to peer at* имеет следующее значение: *to look carefully or with difficulty* (смотреть внимательно или с трудом: досл. пер. [Cambridge Dictionary]).

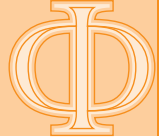
В русском языке есть ряд следующих глаголов, которые имеют такое же или близкое значение: разглядывать, внимательно посмотреть, уставиться, всматриваться, сосредоточенно рассматривать. Словарное значение слова «засмотреться»: «увлеченно рассматривать, любоваться» (Толковый словарь Ожегова и Шведовой, <https://gufo.me>). Получается, из внимательного взора идет трансформация в мечтательное любование. В примере *And he remembered thinking then that if she died, he was certain he wouldn't cry* участник опроса женского пола решил использовать фразеологизм в переводе: *И он помнил, как думал о том, что, если она умрет, он бы точно не стал лить слезы*. Однако фразеологизм «лить слезы» чаще используют по отношению к женщинам, по отношению к мужчинам обычно используют другой фразеологизм – «скупая мужская слеза». Здесь речь идет именно о персонаже мужского пола. Таким образом, женщина-переводчик приписала типичные женские черты мужскому образу в оригинале.

Аналитический склад ума, типичный для мужчин, проявляется в переводе данного отрывка: *<...> perhaps the skin on the backs of his hands, on his face, felt the temperature rise at this one spot where a person's standing might raise the immediate atmosphere ten degrees for an instant<...>*. Виталий Бабенко предложил такой вариант: *<...> может быть, кожей лица и тыльной стороной ладоней он именно в этом месте ощущал некое потепление воздуха, ибо невидимка одним своим присутствием мог на пять-шесть градусов поднять температуру окружающей его атмосферы, пусть даже всего на несколько мгновений <...>*. «Аналитический» взгляд на мир автора оригинала с математической точностью сохраняется переводчиком-мужчиной. Однако Татьяна Шинкарь намеренно опускает точную цифру и тем самым отражает свой гуманитарный склад ума: *<...> может быть, кожей лица и рук он ощущал чуть заметное повышение температуры вблизи того места, где стоял кто-то невидимый, согревая воздух своим теплом <...>*.

Выводы. В ходе исследования через анализ выбора лексики, синтаксических и стилистических особенностей в переводах мы выделили основные личностные характеристики официальных переводчиков и языковые особенности их идиостилей.

Татьяна Шинкарь: эмоциональная, чувственная, сентиментальная, имеющая интровертированный тип личности. Склонна к веселью и жизнерадостности. Имеет черты гуманитарного склада ума. Не терпит жестоких людей, скорее всего, сторонница пацифизма. Обладает тонким чутьем в человеческих отношениях между мужчиной и женщиной, что дает право судить о ее знаниях в области психологии взаимоотношений. Кроме того, Татьяна Шинкарь показала свои знания в области искусства, что дает право сказать о ее творческой натуре. К теме семьи Татьяна относится очень щепетильно. Для нее важны крепкие узы, взаимопонимание, сплоченность членов семьи.

Виталий Бабенко: ответственный, реалистичный, критичный, имеющий экстравертированный тип личности. Любит пошутить и подбавить «огоньку» хорошей истории. Имеет аналитический склад ума. Как и Татьяна Шинкарь,

не потерпит насилия или жестокости со стороны других людей. В силу своего гендера довольно «сух» в выражении человеческих отношений. Не любит придавать вещам скрытый смысл или красивую «обертку».

Опрос, проводимый среди студентов и преподавателей факультета иностранных языков, показал, что в процессе перевода текста человеку довольно сложно ориентироваться только на словарные толкования. Чтобы добиться хорошего качества перевода, необходимо стремиться не только к эквивалентности, но и к адекватному пониманию текста. Именно на стыке этих двух критериев и появляются некоторые «нестандартные» словосочетания, переводческие трансформации или интересный выбор лексики. Несмотря на то что в основном участниками опроса были студенты, у которых наблюдается большая вероятность отойти от норм, у преподавателей также присутствует тенденция к проявлению их личностных особенностей.

В конце опроса участникам было предложено описать свои чувства в процессе перевода и указать, что показалось им самым трудным. На первом месте стоит проблема нехватки контекста. Это вполне логично, поскольку художественные произведения трудно переводить, не зная сюжет, и для лучшего перевода необходимо погрузиться в книгу полностью. На втором месте участники указали трудности в подборе русского эквивалента. И на третьем месте оказалась проблема перевода незнакомых слов. Кроме того, участники указали на сложности в переводе сокращений, атрибутивных конструкций. Перефразирование в соответствии с литературной нормой тоже было проблематичным. И последней выделенной проблемой стала невозможность добиться адекватности и эквивалентности при переводе.

Таким образом, при помощи различных языковых инструментов каждый человек может оставить свой след на бумаге при анализе текста, редактировании чужой работы и тем более при переводе с одного языка на другой. Именно при переводе человек анализирует контекст, уделяет внимание национальным особенностям, особенностям мировоззрения и подбирает такое слово, которое не только отражает задумку автора, но и подталкивает читателя на личные размышления. Однако не нужно забывать, что при переводе текста нельзя отдаваться чувствам и следовать принципу «я так вижу, я так чувствую», ведь это может привести к вольному переводу и, соответственно, некачественному. Переводчик выступает в роли моста между автором и читателем, двумя культурами. Тем не менее даже самый профессиональный переводчик не может отражать автора оригинала без отражения особенностей своей личности.

Библиографический список

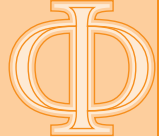
1. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту: роман / пер. с англ. Т. Шинкарь. М.: Правда, 1987. 272 с.
2. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту: роман / пер. с англ. В. Бабенко. М.: Э, 2017. 320 с
3. Ведмеш Н.А. Заниженная самооценка [Электронный ресурс]. URL: <https://psihomed.com/zanizhennaya-samootsenka/> (дата обращения: 25.07.2022).

4. Кронгауз МА. Дэниел Эверетт и Бенджамин Уорф: лингвистические и нелингвистические параллели // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5, № 1. С.14–21.
5. Майерс Д. Психология / пер. с англ. И.А. Карпикова, В.А. Старовойтова. 4-е изд. Минск: Попурри, 2009. 848 с.
6. Мироненко Е., Обердерфер Н. Почему люди разные? Психотипы [Электронный ресурс]. Litres, 2022.
7. Нуруллина Г.М., Усманова Л.А. Психолингвистический аспект изучения текста как продукта речевой деятельности // Вестник ТГГПУ. 2018. № 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-izucheniya-teksta-kak-produkta-rechevoy-deyatelnosti> (дата обращения: 03.08.2022).
8. Прянишникова М. «Ложная реализация»: почему люди видят то, чего нет на самом деле // Тестостерон. 2020. 07 декабря. URL: <https://tstosterone.ru/lozhnaya-realizaciya-pochemu-lyudi-vidyat-to-chego-net-na-samom-dele/> (дата обращения: 23.07.2022).
9. Серов Н. Символика цвета. Litres, 2022. May 15.
10. Словарь ассоциаций английского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://wordassociation.org/> (дата обращения: 10.07.2022).
11. Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://sociation.org/> (дата обращения: 10.07.2022).
12. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Издательство: «Ламберт», 2011. 192 с.
13. Ушакова Т. Кто такие реалисты и почему это не всегда выгодно для человека – характеристика // Психология Налегке. 2022. 05 марта. URL: <https://psiholoog.ru/ponyatiya/realist> (дата обращения: 13.07.2022).
14. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1968 (1-е изд.), 1972.
15. Чуковский К.И. Принципы художественного перевода [Электронный ресурс]. СПб.: Азбука, 2015. URL: https://librebook.me/principyu_hudojestvennogo_perevoda (дата обращения: 10.07.2022).
16. Bradbury R. Fahrenheit 451 [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://liteka.ru/english/library/1842-fahrenheit-451-0> (дата обращения: 21.07.2022).
17. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.07.2022).
18. Goldman-Eisler F. Segmentation of input in simultaneous translation // Journal of Psycholinguistic Research. 1972. Vol. 1. P. 127–140
19. Heredia R.R., Cieslicka A.B. Bilingual Lexical Ambiguity Resolution. Cambridge University Press, 2020. 321 p.
20. Moerk L.E. Factors of style and personality // Journal of Psycholinguistic Research. 1972. Vol. 1. P. 257–268.
21. Sanders T., Schilperoord J., Spooren W. Text Representation: Linguistic and Psycholinguistic Aspects. John Benjamins Publishing, 2001. 363 p.
22. Zhu Lin. Translation/Interpreting psychological mechanism as embodied bilingual processing // Translation, Cognition & Behavior. 2021. Vol. 4, № 2. P. 212–243.

Сведения об авторах

Козлова Виктория Евгеньевна – бакалавр факультета иностранных языков, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bunny.sad91@gmail.com

Софронова Татьяна Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: tmsofronova@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-136>

TRANSLATOR'S PERSONALITY IMPACT ON THE RESULTS OF TEXT TRANSLATION

T.M. Sofronova (Krasnoyarsk, Russia)

V.E. Kozlova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Translation of fiction is one of the most difficult types of translation. Translators face an incredible task: to recreate a text in another language so that it does not lose its meaning, visual component, aesthetic impact on a reader and, most importantly, the author must be heard and understood. Preservation of a linguistic image is also a requirement for translation of a literary text. Among other things, knowledge of cultural characteristics of peoples, their mentality, traditions and lifestyle help a translator in the process of work.

However, we must not forget about an important factor that can affect the perception of the original and subsequently affect the quality of the translation. Each of us has a certain set of psychological characteristics that somehow affect our lives, our views and beliefs. The translator is no exception. The choice of a word, the creation of a semantic image hides the personality, temperament and portrait of a translator. As a result of all these components, a translator's own idiostyle appears.

The purpose of the article is to analyze reflections of personal characteristics of professional translators and students (at the Department of Foreign Languages of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev) in translation of fiction on the example of Ray Bradbury's work "Fahrenheit 451".

Methodology includes analysis of psychological and linguistic literature on the research problem, a method of lexicographic and contextual analysis, conduction of a survey, statistical processing of the data obtained.

Conclusions. During the study, it was revealed that the choice of vocabulary, the usage of translation transformations, the interpretation of various linguistic units largely depends on a person's character, temperament, worldview, emotions, and imagination. The same word can be understood in different ways. This trend can be traced not only among those who are professionally engaged in translation, but also among those who are just getting on this path.

Keywords: *translation, linguistics, psycholinguistics, fiction, idiostyle.*

References

1. Bradbury R. Fahrenheit 451: novel / trans. from the English by T. Shinkar. Moscow: Pravda, 1987. 272 p.
2. Bradbury R. Fahrenheit 451: novel / trans. from the English by V. Babenko. Moscow: E, 2017. 320 p.
3. Vedmesh N.A. Low self-worth [Electronic resource]. URL: <https://psihomed.com/zanizhennaya-samootsenka/> (access date: 25.07.2022).
4. Krongauz M.A. Daniel Everett and Benjamin Wharf: linguistic and non-linguistic parallels // Russian Journal of Cognitive Science. 2018. Vol. 5, No. 1. 14–21 p.
5. Myers D. Psychology / translated from the English by I.A. Karpikova, V.A. Starovoitova. 4th ed. Minsk: Popurri, 2009. 848 p.
6. Mironenko E., Oberderfer N. Why are people different? Psychotypes [Electronic resource]. Litres, 2022.

7. Nurullina G.M., Usmanova L.A. Psycholinguistic aspect of studying text as a product of speech activity // Bulletin of TGGPU. 2018. No. 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-izucheniya-teksta-kak-produkta-rechevoy-deyatelnosti> (access date: 08.03.2022).
8. Pryanishnikova M. “False realization”: why people see what is not really there // Testosterone (Testosterone). 2020. December 07. URL: <https://tstosterone.ru/lozhnaya-realizaciya-pochemu-lyudi-vidyat-to-chego-net-na-samom-dele/> (access date: 23.07.2022).
9. Serov N. Symbolism of color. Litres, 2022. May 15.
10. Dictionary of English Language Associations [Electronic resource]. URL: <http://wordassociation.org> (access date: 10.07.2022).
11. Dictionary of Russian Language Associations [Electronic resource]. URL: <https://sociation.org> (access date: 10.07.2022).
12. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic meaning of the word and its description. Publishing house: Lambert, 2011. 192 p.
13. Ushakova T. Who are realists and why it is not always beneficial for a person – characteristics // Psikhologiya Nalegke (Easy Psychology). 2022. March 05. URL: <https://psiholoog.ru/ponyatiya/realist> (access date: 13.07.2022).
14. Chomsky N. Yazyk i myshlenie [Language and thought]. Moscow: Moscow State Univ., 1968 (1st ed.), 1972.
15. Chukovsky K.I. Principles of literary translation [Electronic resource]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2015. URL: https://librebook.me/principy_hudojestvennogo_perevoda (access date: 10.07.2022).
16. Bradbury R. Fahrenheit 451 [Electronic resource]. 2020. URL: <https://liteka.ru/english/library/1842-fahrenheit-451-0> (access date: 21.07.2022).
17. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date: 17.07.2022).
18. Goldman-Eisler F. Segmentation of input in simultaneous translation // Journal of Psycholinguistic Research. 1972. Vol. 1. P. 127–140.
19. Heredia R.R., Cieslicka A.B. Bilingual Lexical Ambiguity Resolution. Cambridge University Press, 2020. 321 p.
20. Moerk L.E. Factors of style and personality // Journal of Psycholinguistic Research. 1972. Vol. 1. P. 257–268.
21. Sanders T., Schilperoord J., Spooren W. Text Representation: Linguistic and Psycholinguistic Aspects. John Benjamins Publishing, 2001. 363 p.
22. Zhu L. Translation/Interpreting psychological mechanism as embodied bilingual processing // Translation, Cognition & Behavior. 2021. Vol. 4, No. 2. P. 212–243.

About the authors

Kozlova Victoria Evgenievna – BA (Translation), Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: bunny.sad91@gmail.com

Sofronova Tatiana Markovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tmsofronova@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-137>

УДК 811.58

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «КИТАЙСКИЙ КУПЕЦ»

Чжан Цзин (Шанхай, КНР)

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокультурного типажа «китайский купец» в китайской лингвокультуре. Типаж «купец» представлен по понятийным (человек, занимающийся торговой деятельностью с целью получения выгод) и ценностным характеристикам. Образные характеристики лингвокультурного типажа «китайский купец» затрагивают следующие параметры: внешность, происхождение сословия и социальный статус, жилище, поведение, досуг и речевые характеристики китайского купца. На протяжении истории Китая социальный статус купцов был подвержен сильным изменениям. В древнем обществе социальный статус купцов изменился от высокого к самому низкому, и на протяжении очень длительного времени он оставался самым низким, а затем постепенно статус купцов повышался, пока в настоящее время они не стали уважаемым классом в обществе. Можно сказать, что многие принципы ведения бизнеса купцов Древнего Китая используются и по сей день.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, китайский купец, торговец, китайская лингвокультура, понятийные характеристики, образные характеристики, ценностные характеристики, лингвоконцептология, лингвоперсонология, межкультурная коммуникация.

Постановка проблемы и методология. Лингвоконцептология и лингвоперсонология как две из основных ветвей лингвокультурологии быстро развивались в последние десятилетия, последствием чего является возникновение теории лингвокультурного типажа, главная цель которой заключается в исследовании концепта типизируемой личности. Пожалуй, самые известные исследования лингвокультурного типажа принадлежат В.И. Карасику, О.А. Дмитриевой, И.А. Мурзиновой, А.Ю. Коровиной, Е.М. Дуровской и другим.

Вслед за В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой, под лингвокультурным типажом мы понимаем «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 9]. «Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта. Это концепт, содержанием которого является типизируемая личность. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону лингвокультурного типажа» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 9–10].

В.И. Карасик отмечал, что «моделирование лингвокультурного типажа строится по следующему плану: 1) дается описание понятийного содержания рассматриваемого концепта, анализируются важнейшие имена концепта в их системных связях, включая родовидовые и оппозитивные отношения, раскрывается мотивация признаков, составляющих концепт; 2) определяются ассоциативные

признаки рассматриваемого типажа в индивидуальном языковом сознании, установленные в результате анализа коротких текстов, составленных информантами, контекстуальных фрагментов и ассоциативных реакций носителей современной русской лингвокультуры; 3) выявляются оценочные характеристики данного типажа в самопредставлении и в представлении других социальных групп на основании анализа оценочных суждений в виде афоризмов и текстовых фрагментов» [Карасик, 2009, с. 193].

О.А. Дмитриева выделила следующие стороны изучения лингвокультурного типажа: 1) культурно-исторический комментарий или социоисторическая справка, где указаны информация о периоде существования лингвокультурного типажа, исторические факты, культурные и социальные события этого времени; 2) перцептивно-образное представление, которое включает внешние факторы: особенности одежды, среды обитания, речевой характер, характер поведения, проведения досуга, происхождение и т.д.; 3) понятийные характеристики; 4) ценностные характеристики, которые включают индивидуальную и коллективную оценку [Дмитриева, 2007, с. 121].

В статье использована вышеуказанная методика моделирования для изучения образной, понятийной и ценностной стороны лингвокультурного типажа «китайский купец». Типаж «купец» уникален в разных лингвокультурах. Например, В.И. Карасик исследовал лингвокультурный типаж «русский купец» в русском языке [Карасик, 2009]. Типаж «китайский купец» является особой группой общества в Древнем Китае (2070 г. до н.э. – 1840 г. н.э.), чье поведение и ценностная ориентация оказывают значительное влияние на современных китайских бизнесменов и экономику Китая. Типаж «китайский купец» приобретает яркую лингвокультурную специфику в китайском языке.

Цель исследования заключается в описании понятийных характеристик, выявлении перцептивно-образных характеристик и раскрытии ценностных характеристик типажа «китайский купец».

Для достижения цели используются методы словарных дефиниций, компонентного анализа, концептуального анализа и контекстуального анализа.

Материал исследования – словарные толковые статьи, идиомы, пословицы, поговорки, тексты китайской художественной литературы.

Результаты исследования

Понятийные характеристики лингвокультурного типажа «китайский купец»

Обратимся к этимологии и рассмотрим происхождение лексемы «купец» в китайском языке.

Слово «商人» (шан жэнь) первоначально относилось к народу определенной национальности. Более тысячи лет назад до нашей эры в низовьях Желтой реки в Китае жило племя шан (商). С развитием производственных сил возникает необходимость в материальном обмене между племенами. Внук клана Ван по имени

Ван Хай из племени шан обнаружил, что из-за неудобного транспорта и больших расстояний некоторым племенам трудно обмениваться припасами, поэтому он изобрел повозку, запряженную волами, которая перевозила рабов и припасы между различными племенами. Как только люди из других племен видели Ван Хая, они знали, что грядет что-то хорошее, поэтому кричали: «Шан жэнь идет, купец идет».

В древний период торговое поведение народа шан стало символом идентичности, а обозначение «купец» стало названием торговых посланников из других племен. Торговые предметы, перевозимые купцами, со временем стали именоваться «товарами». Вполне возможно, что более 3800 лет назад народ шан впервые начал крупномасштабную торговую деятельность и у него не было конкурентов на рынке. В результате за короткий промежуток времени накопилось огромное состояние, и Ван Хай в одночасье стал первым «самым богатым человеком» Китая. Также благодаря своей торговой деятельности Ван Хай привел к быстрому подъему племени шан и основал династию Шан. В период процветания династии Шан некоторые представители этой династии часто отправлялись в близлежащие этнические районы для проведения операций по обмену сельскохозяйственной продукцией.

Позже династия Шан погибла и была установлена династия Чжоу. Первоначальные торговцы превратились из правителей в рабов. Эти шан жэнь потеряли свои земли и могли, сбежав, заняться торговлей, чтобы заработать на жизнь. Поэтому ведение торговли стало почти основным занятием потомков шан жэнь. С тех пор группа «шан жэнь» (купцов) появилась в китайской истории. Позже, с развитием общества не только остатки династии Шан зарабатывали на жизнь торговлей, но все по-прежнему привыкли использовать слово «шан жэнь» в качестве общего термина для обозначения покупателей и продавцов, а «купцы и negociанты» также коллективно именовались «купцами». Это название сохраняется и по сей день.

Обратимся к словарным дефинициям, которые определяют имя исследуемого концепта в толковых словарях китайского языка.

«商人» (shāng rén) представлено в словаре следующим образом: «человек, который покупает и продает товары с целью получения прибыли; нем. «Händler», «Geschäftsmann», «Kaufmann»; англ. «merchant», «businessman»; фр. «commercant», «marchand» [吕叔湘, 1994].

«商贾» (shāng gǔ): наименование купца в древние времена. Шан (商) были людьми, которые продавали товары вразнос, а Гу (贾) были людьми, которые открывали магазин с фиксированным адресом для продажи товаров. Эти два слова используются вместе для обозначения людей, которые занимаются торговлей.

«市井» (shì jǐng): 1. Место для покупки и продажи товаров. 2. Рынок. 3. Относится к купцам.

«贩子» (fàn zi): Человек, который зарабатывает на жизнь, покупая и продавая с целью получения прибыли.

«估客» (gū kè): 1. Цены. 2. Часто относится купцам.

Из приведенных выше словарных определений можно сделать некоторые выводы о лингвокультурном типаже «китайский купец». В понятийную составляющую лингвокультурного типажа «китайский купец» входят смысловые единицы: 1) человек; 2) занимающийся торговой деятельностью; 3) способный покупать и продавать товары; 4) относящийся к званию купцов в древности; 5) живущий с целью получения прибыли; 6) продающий товары вразнос (нестационарная торговля) или имеющий постоянное место для продажи (стационарная торговля).

В Древнем Китае деятельность торговцев и купцов в основном оценивалась негативно и, соответственно, появились слова «奸商»(jiān shāng) («спекулянт»), «小贩»(xiǎo fàn) («лоточник», «коробейник») и идиома «贩夫俗子»(fàn fū sú zǐ) («лоточник», а также «обыкновенный, заурядный человек (также уничиж., о себе)'). Кроме того, в китайском языке есть идиомы, которые содержат название «китайский купец»: «坐贾行商»(zuò gǔ xíng shāng), некоторые идиомы обозначают богатого китайского купца: «富商大贾»(fù shāng dà jiǎ), «豪商巨贾»(háo shāng jù jiǎ), «鸿商富贾»(hóng shāng fù jiǎ).

Причина, по которой китайские древние купцы стали группой людей с достатком, заключается в том, что они продавали различные товары, которые нужны людям, исходя из спроса и предложения. Хотя соль, чай, железные изделия и домашний скот были товарами, продажа которых в то время была категорически запрещена, под давлением своих интересов они все равно торговали, рискуя быть обезглавленными.

Образные характеристики лингвокультурного типажа «китайский купец»

1. Внешность. В разные периоды Древнего Китая предъявлялись разные требования к одежде купцов.

1. Купцам запрещено носить богатую одежду, они могут носить только некачественную одежду без рисунка (汉书·高祖纪) (Нань Шу·Гао Цзу Цзи).

2. Купцы носили черную одежду во времена династии Суй (旧唐书·舆服志) (Цзю Тан Шу·Ю Фу Чжи).

3. Купцы времени династии Тан носили одежду из шелка и ткани желтого или белого цвета, а также могли использовать ремешки и украшения из меди и железа, но не золотые, серебряные или нефритовые (新唐书·车服) (Синь Тан Шу·Чэ Фу).

4. Во времена династии Юань в качестве материалов для одежды разрешается использовать шелк, шелковую ткань, коричневую шерсть, цветочную пряжу, нетекстурированный су ло и шелковый хлопок, а головные платки, пояса и воротники разрешается изготавливать из кунжутного ло.

5. Купцы династии Мин могли использовать лишь грубую ткань, но не шелк или тонкую пряжу.

Таким образом, существуют три основных характеристики купеческой одежды. Во-первых, материал для ткани и аксессуаров. Можно было использовать только низкокачественный текстильный материал для одежды и другое сырье,

такое как шелковые, хлопчатобумажные ткани, медные или железные крючки для одежды, которые можно носить только с грубым шелком, с изделиями из шелка-сырца и высококачественными материалами для одежды, такими как шелк айала и атлас, нельзя носить золото, серебро и нефрит. Во-вторых, рисунок. На одежде купцов не может быть узоров, она должна быть простой, и на ней не может быть изображений солнца, луны, гор, рек и животных, как на одежде императора, дворян и чиновников. В-третьих, цвет одежды. Он должен быть белым и черным, другие цвета использовать нельзя.

В целом качество одежды было низким. Не было недостатка в богатых торговцах, у которых были финансовые ресурсы для производства разнообразной высококачественной одежды, но система одежды, предписанная правительством, не позволяла им носить роскошную одежду.

Однако в реальной жизни из-за сильной экономической мощи купцов эти предписания часто не исполнялись. Одежда торговцев могла быть из шелка и атласа айала, которые ничем не отличаются от одежды высокопоставленных лиц.

2. Происхождение / социальный статус китайского купца. В Древнем Китае социальный статус купцов был очень низким. С точки зрения исторического развития социальный статус древних купцов претерпел изменения от высокого к низкому, а затем от низкого к высокому.

В Древнем Китае существовала поговорка: «Ученые, фермеры, рабочие и купцы» (士、农、工、商). Это относится к социальной иерархии: первыми были чиновники и ученые, вторыми – фермеры, третьими – рабочие, а четвертыми, в самом низу – купцы.

Среди девяти социальных рангов было принято следующее деление: императоры, мудрецы, отшельники, люди, изучающие учение инь и ян, литераторы, воины, фермеры, рабочие и купцы (帝王、圣贤、隐士、童仙、文人、武士、农、工、商). Купцы занимают последнее место: «卑只曰市井，贱之曰市侩，不得与士大夫伍» (邹容《革命军》) (Цзоу Жун. «Гэ Мин Цзун»).

Во времена династии Шан и даже династии Ся, которая предшествовала династии Шан, статус купцов был очень высок, а торговля ценилась, поэтому существовала поговорка: «Люди Инь богаты» (殷人富贵).

Позже династия Шан погибла и была установлена династия Чжоу. Первоначальные купцы превратились из правителей в рабов, но социальный статус торговцев был не таким низким.

В период Весенних и Осенних Воюющих государств социальный статус торговцев был очень высок. В «Цзо Чжуане» (左传) говорилось, что «Цзиньский генерал сократил Чу, а Суй Уцзы сказал: “Чу, купцы, фермеры, рабочие непобедимы в своей карьере, и их нельзя сократить”» («晋将伐楚，随武子曰：楚‘商、农、工、贾不败其业’，不可伐»). Среди купцов этого периода были даже очень уважаемые фигуры, и они стали самыми ранними представителями и наиболее уважаемыми предшественниками купцов, как, например, знаменитый богач времен Чуньцу Фань Ли (范蠡), который взял себе имя Тао Чжу-гун (陶朱公), разбогатевший на торговле, чье имя стало нарицательным [Воропаев, 2011, с. 116].

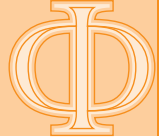
Объединение Цинь ознаменовало установление централизованной системы феодального авторитаризма. Шан Ян проводил политику, которую можно выразить словами: «Обратите внимание на сельское хозяйство, возьмите сельское хозяйство за основу, ограничьте или даже подавите промышленность и торговлю» («重农抑商»). Купцы и их потомки считались грешниками и направлялись в пограничные уезды.

С тех пор как Шан Ян изменил закон, на протяжении более двух тысяч лет для купцов существовал период депрессии. За последние две тысячи лет социальный статус китайских торговцев был очень низким. Они могли зарабатывать деньги, но не имели никакого влияния на политическую, экономическую или другую сторону жизни государства.

При династии Хань «купцам было запрещено носить шелковую одежду и ездить на роскошных автомобилях, и нужно платить высокие налоги... а купцам и их детям не разрешалось быть чиновниками» (贾人不得衣丝乘车, 重租税以困辱之... 并令市井子孙, 不得仕宦为吏) (史记·平准书) (Ши Цзи. Пин Чжун Шу).

Во времена династий Суй и Тан экономика была относительно процветающей, что в определенной степени зависело от того, что статус купцов был улучшен. В течение этого периода императорский двор ослабил ограничения на экономику и торговлю и купцы, соответственно, смогли повысить свой статус. В «Старой книге Тан» содержится высказывание: «Купцы и рабочие, а также другие разнообразные социальные группы могут получать финансы тех, кто является должностными лицами двора, но они не могут принимать официальные титулы, а также стоять и есть вместе с людьми двора» (工商杂色之流, 假令术逾侪类 (同辈之人)... 止可厚给财物, 必不可超授官秩, 与朝贤君子比肩而立, 同坐而食) (旧唐书) (Цзю Тан Шу). Таким образом, в контексте феодального общества статус купцов был повышен по сравнению с первоначальным самым низким местом в социальной иерархии.

Во время династии Мин и Цин экономика Китая достигла пика. Рост производительности привел к социальному процветанию и вызвал значительные изменения в положении и в роли торговцев. Общество под влиянием экономики начало выходить на новый уровень понимания роли купцов. Статус их начал меняться: первоначальная иерархия «ученые, фермеры, рабочие и торговцы» изменилась и стала – «ученые, торговцы, рабочие и фермеры», то есть статус купцов существенно поднялся и шел сразу за учеными. Писатель Гуйсюань Гун в книге «Сбор Гуйчжуан» заметил: «Сын ученого всегда остается ученым, а сын купца всегда остается купцом. До клана Янь ученые и торговцы были смешаны... Однако я сторонник плана Шуньгун, и я должен специализироваться на бизнесе, а мои дети и внуки не должны быть учеными» (士之子恒为士, 商之子恒为商。严氏之先, 则士商相杂...然吾为舜工计, 宜专力于商, 而戒子孙勿为士) (归庄集) (Гуй Чжуан Цзи). Можно видеть, что в определенной степени личность купцов превзошла статус ученых. И в глазах людей купец более достойный

выбор для карьеры. Следует также отметить, что в этот период торговля больше не ограничивается внутренним рынком, а развивается за рубежом. Именно развитие зарубежной торговли способствовало повышению социального статуса купцов. Хорошие купцы становятся уважаемыми людьми, выдающимися личностями, которых почитают в обществе как достойных людей.

Период социальной депрессии купцов, длившийся более двух тысяч лет, не положил конец сословию купцов, а вместо этого способствовал выработке у них необходимых для выживания и продолжения своего дела особых качеств, главными из которых можно назвать мужество и стойкость. Знаменитый торговый Шелковый путь в истории Китая как на суше, так и на море был проложен во время этой двухтысячелетней депрессии купцов. Сухопутный Шелковый путь и морской Шелковый путь способствовали значительному развитию торговли Китая с зарубежными странами. Многие китайские товары импортируются из-за рубежа. Зарубежные страны использовали китайскую керамику, чай, шелк и другие товары более двух тысяч лет назад. Можно сказать, что без купцов не было бы интеграции в мире и что именно купцы внесли неизмеримый вклад в развитие мировой истории.

Таким образом, на протяжении истории Китая социальный статус купцов был подвержен очень сильным изменениям. В течение долгого времени он был самым низким, что полностью объясняет затруднительное положение купцов в течение длительного периода в древние времена. В древнем обществе социальный статус купцов изменился от высокого к самому низкому, а затем постепенно статус повышался, пока в настоящее время они не стали уважаемым классом.

3. Жилище китайского купца. Купцы с большим вниманием и заботой относились к своему месту жительства. Резиденция Чжоу Ширу, богатого бизнесмена в Янчжоу времен династии Тан, со странными цветами, деревьями и извилистыми павильонами, занимает первое место по красоте в Гуанлине. Резиденции двух торговцев солью Хуай во времена династий Мин и Цин представляют собой еще более изысканные сады. Знаменитые теневой сад Чжэн Юаньчжэна в конце династии Мин, сад И, сад с десятью комнатами, Жуньюань и Бэйпу братьев Хуан в начале династии Цин, Горный павильон Сяолинлун братьев Ма и Сяюань Чэн Мэнсяня – все эти богатые жилища с садами говорят о том, что купцы могли позволить тратить огромные средства на украшение своего жилища [<https://wenku.baidu.com/view>].

4. Поведение китайского купца. 1. Купцы очень ответственно, вдумчиво и требовательно относятся к денежным интересам, а к расставанию мужа и жены – очень легкомысленно. Это нашло отражение в древнекитайской поэзии: «商人重利轻别离，前月浮梁买茶去» (白居易 «琵琶行») (Бай Цзюйи. «Пи Па Син»), что в переводе означает: «Купцы очень серьезно относятся к денежным интересам, а к расставанию мужа и жены – очень легкомысленно, и часто позволяют жене оставаться одной. Купец поехал в Фулян за чаем, чтобы заработать денег, а жена осталась одна в Цзюцзяне».

2. Купцы часто скитаются по улицам, и им негде жить: «百尺竿头五两斜, 此生何处不为家» (吴融 «商人») (Ву Жун. «Шан Жэнь») в переводе: «100-футовый шест раскачивался на ветру и усердно работал, и он мог бы стать домом в любом месте этой жизни».

3. Что касается бизнес-стратегии, купцы придерживаются некоторых принципов, например, во фразеологизме «人弃我取, 人取我予» выражается такой принцип: «Купцы покупают непродávаемые товары дешево и продают их, когда цена вырастет, чтобы получить большую прибыль». Или еще текст: «小往大来», который обозначает «Используя небольшой капитал, купцы стремятся к большой выгоде».

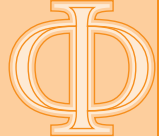
4. Купцы будут хранить очень редкие товары и ждать, пока их можно будет продать по высоким ценам с целью получить прибыль. Идиомы «囤积居奇» (tún jī jū qí) и «操奇计赢» (cāo qí jì yíng) отражают это поведение, характерное для купцов.

5. Купцы тайно снижают качество продукции, сокращают заработную плату, чтобы получить огромную прибыль. Идиомы «偷工减料» (tōu gōng jiǎn liào) и «饮羊登垄» (yǐn yáng dēng lǒng) отражают этот характер поведения купцов.

6. Купцы не будут разбазаривать деньги, даже если они станут богатыми людьми, они по-прежнему живут простой жизнью. В этой черте их поведения отражены трудолюбие и бережливость. Например, «任氏折节为俭, 力田畜。田畜人争取贱贾, 任氏独取贵善, 富者数世, 然任公家约, 非田畜所出弗衣食, 公事不毕则身不得饮酒肉食», что означает: «Жэнь Ши уступал другим, выступал за бережливость и посвятил себя сельскому хозяйству и животноводству. Что касается земли и домашнего скота, обычные люди изо всех сил стараются покупать их по низким ценам, но Жэнь Ши специализируется на покупке дорогих и хороших товаров. Семья Жэнь Ши была очень богата на протяжении нескольких поколений. Однако семейное соглашение Жэнь Ши предусматривает, что предметы, которые не выращены их собственной семьей, не будут носить или употребляться в пищу, и им не будет разрешено употреблять алкоголь и есть, пока дело не будет сделано» (史记·货殖列传) (Ши Цзи. Хо Чжи Ле Чжуань).

7. Купцы быстро приспосабливаются ко времени и не упускают возможности. Например, «贱取如珠玉, 贵弃如粪土» обозначает: «когда цена растет, товары должны быть проданы так быстро, как если бы их очистили от навоза; когда цена падает, товары должны быть собраны так быстро, как если бы они искали бусы и нефрит». Следующий отрывок «与时逐而不责于人» обозначает: «относиться к изучению экономических законов и использованию мимолетных возможностей для бизнеса» (史记·货殖列传) (Ши Цзи. Хо Чжи Ле Чжуань).

8. Купцы знают, как адаптироваться к изменениям, быть смелыми и решительными, например, известный великий китайский купец Бай Гуй сказал: «吾治生产, 犹伊尹、吕尚之谋, 孙吴用兵, 商鞅行法是也。是故其智不足与权变, 勇不足以决断, 仁不能以取予, 疆不能有所守, 虽欲学吾术, 终不告之矣», что означает: «Я смотрю, как И Инь и Лу Шан планировали стратегии, Сунь Цзы и У Ци

использовали солдат для борьбы, а Шан Ян продвигал изменения в законодательстве. Поэтому, если мудрости человека недостаточно, чтобы адаптироваться к изменениям, мужества недостаточно, чтобы принимать смелые решения, доброжелательность не может быть правильным компромиссом, а силы нельзя придерживаться, хотя он хочет научиться у меня искусству ведения бизнеса и обогащения, я не буду его учить» (史记·货殖列传) (Ши Цзи·Хо Чжи Ле Чжуань).

9. Купцы обращают внимание на честность и считают, что качество товаров не только связано с репутацией самих торговцев, но и затрагивает жизненно важные интересы потребителей.

5. Досуг китайского купца. Хотя купцы материально богаты, их духовная жизнь очень бедна, поэтому они делают все возможное, чтобы найти развлечения, заполнить пустоту. Просмотр оперы и прослушивание музыки – излюбленный способ развлечения купцов разного достатка.

6. Речевые характеристики китайского купца. В процессе ведения бизнеса купцы часто используют речь «叫卖» для продажи товаров, т.е. купцы кричат, чтобы продавать товары. Речь «叫卖» изначально относится к особой форме речи, которую мелкие купцы выкрикивают или поют, чтобы продать товары. Например, пословица «大买卖靠本钱, 小买卖靠吆喝» («Крупные сделки опираются на капитал, мелкие – на крики») отражает такую характеристику речи купцов. Также в художественном тексте зафиксирован этот признак, например «有沿街头盘叫卖薑豉、膘皮牒子、炙椒、酸狍儿、羊脂韭饼、糟羊蹄、糟蟹, 又有担架子卖香辣罐肺、香辣素粉羹... 等各有叫声...» (Одни уличные торговцы продают и кричат: «Свиное желе! Свиная кожа! Перец! Квашеная свинина! Пирог с луком-пореем! Маринованное овечье копыто! Маринованный краб!») Другие торговцы, которые держат лавки, кричат: «Вкусные и острые овечьи легкие! Вегетарианский порошок суп...». И так каждый со своими выкриками о продаже...» (吴自牧. «梦梁录») (Ву Цзиму. «Мэн Лян Лу»).

Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «китайский купец»

Оценочные характеристики типажа «китайский купец» выражаются в фразеологизмах, пословицах, поговорках, афоризмах и некоторых интернет-текстах, выражающих оценку людьми поведения купцов.

В китайском словаре пословиц и поговорок содержится более 200 паремий о купцах, ведущих бизнес. Оценочные характеристики китайских купцов и их поведения, отраженные в них, можно резюмировать следующим образом.

1. Купцы хитры и вероломны: 商不奸 (Если не вероломен, то не сможешь стать купцом); 义不行贾 (Люди, которые праведны и непорочны, не становятся купцами).

2. Купцы должны быть смелыми, а не робкими: 撑死胆大的, 饿死胆小的 (Ешь до смерти смелых, мори с голоду робких); 利有多大, 胆就有多大 (Чем ты смелее, тем больше пользы получишь).

3. Купцы должны быть красноречивыми: 人没到话要到, 生意一定跑不掉 (Купец может не приходиться, но если надо говорить по бизнесу, то бизнес определенно не убежит); 事业未成功未到, 买卖不成话不透 (Торговля не увенчалась успехом из-за недостаточных усилий, и сделка не была достигнута, потому что слова были неясны).

4. Купцы должны обращать внимание на праведность: 买卖不成, 仁义在 (Хотя никаких сделок не заключил, но осталась праведность).

5. Купцы должны хорошо владеть знаниями о ведении торговли: 不懂生意经, 买卖做不通 (Если не понимаешь суть ведения бизнеса, то не сможешь заключить сделку).

6. Купцы должны уделять внимание улучшению качества товаров и продаже хороших товаров: 人好不怕贬, 货好不怕选 (Хорошие люди не боятся унижения, хорошие товары не боятся выбора).

7. Купцы должны быть дружелюбными и внимательными к клиентам и скромными: 宁愿自己麻烦千遍, 不让顾客为难一时 (Лучше побеспокоишь себя тысячу раз, чем смущать клиентов один раз).

8. Купцы должны вовремя исправлять свои ошибки: 商人要改错, 不能认错 (Купцы должны исправлять свои ошибки, а не только признавать их).

9. Купцы должны больше прислушиваться к предложениям клиентов: 多听顾客言, 生意在眼前 (Больше слушайте клиентов, торговля будет успешной).

10. Купцы должны быть хорошо информированы и понимать ситуацию на рынке: 信息灵通, 生意兴隆 (Если обладаете новейшей информацией, то торговля будет процветать).

11. Купцы должны быть прилежными, а не ленивыми: 大生意怕跌, 小生意怕歇 (Большой бизнес боится падения, малый бизнес боится отдыха).

12. Купцы должны быть честными, и самое главное для купцов – это моральные качества: 经商德为本, 买卖礼为先 (Мораль – это основа ведения торговли, а этикет – первое место в торговле).

13. Купцы должны уметь хорошо владеть расчетами: 庄稼常看, 买卖常算 (Урожай часто нужно увидеть, а покупку и продажу часто подсчитывать); 经营讲核算, 莫吃大锅饭 (Обратить внимание на бухгалтерский учет при торговле, не есть рис из коллективного котла); 经商不理财, 纯属瞎胡来 (Это нонсенс – игнорировать деньги в ведении бизнеса).

14. Купцам следует обращать внимание на мелкую выгоду: 微利经营促销快, 薄利广收如潮来 (Торговля с мелкими выгодами приведет к быстрой и большой сделке).

15. Купцы не должны впадать в уныние и терять уверенности: 不怕买卖失利, 就怕灰心丧气 (Не бояться потерять продажу, только бояться быть обескураженными).

16. Купцы должны уметь хорошо соображать и быть гибкими: 不怕口袋空, 就怕脑瓜穷 (Не надо бояться пустых карманов, надо бояться бедных мозгов).

17. Купцы должны продавать то, чего нет у других купцов: 拾遗补缺, 经商一诀 (Заметить упущения и восполнить упущения – формула торговли); 人无我有, 人有我好, 人好我多, 人多我早 (То, чего нет у других, есть у меня; то, что у других есть, то у меня лучше; то, что у других хорошее, у меня есть больше; если у других много, то я раньше открою магазин).

18. Купцы должны обеспечить себя достаточным количеством товара: 囤得千日货, 自有赚钱时 (Запаситесь товарами на тысячу дней, наступит день зарабатывать деньги).

19. Купцы должны всегда учитывать потребности и предпочтения клиентов: 卖衣想着穿衣人, 定有顾客来登门 (Продавая одежду, думай о том, как одевать людей, и к двери магазина обязательно придут покупатели).

20. Купцы должны уметь идти на компромиссы: 老少莫欺, 和气生财 (Не обманывайте молодых и старых, зарабатывайте деньги гармонично).

Заключение. Итак, в китайской лингвокультуре типаж «купец» является обобщенным образом различных личностей. Поведение и ценностные ориентации купца воздействуют на китайскую лингвокультуру в целом и выступают как своеобразие сообщества Китая. Типаж «купец» представлен в современном китайском обществе по понятийным (человек, занимающийся торговой деятельностью с целью получения выгод) и ценностным, но не по образно-перцептивным характеристикам. В современной китайской лингвокультуре социальный статус купца высок за счет того, что купцы оказали значительное влияние на развитие экономики Китая. Можно сказать, что многие принципы ведения бизнеса купцов Древнего Китая используются и по сей день.

На наш взгляд, сопоставительное исследование лингвокультурного типажа «купец» в русской и китайской лингвокультуре имеет широкие перспективы. В дальнейшем через результаты такого сопоставления можно четко понимать сходства и различия понятийных, образных и оценочных характеристик типажа «купец» в обеих лингвокультурах, что будет способствовать межкультурному общению России и Китая.

Библиографический список

1. Воропаев Н.Н. Структурно-семантические особенности прецедентных имен в китайско-язычном дискурсе // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 109–118.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград: Перемена, 2007.
3. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 405 с.
5. 禾木. 中华谚语词典. 上海: 上海人民出版社, 2004 (He Mu. Словарь пословиц китайского языка. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2004).
6. 吕叔湘. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1994 (Лу Шусян. Современный словарь китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 1994).
7. 孙洪德. 汉语俗语词典. 北京: 商务印书馆, 2011 (Сунь Хондэ. Словарь пословиц китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2011).

8. 王涛. 中国成语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 1987 (Ван Тао. Фразеологический словарь китайского языка. Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 1987).
9. 温瑞政. 中国俗语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 (Вэнь Жуйчжэн. Словарь поговорок китайского языка. Шанхай: Издательство Шанхайского Словаря, 2011).
10. 温瑞政. 谚语10000条. 上海: 上海辞书出版社, 2012 (Вэнь Жуйчжэн. 10 000 пословиц. Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 2012).
11. 许少峰. 简明汉语俗语词典. 北京: 中华书局, 2007 (Сюй Шаофэн. Краткий словарь поговорок китайского языка. Пекин: Книжный магазин Чжунхуа, 2007).
12. 周静琪. 汉语谚语词典. 北京: 商务印书馆, 2006 (Чжоу Цзинци. Словарь пословиц китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2006).
13. 成语大词典. 北京: 商务印书馆, 2021 (Большой фразеологический словарь. Пекин: Коммерческая пресса, 2021).
14. 汉语谚语歇后语俗语分类大词典. 内蒙古: 内蒙古人民出版社, 1988 (Словарь классификации пословиц и поговорок китайского языка. Внутренняя Монголия: Народное издательство Внутренней Монголии, 1988).
15. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015 (Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческая пресса, 2015).
16. 新华谚语词典. 北京: 商务印书馆, 2005 (Словарь пословиц Синьхуа. Пекин: Коммерческая пресса, 2005).
17. 中华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015 (Фразеологический словарь китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2015).

Сведения об авторе

Чжан Цзин – аспирант, Шанхайский университет иностранных языков (КНР);
e-mail: zhang19920412@yandex.com

LINGUOCULTURAL TYPE OF A CHINESE MERCHANT IN CHINESE LINGUOCULTURE

Zhang Jing (Shanghai, China)

Abstract

The article is devoted to the study of the *Chinese merchant* linguocultural type in Chinese linguoculture. The *merchant* type is represented by its conceptual characteristics (a person engaged in trading activities for the purpose of obtaining benefits) and by value characteristics. The figurative characteristics of the *Chinese merchant* linguistic and cultural type affect the following parameters: appearance; origin of the estate and social status; dwelling; behavior; leisure and speech characteristics of a Chinese merchant. Throughout the history of China, the social status of merchants has been subject to strong changes. In ancient society, the social status of merchants changed from the highest to the lowest, and for a very long time it remained the lowest, and then gradually the status of merchants increased, until now they have become a respected class in society. It can be said that many of the business principles of merchants of ancient China are used to this day.

Keywords: *linguocultural type, Chinese merchant, trader, Chinese linguoculture, conceptual characteristics, figurative characteristics, value characteristics, linguoconceptology, linguopersonology, intercultural communication.*

References

1. Voropaev N.N. Structural and semantic features of precedent names in Chinese-language discourse // Bulletin of the RUDN. Linguistics series. 2011. No. 2. P. 109–118.
2. Dmitrieva O.A. Linguistic and cultural types of Russia and France of the 20th century. Volgograd: Change, 2007.
3. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Linguocultural type: to the definition of the concept // Axiological linguistics: linguistic and cultural types. Volgograd: Paradigm, 2005.
4. Karasik V.I. Language keys. Moscow: Gnosis, 2009. 405 p.
5. He Mu. Dictionary of proverbs of the Chinese language. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2004.
6. Lu Shu Xiang. Modern dictionary of the Chinese language. Beijing: Commercial Press, 1994.
7. Sun Hongde. Dictionary of proverbs of the Chinese language. Beijing: Commercial Press, 2011.
8. Wang Tao. Phraseological dictionary of the Chinese language. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 1987.
9. Wen Ruizhen. Dictionary of colloquial expressions of the Chinese language. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2011.
10. Wen Zheng rui. 10 000 proverbs. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2012.
11. Xu Xiaofeng. A short dictionary of Chinese sayings. Beijing: Zhonghua Bookstore, 2007.
12. Zhou Jing qi. Dictionary of proverbs of the Chinese language. Beijing: Commercial Press, 2006.
13. A large phraseological dictionary. Editorial Board of the Dictionary of Phraseology. Beijing: Commercial Press, 2021.
14. Dictionary of classification of proverbs and sayings of the Chinese language. A group of authors of the Dictionary of Proverbs and Sayings of the Chinese Language. Inner Mongolia: People's Publishing House of Inner Mongolia, 1988.

15. Xinhua Phraseological Dictionary. Dictionary Research Center of the commercial press. Beijing: Commercial Press, 2015.
16. Xinhua Proverb Dictionary. Edited by the Dictionary Research Center of the Commercial Press. Beijing: Commercial Press, 2005.
17. Phraseological dictionary of the Chinese language. Editorial Board of the Dictionary of Chinese Idioms. Beijing: Commercial Press, 2015.

About the author

Zhang Jing – PhD Candidate, Shanghai International Studies University (Shanghai, China); e-mail: zhang19920412@yandex.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-138>

УДК 811.111

ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТАРЕНИЯ И ЭЙДЖИСТСКИЕ УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Берестнева (Майкоп, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Результаты междисциплинарных исследований показывают, что процесс старения был беспричинно связан со словами упадка, уязвимости и имеет гендерную маркированность. Взаимоотношения между этими двумя идентичностями сложны, а с точки зрения лингвистического исследования это в значительной степени недостаточно изученная и не имеющая удовлетворительного теоретического обоснования область.

Цель статьи – на основе отрывков из литературно-художественных произведений провести анализ лексических единиц с эйджисткой семантикой и выделить семантические группы, которые основаны на определенных стереотипных установках.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили произведения современных американских писательниц К. Бушнелл и С. Майер, содержащие примеры возрастных стереотипов.

Основные методы анализа: метод сплошной выборки, гипотетико-дедуктивный метод, описательный метод с его основными компонентами (наблюдение, описание, обобщение), а также метод контекстуально-прагматической интерпретации.

Выводы. В ходе работы выявлено, что под воздействием сформированных отрицательных установок негативное отношение и мысли о старении могут стать направленными внутрь себя и послужить источником геронтофобии. В исследуемых произведениях язык эйджизма распределяется по пяти семантическим группам, включая эксплицитные выражения действующих лиц, а также имплицитную предвзятость самого автора.

Ключевые слова: эйджизм, культурные установки, процесс старения, геронтофобия, стереотипы, гендерный дискурс, негативный язык, дискриминация по возрасту, лингвистические ресурсы.

Постановка проблемы. То, как мы используем язык, чрезвычайно важно, учитывая, что лексика передает уровни значения, которые укоренены гораздо глубже, чем сами слова, особенно, когда мы говорим, не задумываясь о социальной приемлемости. Что касается старения и пожилых людей, некоторые слова и фразы, даже позитивные, могут непреднамеренно закреплять негативные установки, стереотипы, суждения и предположения.

Дискриминация по возрасту на основе языка может включать не только враждебность, но также уничижительные высказывания и даже оскорбления. Негативное отношение к пожилым людям, по сути, основано на обобщенном представлении о старении как процессе внешней и внутренней отчужденности.

Не будет преувеличением сказать, что термин «ageism» очень популярен в социологических исследованиях последнего времени. Его происхождение связывают с именем Роберта Н. Батлера, врача-психиатра, геронтолога и писателя. В своей работе он впервые указал, что эйджизм отражает глубоко укоренившееся беспокойство со стороны молодежи и людей среднего возраста – личное отвращение и неприязнь к старению, болезням, инвалидности, страх бессилия, «бесполезности» и смерти [Butler, 1969, p. 243].

Исследование дискриминации по возрасту и стереотипов и предрассудков опирается на широкий спектр научных сфер, объединяя соответствующие идеи и теоретические взгляды из различных областей: социолингвистики, теории культуры, гендерных исследований, социальной геронтологии, теории идентичности, социологии и анализа феминистского дискурса. Литература предоставляет богатые ресурсы для интерпретации значения старения в кросс-культурных и исторических исследованиях. Теоретически обоснованное понимание публицистики должно основываться на контекстуальном понимании литературы как вида искусства, включая соображения о стиле, жанре, намерениях авторов и аудитории, осведомленность о перспективах анализа, критериях толкования, взятых из геронтологии [Hendricks, Leedham, 1987].

В период расширения феминистской критики языка можно наблюдать тенденцию к появлению новых социальных и гендерных стереотипов, которые привели к изменению женского архетипа в художественной литературе. В рамках статьи предполагается прагмалингвистическое изучение произведений современных американских писательниц с точки зрения культурно обусловленных стереотипов, которые до сих пор для рассмотрения в этом ключе не привлекались. В качестве материала для контекстуально-прагматической интерпретации были отобраны романы «Lipstic jungle» (Помадные джунгли) (2005) К. Бушнелл и «New Moon» (Новолуние) (2006) С. Майер. Существенным фактором отбора было то, что указанные авторы являются яркими представителями современного женского дискурса, а их произведения пользуются огромной популярностью и имеют многочисленные экранизации. Отбор материала определялся тем фактом, что, несмотря на кардинальные различия в социальном статусе и разные поколения, героини К. Бушнелл и С. Майер отражают богатое разнообразие женской жизни. Каждая из писательниц выражает свое отношение к женской автономии и построению культурной идентичности женщины. Одна примечательная характеристика современной героини заключается в том, что ее недостатки находятся в центре внимания, а переживания по поводу возрастных изменений актуализируют смысловые области, которые у носителей английского языка ассоциируются со словом «ageism».

Обзор научной литературы. На современном этапе развития лингвистики особое внимание уделяется изучению особого вида дискурса – гендерному дискурсу. Важнейшее деление людского рода на две части (мужчины/женщины) до недавнего времени не привлекало к себе специального внимания лингвистов.

Социолингвистика, психоллингвистика, этнолингвистика изучали особенности языка и его употребления, связанные с различиями между группами людей, не обращая внимания при этом на различия по полу. «Изучались группировки иного рода, отражавшие дифференциацию социальную, возрастную, профессиональную, локальную (место рождения и жительства), этническую и др. И лишь сравнительно недавно ученые стали обращать специальное внимание на особенности мужской и женской речи» [Земская и др. 1993, с. 90].

Анализ существующих концепций «гендера» в отечественном и зарубежном языкознании показал, что не во всех случаях половая принадлежность представляет лингвистически релевантный фактор. Так, О.Н. Прокудина, исследуя особенности речевого стиля мужчин и женщин на материале русской и английской диалогической речи, пришла к выводу, что выделять специфичный «женский» дискурс, отличный от «мужского», неправомерно. Бесспорно, гендерный признак является важным, однако не доминирующим. Поэтому следует говорить о гендерно-коммуникативном факторе, детерминирующем или модифицирующем выбор коммуникативной стратегии, а не о типе дискурса в целом [Прокудина, 2002, с. 35].

Напротив, Н.А. Долженко, Н.С. Сивкова находят гендерный подход к тесту достаточно продуктивным, так как он помогает и анализировать языковые особенности автора в целом, и представлять речевой портрет героини в частности. Так, проведенный статистический анализ в рамках системного подхода и компонентного метода описания морфологических форм позволил автору статьи выделить определенные особенности речевых тактик женской языковой личности в историческом романе [Долженко, Сивкова, 2019].

В американской литературе последних десятилетий отмечается повышение интереса к изучению вопросов возрастной дискриминации различного типа, которые описывают стереотипы, часто уходящие корнями в язык больного/дефицитного тела и опирающиеся на семиотику физического и эмоционального расстройства. Определение понятия «эйджизм» претерпело значительные изменения. Восприятие старения представлено как позитивными, так и негативными взглядами на проблему возраста.

Современные культурные категории, по существу, сводятся к двум: молодость и возраст, – иерархически организованные, так что о нас судят не по тому, сколько нам лет, а по тому, насколько мы молоды. Старые в рамках доминирующей культуры представляют собой нарушение поля зрения. Подобно инвалидам или людям, имеющим отклонения от нормы, они оцениваются с точки зрения умаления, как «меньше, чем...». Ряд отрицательных значений считываются с состарившегося тела, которое, в свою очередь, принимается за источник проблем старости: «Such stigma results not from changes in the body as such, but from social constructions that read the older female body in negative ways» [Furman, 1999, p. 10]. Аргумент, который приводит автор, заключается в том, что полярность молодости и возраста все еще имеет место, что она фактически является одной из доминирующих сил, управляющих современным социокультурным отношением к старению. Он встроен в

культурную оценочную инфраструктуру и способствует поляризации, которая характеризует многие культурные дискурсы старения и гендера.

Автор статьи «От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в Сети» Э. Лассан рассмотрела, как языковой эйджизм в литературных текстах поддерживается отрицательными высказываниями в адрес пожилых людей. А эпоха Сети демонстрирует, как неприязнь к старикам приобретает характер фобии, боязни собственного старения, обозначаемой термином «геронтофобия» [Лассан, 2019].

Комплексное исследование по вопросу восприятия старения в 25 странах ЕС провела И. Рыхтаржикова на основе данных обследования Special Eurobarometer № 437 (2015). Она указывает на наличие универсальных для многих стран стереотипов и предвзятости, связанных с возрастом. Стоит отметить, что женщины более часто воспринимают дискриминацию по возрасту из-за исторической маргинализации, когда они имели более низкий социальный статус и находились в неблагоприятном положении на рынке труда. Даже сегодня после корректировки с учетом остальных переменных в модели эта дискриминация значительна [Rychtaříková, 2019]. Положительные или отрицательные возрастные стереотипы, присущие пожилым людям, могут оказывать благотворное или пагубное воздействие на их умственные и физические способности. Автор ссылается на теорию воплощения стереотипов психолога Бекки Леви [Levy, 2003], которая говорит, что долговременное воздействие эйджистских стереотипов на человека приводит к самоэйджизму. Эти негативные стереотипы, которые пожилые люди имеют в отношении своей возрастной группы, могут затем оказывать отрицательное влияние на состояние их здоровья.

Такой образ мыслей иногда может распространяться средствами массовой информации, играющими в наши дни важную роль в формировании общественного мнения. Например, результаты исследования показывают, что пандемия Covid-19 усугубила коллективные проявления эйджизма, так как СМИ обсуждали процесс старения и пожилых людей. Несмотря на то что точка зрения пожилых людей находилась в центре кризиса, она была практически исключена из дискурса, поскольку другие говорили от их имени, сосредоточиваясь на «проблемах», создаваемых стареющим населением и де-факто пожилыми людьми. Сочетание в основном негативного языка, используемого для описания пожилых людей, и безличного и объективирующего тона, может способствовать эйджизму и негативно влиять на здоровье и социальную изоляцию пожилых людей [Lagacé at al., 2021].

В продолжение темы С. Андерсон [Anderson, 2019] рассматривает, как стареющие женщины представлены в средствах массовой информации и рекламных дискурсах, анализируя рекламу антивозрастных средств по уходу за кожей и отдельные медиатексты, применяя постфеминистскую систему интерпретации. Фундаментальная амбивалентность СМИ в отношении старения женщин выражается в том, как пожилые женщины представлены текстуально и визуально, а также в противоречивом характере дискурсов, ориентированных на мужчин,

по сравнению с общением в отношении женщин. Автор приходит к выводу, что взаимосвязь между старением и гендером является лишь одним аспектом более широкой проблемы взаимосвязи, которая приобретает все большую актуальность в академической и деловой сферах. Дискуссию на тему того, что СМИ являются мощным каналом, который может способствовать распространению стереотипов и усугублению дискриминации, необходимо расширить, включив в нее различные категории «инаковости», такие как раса и сексуальность.

Цель статьи – провести анализ отрывков из литературно-художественных произведений американских писательниц, содержащих единицы с эйджисткой семантикой, которые ассоциируются у носителей английского языка с процессом старения, и выделить семантические группы, связанные с определенными стереотипами, актуализируемыми в женском художественном дискурсе.

Материалы и методы исследования. Среди общенаучных методов исследования использовался гипотетико-дедуктивный метод, который позволил собрать языковой материал и осуществить его индуктивное обобщение. Организация художественного текста строится на взаимосвязи плана выражения и плана содержания, требующего декодирования и анализа, поэтому описательный метод позволил выявить особенности и обобщить исследуемый материал на наличие эйджистских стереотипов в речи персонажей, а метод контекстуально-прагматической интерпретации позволил рассмотреть ситуации употребления лексических единиц в дискурсе.

Результаты исследования. В данном исследовании есть теоретическая отправная точка, опирающаяся на предпосылку Майкла Холлидея о том, что язык и социальный контекст взаимосвязаны: «Своими повседневными осмысленными действиями люди отыгрывают социальную структуру, закрепляя свои собственные статусы и роли, устанавливая и передавая общие системы ценностей и знаний» [Halliday, 2002]. Отношение и стереотипы людей могут формироваться как на общественном, так и на индивидуальном уровне, на которые могут влиять такие характеристики, как социальный статус, возраст, пол и другие.

Роман Кэндес Бушнелл «Lipstic jungle» рассказывает о жизни трех подруг: Вэнди Онилли, Нико Райли и Виктории Форд. Молодые женщины, которые занимают 8, 12 и 17-е места в списке New York Post «50 самых влиятельных женщин Нью-Йорка», хотя и богаты, но уже не так молоды. В определенный период жизни под влиянием стереотипов каждая из них болезненно испытывает естественные возрастные изменения.

Одна из тем, затрагиваемых в современной американской прозе, касается отвержения протагонистом самого себя в силу возраста и наложения внутреннего эйджизма, который основан на предубеждении по отношению к пожилым людям и, как следствие, неприятия самого себя. Несмотря на то, что все сталкиваются с физическими изменениями, женщинам труднее приспособить возраст и физическую реальность к своему зеркальному отражению. Исследуемые выдержки из романов иллюстрируют, как лингвистические ресурсы связывают культурные

установки, которые в большинстве своем обращены на женщин, с выражением двойственного представления о том, что есть правильный и неправильный путь к старению. Эти стереотипные суждения имеют, бесспорно, гендерный характер и являются еще одним указанием на различный оценочный контекст, в котором живут женщины и мужчины в вопросах внешнего вида. Это те стандарты, по которым женщины судят себя и друг друга.

Интересно рассмотреть позицию автора к процессу старения на примере Виктора Мэтрика и Сьюзан Эрроу. Виктору, который являлся одним из генеральных директоров «Сплэтч – Вернер», было за семьдесят или даже за восемьдесят: «Like most CEOs, Victor, who was in his mid-seventies or possibly even eighty, was notoriously eccentric» [Bushnell, 2008, p. 32]. Уже сам факт неопределенности границ его возраста показывает, что странности в поведении, по мнению автора, характерны для людей 65+, после этих лет трудно определить точный возраст пожилого человека: «Due to his age and his odd behavior, nearly every executive was convinced that Victor was insane» [Bushnell, 2008, p. 32]. «Victor's eyes glittered – with either the gleam of insanity, old age, or a combination of both...» [Bushnell, 2008, p. 91]. «The whites of his eyes were slightly yellow with age as well, like ancient paper» [Bushnell, 2008, p. 339]. «On the other hand, Victor was old. Maybe he really didn't remember» [Bushnell, 2008, p. 340]. «He was so old! He ought to be dead, perhaps he actually was dead, and no one figure it out» [Bushnell, 2008, p. 340]. Во всех эпизодах, описывающих Виктора Мэтрика, видимые признаки его старения проблематизируются отрицательно-оценочным характером языка: слова «crazy», «insane», «insanity» вызывают ассоциации со «старческим слабоумием», а «notoriously eccentric» означает психические отклонения, обусловленные возрастной стереотипизацией. Также метафорическое сравнение белков его глаз с «древним пергаментом» имеет намек на «древность» самого Виктора. Кроме того, использование модальности во фразах «couldn't last much longer» и «ought to be dead» указывает на отсутствие возможности дальнейшего существования и вероятность скорого ухода. Практически во всех цитатах употребляется слово «old» или «age» как причина плохой памяти, причуд и прочих признаков возрастных изменений.

На примере описания Сьюзан Эрроу, основателя и президента компании по связям с общественностью, автору романа удастся конструировать процесс старения как позитивный по своей сути с помощью лексики, такой как «to decipher her real age», «to look better and younger-looking than they had in their thirties» и «time began to reverse» и др. Сопоставление фраз «определить ее реальный возраст», «выглядеть лучше и моложе, чем в 30 лет» и «повернуть время вспять» определяет этот текст как решение проблемы. В ее характеристике нет открытого упоминания или негативной оценки старения и его видимых признаков. Вместо этого авторский подход заключается в нормализации меняющихся внешних признаков на разных этапах жизни: «had battled cancer», «had botox and fillers injected into their faces, and eyelifts», «had had two facelifts»,

«possibly breast implants» (т.е. представлен образ действий, необходимый для достижения этого состояния). Это дополнительно подкрепляется дескрипторами результатов: «She was still sexy», «youthful décolletage», которые обращаются к лексике, более традиционно связанной с молодежными дискурсами (например, «Success and self-actualization was what really made women glow», «they shone with the fullness of life»), т.е. эстетический стандарт, необходимый для достижения желаемого состояния. При этом «сокрушительная острота» женского взгляда, особенно когда он обращен на других женщин, кажется, используется для представления не реальной, а достижимой красоты, и только через хирургическое вмешательство («achieved with the surgeon's knife»): «Victory and Nico always said they hoped they'd look half as good as she did when they got to be her age» [Bushnell, 2008, p. 60–61]. Следовательно, конструкция стареющей женственности Сьюзан, сравниваемая с причудами старости Виктора Мэттерика, опосредована гендерной обусловленностью авторского взгляда.

Хотя такие контрдискурсы, похоже, имеют место в романе, старение женщин все же чаще проблематизируется, чем прославляется, посредством дискурсов, которые безжалостно вербализуют и негативно оценивают его видимые признаки, увековечивая необходимость соответствовать стереотипам женской красоты. Например, в эпизоде, когда Венди обогнала группа молодых девушек, для которых она была невидимым объектом: «To them, she was nothing more than a desperate middle-aged woman, the kind of woman young girls looked at and, turning to their girlfriends, whispered, “Shoot me if I ever get to be like her, huh”» [Bushnell, 2008, p. 278]. «But they would become like her. That's what the young refused to understand. Everybody got older and shit happened to you. Bad shit. Shit you couldn't control...» [Bushnell, 2008, p. 279]. В данных контекстах одна из главных героинь, признавая себя женщиной средних лет, уподобляет процесс старения «неконтролируемой мерзости». В данном контексте стоит обратить внимание на взаимодействие лексики, используемой протагонистом-женщиной, с лексикой, которая употребляется автором в отношении стареющих женщин.

Отягощенный тревогой язык, который используется в моменты личных переживаний, указывает на борьбу за примирение глубокого противоречия между неизбежностью физического старения и культурной ориентацией на молодость как необходимое условие женственности. Так, Нико, заметив у себя седой волос, вспомнила, как, вернувшись домой из школы, обнаружила свою 36-летнюю мать в слезах из-за первого седого волоса: «I'm old. I'm oooooold», she'd sobbed... «It means that Daddy won't love me anymore» [Bushnell, 2008, p. 405]. В этом отрывке наглядно видно, как утрата молодости для женщины связывается с потерей сексуальной привлекательности. По приведенным выше примерам видно, как культурная установка диктует, что молодость/красота часто бывают определяющими показателями, по которым оцениваются все проявления женственности. И вот здесь актуализируется такое понятие, как «геронтофобия», которое образно представлено в романе С. Мейер «Новолуние».

«Twilight» – серия книг, в каждой из которых описываются события из жизни главной героини Беллы Свон и ее возлюбленного вампира Эдварда. В романе вампиры обладают сверхъестественной красотой и бессмертием. По сюжету при обращении вампиры получают не только сверхъестественные способности и вечную жизнь без старости, у них идеальное тело, совершенные черты лица. Вся семья Калленов, включая отца семейства и его жену, а также обращенных в разное время приемных детей, производит на Бэллу Свон неизгладимое впечатление своей безупречностью. Считая себя посредственной, девушка начинает страдать комплексом неполноценности в обществе идеальных красавцев. Наступившее восемнадцатилетие Бэллы становится причиной одержимости идеей превращения в вампира, чтобы остановить неумолимо приближающуюся «старость».

Геронтофобия девушки актуализируется в сюжете повторяющихся снов, где она видит себя в зеркале в образе собственной бабушки: «The skin was soft and withered, bent into thousand tiny creases that clung gently to the bone underneath. Like a dried apricot, but with a puff of thick white hair standing out in a cloud around it» [Meyer, 2009, p. 3]. В представленном отрывке подробно описываются ее морщинистое лицо, кожа на котором была дряблой и сморщенной, похожей на сушеный абрикос. И еще рот, похожий на морщинистую складку (wizened pucker), – главный фокус и объект пристального внимания. По мнению многих исследователей, женщины склонны придавать лицу своего рода метонимическое значение, так что оно становится символом изменений, вызванных процессом старения в организме в целом: «Me in a mirror. Me – ancient, creased, and withered» [Meyer, 2009, p. 5].

Контрастом «постаревшей» Бэлле выступает «forever seventeen» Эдвард. Лексически противоположное состояние «вечной юности» строится антитетически в словосочетаниях с положительной оценкой («With the most beautiful smile on his angel's face», «Strolling gracefully» «Excruciatingly lovely»), которые имплицитно предполагают ценности, связанные с молодостью. Не менее привлекательные физические проявления, являющиеся источником геронтофобии Бэллы, представлены при описании других представителей вампиров: кожа – smooth, hard, cold; лицо – impossibly perfect face, statue still face, pixie face; смех – silver sound, a wind chime. Так, встретив вампира Лорана, который ранее преследовал ее, Бэлла была не только напугана, но и поражена его неизменной красотой, которую она сравнивает с вечностью: «It was impossible how exactly the same Laurent looked. I suppose it was very silly and human to expect some kind of change in the year. ... His face was the most beautiful face I'd seen in what felt like an eternity» [Meyer, 2009, p. 208].

Одним из ключевых моментов, из-за которого главная героиня переживает приступы панического страха старения, – день ее совершеннолетия, которое сравнивается с «черным днем», так как в этот день она становится старше Эдварда: «The last thing I wanted was some kind of celebration of the black event» [Meyer, 2009, p. 8]. Этот день описывается посредством глаголов тревоги: to dread, to fear, to lurk in ambush, to hit, to get older, to be older, to wait, to spring. Такой же коннотацией наделены эпитеты: bleak, worse, different, quantifiable, anxious, impending,

worried. Сравнительная конструкция «it's older than Edward» также актуализирует страх протагониста.

Обсуждая с Эдвардом условия ее перехода в клан бессмертных, Бэлла настаивала на немедленном обращении, не желая ждать лишней год, потому что в двадцать лет она будет «значительно» старше Эдварда: «Nineteen I'll do. But I'm not going anywhere near twenty. If you're staying in your teens forever, then so am I» [Meyer, 2009, p. 477]; «...if I could be sure of the future I wanted, sure that I would get to spend forever with Edward, and Alice and the rest of the Cullens (preferably not as a wrinkled little old lady) ...then a year or two one direction or the other wouldn't matter to me so much» [Meyer, 2009, p. 9].

Стандарты являются тем основанием, на котором строится оппозиция отношения внутреннего «я» и взгляда извне. В частности, у девочек и женщин привычка к самооценке и сравнению с внешними нормами рано входит в сознание, поскольку даже маленькие девочки начинают испытывать давление необходимости соответствовать стандартам, особенно группе сверстников.

Выводы. Изучение феномена возрастной дискриминации по языковому признаку на примере современной художественной прозы подтверждает влияние сформировавшихся отрицательных установок, выражающих имплицитную предвзятость. После продолжительного воздействия эйджисткого языка и стереотипов негативное отношение и мысли о старении могут быть направленными внутрь себя и стать источником геронтофобии. В исследуемых произведениях язык эйджизма имеет свои проявления в эксплицитных выражениях действующих лиц и в имплицитных стереотипных установках самого автора и может быть распределен по пяти семантическим группам, которые основаны на классификации О.С. Авдеевой [Авдеева, 2007], исследовавшей реализацию концепта «возраст»:

1) единицы, определяющие лицо/лица, находящиеся в определенном возрасте, именующие представителей женского (old crone; sappy schoolgirl; unpleasant young woman; an older woman; pretty lady; old model of powerful woman; a new model of powerful woman; middle-aged woman; a woman of indeterminate age; mutton; lamb) и мужского пола (The Old Man; young man; creepy old man; dried-up old turd);

2) единицы, эксплицитно выражающие процесс старения (getting older and smaller; getting too old; to be on the edge of insanity; to be so old; to be distracted; to go through menopause; signs of gray hair; silvery hairs; loosing one's mind; the whites of his eyes were slightly yellow with age; the network of tiny broken blood vessels covering his cheek like a delicate spider web);

3) единицы, имплицитно указывающие на результаты возрастных изменений из-за использования косметических средств и процедур (to use self-tanning products; to have (one's breasts) done; to have botox and fillers injected in one's face; to have eyelift; to have facelift; to have breast implants; to have cosmetic improvements; to have veneers; youthful décolletage; to go under the surgeon's knife);

4) единицы, указывающие на стереотипы, связанные с определенным возрастом, имеющие в составе слова с семантикой эйджизма (insane; unnaturally bronzed; notoriously eccentric; mutton dressed as lamb; to be crazy; youthful ignorance; youthful bravado; childish excitement; old, bald and pickled; clueless; due to his age and his odd behavior; to reach down inside yourself; to be forgotten; the embodiment of everything wrong; doddering, genial old man);

5) единицы, эксплицирующие геронтофобию, через обозначение возрастного этапа, на котором находится индивид, или процесса возрастных изменений (I could feel it – I was older; Every day I got older, but this was different, worse, quantifiable; Me – ancient, creased, and withered; the black event (birthday); Getting older; Eighteen isn't very old; Don't woman usually wait till they're twenty-nine to get upset over birthdays; preferably not as a wrinkled little old lady; But what about when I get so old that people think I'm your mother? Your grandmother? You're going to stay, but let me get all old anyway? Even if they don't think of me till I'm *thirty* – I hissed the word; Horror washed through me. Thirty.; I'm old. I'm oooooold. It means that Daddy won't love me anymore).

В текущем исследовании героини романа «Lipstick Jungle» идентифицировали себя как стареющих женщин, однако они также демонстрировали существование конфликта между самооценкой и суждениями других, а также их собственными желаниями одновременно соответствовать и отвергать существующие стандарты. Причиной подобных установок могут быть два фактора: негативное коллективное восприятие возраста у женщин, а также конкурентоспособность, которая формирует переживание старения на личном уровне.

Таким образом, выявлено, что исследуемый язык эйджизма варьируется в зависимости от того, на кого направлено сообщение, и может выражать как положительные эмоции, так и враждебность. Кроме того, возрастные стереотипы могут стать причиной геронтофобии. Тревогу по поводу собственного старения могут испытывать не только зрелые, но и молодые люди. Можно сделать вывод, что авторы современного женского дискурса увековечивают гендерные стереотипы, которые интегрируются из общекультурных установок и влияют на человека на протяжении всей жизни. Существует потребность в дополнительных исследованиях, посвященных конкретному языку, используемому для выражения имплицитной языковой предвзятости. Поэтому дальнейшей перспективой исследования может быть рассмотрение факторов, определяющих стереотипизацию представлений о старении в языке современного массмедийного пространства.

Библиографический список

1. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16183077> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Долженко Н.А., Сивкова Н.С. Гендерный дискурс: особенности речевых тактик женской языковой личности (на материале романа М.К. Анисимковой «Плач гагары») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 149–154. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.30> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
4. Лассан Э.Р. От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в сети // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 905–919. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919
5. Прокудина О.Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности: на материале русской и английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 209 с.
6. Anderson C. Discourses of Ageing and Gender: The Impact of Public and Private Voices on the Identity of Ageing Women. Palgrave Macmillan, 2019. 284 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96740-0_4 (access date: 14.04.2022).
7. Bushnell C. Lipstick Jungle. London: Abacus, 2008. 448 p.
8. Butler R.N. Age-Isms: Another Form of Bigotry // The Gerontologist. Vol. 9. 1969. № 4. Part 1. P. 243–246. URL: https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243(access date: 11.03.2022).
9. Furman F. There are no old Venuses: Older women's responses to their ageing bodies // In M.U. Walker (Ed.), Mother time: Women, ageing and ethics. Boulder: Rowman & Littlefield, 1999. P. 7–22. DOI: 10.1353/hyp.2002.0016
10. Halliday M.A.K. Text as semantic choice in social contexts. Reprinted in full in Linguistic Studies of Text and Discourse. Volume 2 in the Collected Works of M.A.K. Halliday / Ed. by J.J. Webster. London: Continuum, 2002. P. 23–81. URL: <http://hdl.handle.net/1959.14/32243> (access date: 15.02.2022).
11. Hendricks J., Leedham C.A. Making sense of literary aging: Relevance of recent gerontological theory // Journal of aging studies. 1987. Vol. 1, 2. P. 187–208. DOI: 10.1016/0890-4065(87)90006-5
12. Lagacé M., Doucet A., Dangoisse P., Bergeron C.D. The «Vulnerability» Discourse in Times of Covid-19: Between Abandonment and Protection of Canadian Francophone Older Adults // Front Public Health. 2021. № 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.662231
13. Levy B.R. Mind Matters: Cognitive and Physical Effects of Aging Self-Stereotypes // The journals of gerontology. Series B, Psychological sciences and social sciences. 2003. Vol. 58. P. 203–11. DOI: 10.1093/geronb/58.4.p203 (access date: 02.02.2022).
14. Meyer S. New Moon. London: Atom, 2009. 563 p.
15. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries // Population and Economics. 2019. № 3 (4). P. 1–29. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49760> (access date: 02.02.2022).

Сведения об авторе

Берестнева Александра Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп); e-mail: beralex777@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-138>

TEXTUAL REPRESENTATION OF AGING AND AGEIST ATTITUDES IN MODERN WOMEN'S DISCOURSE

A.V. Berestneva (Maikop, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The results of interdisciplinary studies show that the aging process was causelessly associated with words of decline, vulnerability and has a gender marking. The relationship between these two identities is complex, and as linguistic research, it has not been studied to a sufficient extent yet, and does not have a satisfactory theoretical foundation.

The purpose of the article is to analyze lexical units with ageist semantics excerpted from literary works and identify semantic groups that are based on certain stereotypical attitudes associated with the aging process.

Materials and methods. The research material is the prose of American female writers K. Bushnell and S. Mayer, containing examples of age stereotypes. The main methods of analysis are the continuous sampling method, the hypothetical-deductive method, the descriptive method with its main components (observation, description, generalization), as well as the method of contextual-pragmatic interpretation.

Conclusions. In the course of the work, it is revealed that under the influence of formed ageist attitudes, negative thoughts about senescence can become inward-looking and become a source of gerontophobia. In the works under study, the language of ageism is divided into five semantic groups, including explicit expressions of personages, as well as implicit author's bias.

Keywords: *ageism, cultural attitudes, aging process, gerontophobia, stereotypes, gender discourse, negative vocabulary, age discrimination, linguistic resources.*

References

1. Avdeyeva O.A. Means of expressing the concept of "age" in English: dissertation ... candidate of philological sciences. Saint. Peterburg, 2008. 220 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16183077> (access date: 25.02.2022).
2. Dolzhenko N.G., Sivkova N.S. Gender Discourse: Specificity Of Speech Tactics Of A Female Linguistic Personality (By The Material Of M. K. Anisimkova's Novel "The Cry Of The Loon"). In *Filologicheskiye Nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice*. 2019. No. 12. P. 149–154. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.30> (access date: 15.02.2022).
3. Zemskaya Ye.A., Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. Features of male and female speech. In *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii Russian language in its functioning*. Ed. Ye.A Zemskaya, D.N. Shmeleva. Moscow: Nauka, 1993. P. 90–136.
4. Lassan E.R. From ageism in the language to gerontophobia in the text: types of hate in the internet. In *Kommunikativnyie issledovania Communication Studies*. 2019, Vol. 6, No. 4. P. 905–919 DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919
5. Prokudina O.N. Gender Discourse-Analysis of Speech Strategies of a Female Linguistic Personality: Based on the Material of Russian and English Dialogic Speech: dis. ... candidate of philological sciences. Kemerovo, 2002. 209 p.
6. Anderson C. *Discourses of Ageing and Gender: The Impact of Public and Private Voices on the Identity of Ageing Women*. Palgrave Macmillan, 2019. 284 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96740-0_4 (access date: 14.04.2022).

7. Bushnell C. Lipstick Jungle. London: Abacus, 448 p. 2008.
8. Butler R.N. Age-Isms: Another Form of Bigotry // *The Gerontologist*. Vol. 9. 1969. No. 4. Part 1. P. 243–246. URL: https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243 (access date: 11.03.2022).
9. Furman F. There are no old Venuses: Older women's responses to their ageing bodies // In M.U. Walker (Ed.), *Mother time: Women, ageing and ethics*. Boulder: Rowman & Littlefield, 1999. P. 7–22. DOI 10.1353/hyp.2002.0016
10. Halliday M.A.K. Text as semantic choice in social contexts. Reprinted in full in *Linguistic Studies of Text and Discourse*. Volume 2 in the *Collected Works of M.A.K. Halliday*. Ed. by J.J. Webster. London: Continuum, 2002. P. 23–81. URL: <http://hdl.handle.net/1959.14/32243> (access date: 15.02.2022).
11. Hendricks J., Leedham C.A. Making sense of literary aging: Relevance of recent gerontological theory // *Journal of aging studies*. 1987. Vol. 1, 2. P. 187–208. DOI: 10.1016/0890-4065(87)90006-5
12. Lagacé M., Doucet A., Dangoisse P., Bergeron C.D. The “Vulnerability” Discourse in Times of Covid-19: Between Abandonment and Protection of Canadian Francophone Older Adults // *Front Public Health*. 2021. No 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.662231
13. Levy B.R. Mind Matters: Cognitive and Physical Effects of Aging Self-Stereotypes // *The journals of gerontology. Series B, Psychological sciences and social sciences*. 2003. Vol. 58. P. 203–11. DOI: 10.1093/geronb/58.4.p203
14. Meyer S. *New Moon*. London: Atom, 2009. 563 p.
15. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries // *Population and Economics*. 2019. No. 3 (4). P. 1–29. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49760> (access date: 02.02.2022).

About the author

Berestneva Aleksandra Valerievna – PhD (Philology), Associate Professor, English Philology Department, Adyghe State University (Maikop, Russia); e-mail: beralex777@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-139>

УДК-808

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
САМСОНОВА А.А. АРТ-ЖУРНАЛИСТИКА.
РЕЧЕВЫЕ ТЕХНИКИ ОЦЕНИВАНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА.
Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 118 с.**

О.Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

Аннотация

Рецензия посвящена монографии молодого петербургского ученого А.А. Самсоновой, в которой арт-журналистика рассматривается как дискурс, сформированный в процессе оценивания произведений искусства. Автор преимущественно сосредоточен на новаторском характере предлагаемой исследователем научной концепции.

Ключевые слова: *арт-медиадискурс, оценивание, процесс, стадильность.*

Монография А.А. Самсоновой продолжает серию «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций», которая предложена профессиональному сообществу одним из самых популярных издательств «Алетейя» нескольких лет назад. Именно в этой серии вышли высокорейтинговые «Эстетика журналистики» (2018), «Коммуникативные агрессии XXI века» (2019), «Русская публицистика. Эволюция идей и форм» (2021) и многие другие работы известных петербургских медиологов.

Молодым исследователем был очень удачно адаптирован для открытой печати текст диссертации, актуальной по нескольким весомым обстоятельствам. Во-первых, в зоне внимания А.А. Самсоновой находится тот сегмент современного российского медиадискурса, в котором презентуются произведения искусства. Особое значение эмпирической базы такого исследования можно определить с привлечением авторитетного мнения Л.С. Выготского, писавшего, что искусство есть важнейшее средоточие всех биологических и социальных процессов личности в обществе, потому что оно есть способ уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни [Выготский, 2017, с. 405]. Художественное сознание выступает как системное ценностное представление в сложившейся социокультурной ситуации понимания и отражения в эстетических категориях мира, общества, человека. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что проблема взаимоотношения языка, культуры и общества, а также проблема отражения современного арт-сознания в языке массмедиа являются значимым полем исследования, важным для выявления ценностных установок общества и для обоснования значимости культуроформирующей функции СМИ.

Интерпретируя арт-факты и арт-события, журналистика тем самым вольно или невольно повышает ценность этих интерпретативов и внедряет вполне определенные ценностные установки в сознание массового адресата.

Есть еще одна принципиально важная особенность рецензируемой научной концепции – автор ее пытается обнаружить речевые средства фиксации в медиатексте эстетического отношения человека к миру в аспекте категорий прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического. Внимание исследователя поглощено поиском ответа на вопрос, как, каким образом, с применением каких техник массмедиа формируют в сознании массового адресата эстетическую картину мира. А.А. Самсонова исходит из того, что ядерной частью структуры современного медиадискурса, несмотря на его полисемиотичность, все-таки остается вербальная сторона коммуникации, признает речевые механизмы формирования оценки и оценивания того или иного социокультурного явления ведущими в процессе формирования целостного представления об этом явлении. Именно речевая репрезентация эстетической оценки и стала предметом исследования в монографии, представленным как дискурсообразующий фактор. Это принципиально, так как обнаруженные механизмы рассматриваются в широком – культуuroобразующем и культуuroформирующем – контексте, осмысляются в качестве своеобразных квантов дискурсивного движения в массмедиа.

Социокультурный фон современности достаточно сложен, многообразен и не всегда соответствует традиционно сложившемуся в отечественной и мировой культуре представлению о прекрасном. Именно поэтому автор монографии прослеживает становление теории оценки от самых начал до современных исследований в области теории оценок (глава 1, раздел «Феномен оценивания в свете гуманитарной науки»). Разработка научно-терминологического аппарата предоставляет читателю четко оформленную категориальную систему, в которой разрешена терминологическая проблема сосуществования понятий «оценка» и «оценочность». Введенный же автором в научный оборот термин «оценивание» обоснован и потенциально способен закрепиться в области медиалингвистических исследований (глава 2 «Оценивание произведения искусства в арт-журналистике как процесс»).

Именно вторая глава монографии представляется нам новаторской. Самым значимым в этой главе является, на наш взгляд, утверждение о стадильности процесса оценивания, которая развивается с опорой на концепцию Л.Р. Дускаевой, предполагающей существование *гипермедиатекста одной новости* (термин Л.Р. Дускаевой) [Дускаева, 2007, с. 67]. Популярная идея развивается на основе анализа системы публикаций, вызванных одним информационным поводом – выставкой Яна Фабра в Эрмитаже. А.А. Самсоновой делается принципиально важный вывод о существовании двух уровней оценивания – проблемно-тематического и элокутивного. Дальнейшее применение аналитического алгоритма по отношению к гипермедиатексту, посвященному выходу романа Е.В. Водолазкина «Лавр», позволяет продемонстрировать двухуровневость и полистадийность процесса оценивания – *формирование базовой положительной оценки – информирование о фактах массового признания – использование признанного*

художественного произведения для создания современной оценочной шкалы. Дальнейшее исследование еще подробнее конкретизирует выделенные стадии, в конечном счете формируется репертуар речевых моделей арт-журналистики, направленных на выражение эстетической оценки.

Несомненным достоинством работы следует признать и прагматическую составляющую понимания арт-медиадискурса. В первую очередь это относится к стадийности механизма оценивания произведений искусства, арт-объектов и арт-процессов. Причем автор не останавливается на концепции Л.Р. Дускаевой, на которую он опирается, и расширяет парадигму этапов, характеризуя в том числе функциональную нагруженность и их самих, и оценивающего стереотипа, который формируется в процессе оценивания.

Говорить о некой универсальности и механизма оценивания, и арт-медиапространства автору позволяет и тот материал, который он анализирует: эмпирическая база включает в себя весь спектр каналов медиакommunikации (от традиционных газет до интернет-площадок социальных сетей), всю жанровую палитру арт-медиадискурса. Такой подход помог исследователю правильно сориентироваться и в жанрово-речевых моделях, используемых журналистами в процессе оценивания произведения искусства. Это же позволило говорить и о текстотипах арт-медиадискурса.

В третьем разделе А.А. Самсонова демонстрирует возможность применения разработанной системы к отдельным разновидностям арт-журналистики: кино-критике, театральной и литературной критике. Методологически четкие критерии разработанного аналитического алгоритма позволяют автору не только описать интенциональные и стадийные характеристики эстетического оценивания различных видов искусства, но и выработать – по отношению к неспециализированной литературной критике – основные композиционно-жанровые модели, обслуживающие современный арт-дискурс. Это положение переводит монографию из разряда собственно-научных в работу, применение которой на практике не только потенциально возможно, но также и очевидно, и даже необходимо для тех, кто хочет понять, по каким правилам функционирует современная арт-журналистика. Кроме того, мы убеждены, что данное издание может быть чрезвычайно полезно студентам всех гуманитарных направлений.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология искусства. СПб., 2017.
2. Дускаева Л.Р. Развертывание новости в гипертекстуальном пространстве интернета // Электронные СМИ: вчера, сегодня, завтра. 2007. № 1. С. 67–75.
3. Самсонова А.А. Арт-журналистика. Речевые техники оценивания произведения искусства. СПб.: Алетейя, 2021. 118 с.

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и медиакommunikаций, Мурманский государственный арктический университет; e-mail: oivanishcheva@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-139>

**BOOK REVIEW: SAMSONOVA A.A. ART JOURNALISM.
SPEECH TECHNIQUES FOR EVALUATING WORKS OF ART.
Saint Petersburg: Aleteya, 2021. 118 p.**

O.N. Ivanishcheva (Saint Petersburg, Russia)

Abstract

The review is devoted to the monograph by a young St. Petersburg scientist A.A. Samsonova, who considers art journalism as a discourse formed in the process of evaluating works of art. The author mainly focuses on the innovative nature of the scientific concept proposed by the researcher.

Keywords: *art media discourse, evaluation, process, staging.*

References

1. Vygotsky L.S. Psychology of art. St. Petersburg, 2017.
2. Duskaeva L.R. Deployment of news in the hypertextual space of the Internet // Electronic media: yesterday, today, tomorrow. 2007. No. 1. P. 67–75.
3. Samsonova A.A. Art journalism. Speech techniques for evaluating works of art. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 118 p.

About the author

Ivanishcheva Olga Nikolaevna – DSc (Philology), Professor, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia), e-mail: oivanishcheva@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-140>

УДК 81'23

СРЕДСТВА АВТОРИЗАЦИИ И АДРЕСАЦИИ В РЕЧИ ИНТЕРНЕТ-ЭКСПЕРТА (на материале экспертных блогов в социальной сети «ВКонтакте»)

Е.Н. Гордеева (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье обсуждается *проблема* языкового потенциала средств авторизации и адресации, используемых интернет-экспертами при создании блогов – одного из популярных форматов современной интернет-коммуникации. *Цель* проводимого исследования – выявление семантики и типичных показателей авторизации и адресации, используемых интернет-экспертом, с учетом текстового *материала*, организованного постами 25 блогов и собранного посредством сплошной выборки в социальной сети «ВКонтакте». Автор работы фокусирует внимание преимущественно на модусной части высказывания, непосредственно связанной с выражением позиций участников коммуникации. Для анализа отобранного материала применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный *методы*, специфицированные в границах *научной базы*, которую составляют труды, развивающие теорию языковой личности и методологию сематического синтаксиса. *Результаты* исследования показывают широкую языковую представленность субъективных категорий и их функциональную значимость для развития экспертного блога и его популяризации. Учитывая собственные интересы и интересы целевой аудитории, интернет-эксперты используют разнообразные языковые средства авторизации и адресации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, блоггинг, блог, экспертный блог, интернет-эксперт, модус, метааспект модуса, авторизация, адресация.

Постановка проблемы. Развитие интернет-технологий привело к трансформации процессов коммуникации и развитию так называемой интернет-коммуникации, одним из популярных форматов которой является блоггинг [Комиссарова, 2020, с. 432]. Под блогом здесь понимается регулярно обновляемый персональный веб-сайт, на котором сообщения (посты) автора размещаются в обратном хронологическом порядке. Соответственно, блоггингом именуют работу автора над блогом, наполнение его содержанием, публикацию текстов в сети Интернет с включением их в новостные ленты, наконец, активность блоггеров в целом [Близняк, Герасимов, 2017, с. 222]. В ряд наиболее популярных международных ресурсов для ведения блога входит видеохостинг «YouTube» (видеоблоггинг). В России все более популярной становится социальная сеть «ВКонтакте», функционально не уступающая известным социальным сетям.

Несмотря на огромное число блогов, их содержательное, стилевое и форматное разнообразие, единая и непротиворечивая классификация блогов до сих пор не создана, при том что отдельные попытки типологизировать обсуждаемое явление уже предприняты. Так, в зависимости от числа авторов, ведущих блоги, они делятся на частные (один автор) и групповые (больше одного автора) [Горшкова, 2013]. Акцентируя внимание на жанровом разнообразии соответствующих текстов, исследователи выделяют тематические блоги (в частности, новостные и политические), личные журналы (дневники, трэвел-блоги) и экспертные блоги [Hadžiahmetović, 2013].

В связи с популяризацией идеи непрерывного образования, расширением образовательной среды, а также увеличением числа образовательных институтов, инструментов и функций, одним из самых востребованных жанровых типов становится именно экспертный блог, используя который автор делится с аудиторией собственным практическим опытом и знаниями в той или иной предметной области [Hadžiahmetović, 2013].

Объектом анализа проводимого исследования является контекст, формируемый авторами экспертных блогов, или интернет-экспертами, а его *целью* – выявление семантики и типичных показателей авторизации и адресации, функционирующих во взаимосвязи с показателями метакатегорий, в экспертных постах социальной сети «ВКонтакте».

Методология (материалы и методы). Научную базу исследования формируют теория языковой личности [Караулов, 2010] и теория лингвокультурологии [Карасик, Дмитриева, 2005]. Более частные в отношении предметного охвата исследования посвящены анализу коммуникативной роли эксперта [Осетрова, 2012; 2014] и языковой личности блоггера [Граждан, 2018; Рябова, 2018; Елькин, Мельникова, 2019; Бушев, 2021], а также феномену блоггинга в целом [Горшкова 2013; Близняк, Герасимов, 2017; Комиссарова, 2020] либо, напротив, блогам определенной предметной тематики [Елькин, Мельникова, 2019; Генералова, 2020; Федотовская 2020].

Материалом представленного исследования послужили посты, выложенные в экспертных блогах социальной сети «ВКонтакте» и опубликованные в 2021–2022 гг. С использованием метода сплошной выборки отобраны 25 блогов различной тематики и предметной направленности, авторы которых – преподаватели, юристы, психологи, маркетологи, логопеды, косметологи, дизайнеры и кинологи – позиционируют себя как интернет-эксперты. Для анализа отобранного материала используются, кроме того, описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, специфицированные в границах обозначенной научной базы.

Отдельно в данном контексте необходимо упомянуть идею выделения двух составляющих всякого высказывания и текста – диктума (объективной информации о мире) и модуса (субъективной информации, исходящей от автора), выдвинутую еще Ш. Балли [Балли, 1955] и нашедшую развитие в трудах современных лингвистов. Особое место в их ряду занимают работы Т.В. Шмелевой,

комплексно представившей структуру диктумной и модусной частей высказывания и описавшей семантический инструментарий, пригодный для анализа любого типа дискурса [Шмелева, 1994; 1995].

Основной задачей экспертного блога является предоставление пользователям социальной сети адаптированной полезной информации и интересных, иллюстрирующих абстрактное знание фактов в пределах той или иной предметной области. В ряде случаев авторы разнообразят такой вторичный, по сути, контекст изложением собственных идей, суждений и оценок, основанных на личном опыте. Профессиональное знание, функционируя в блогосфере, претерпевает, таким образом, качественные изменения, среди которых тенденция к адаптации специального знания под когнитивную базу читателей, личная интерпретация информации автором, субъективность повествования и снижение научного стиля [Володарчик, 2021].

В этой связи автор статьи фокусирует внимание преимущественно на модусной, субъективной, части высказываний, непосредственно связанной с выражением позиций участников коммуникации. Еще более конкретный интерес представляют здесь содержание и формы авторизации и адресации, определяемые как элементы модуса и функционирующие во взаимосвязи с показателями метакатегорий [Шмелева, 1995].

Результаты исследования. Анализ отобранного языкового материала показал достаточную представленность категорий авторизации и адресации в рамках экспертных блогов. Поскольку одной из задач создания экспертного блога является формирование и продвижение собственного бренда, для авторов чрезвычайно важно убедить читателей в собственном профессионализме.

Для этого интернет-эксперты активно используют местоимение *Я*, которое является репрезентантом самого автора блога. Одновременно в пределах предикативного центра высказывания автор оказывается объектом профессиональной самохарактеристики, где функцию характеристики выполняют «профессиональные» и статусные номинативы (орфография, пунктуация и графическое оформление первоисточников здесь и далее сохранены). Например:

– *Я учитель, логопед, дефектолог, детский нейропсихолог.*

– *Я – Мария Губина. Бизнес-тренер, консультант, методист онлайн-обучения, ментор, коуч.*

Материал показывает, что прямая репрезентация автора в личном местоимении может быть не задействована, поскольку из контекста читателю понятно, что речь в том или ином случае идет именно об авторе. Тогда на конструктивном уровне мы имеем дело с назывными односоставными предложениями, а на семантическом уровне – с теми же, что и в предыдущем случае, пропозициями анкетной характеристики, только редуцированными, свернутыми до одной характеристики. Например:

– *Семейный психолог с 20-ти летним стажем, педагог и публицист. Автор тренингов и курсов. Лауреат Премии Президента РФ в области образования. Основатель Института Развития Семейного Устройства (ИРСУ).*

Позиция автора, помимо прочего, функционально развивается через глагольные предикаты в спрягаемых формах 1-го лица единственного числа. Значение этих предикатов различно, однако в любом случае они поддерживают определенные выше характеристики профессионала и эксперта, поскольку:

1. Описывают то или иное социально-речевое действие автора, речевой жанр, демонстрируя на первом плане его в функции коммуниканта. Например:

– *И о некоторых о них я расскажу в следующих постах)))).*

– *Сегодня среда, и я по традиции делюсь с вами **статьей** из блога.*

– *Вам я **предлагаю** шагать со мной и штурмовым методом, и маленькими шагами.*

– *Вообще, я **ЗА** вопросы.*

2. Маркируют интеллектуальную активность автора, проявляя его как активно мыслящего и рассуждающего субъекта. В частности:

– *Лично я это очень **хорошо осознаю**.*

3. Выражают коммуникативные установки автора, актуализируя его функцию бенефициара, то есть социально полезного, «отдающего» субъекта. Ср.:

– *Поэтому я **хочу подарить** бонусом вебинар «Делаем детям хорошую маму» всем участникам курса «Отношения с ребенком: перезагрузка», который стартует уже вот-вот, 10 ноября.*

– *Решил написать пост в котором расскажу о том чем я **могу быть полезен**.*

Еще одним языковым инструментом авторизации оказываются вводные конструкции, манифестирующие отношение автора к излагаемой точке зрения либо к описываемому положению дел. Ср.:

– ***Скажу честно**, я никогда не делал никаких зарядок для глаз, не пил витаминов, не носил специальных очков и т.д.*

– *Переходя из смм в наставничество, мой мозг **оочень** долго сопротивлялся (**по-моему**, он и сейчас сопротивляется).*

Соответствующие позиции, в которых модусная семантика занимает сильную позицию отдельного конструктивного элемента, используются, как видно, для демонстрации субъективной оценки, акцентируя внимание на блоггере не столько как на эксперте, профессионале, сколько как на индивидууме, позволяющем себе частное мнение. Это в конечном счете также способствует его популяризации, поскольку обнаруживает связь сопричастности между автором и адресатом.

Если развивать анализ семантики сопричастности, следует вернуться к способам репрезентации авторского субъекта и обратить внимание на еще одну достаточно частотную его форму – личное местоимение *Мы*, которое как раз и объединяет позиции автора и адресата экспертного блога. Местоимение *Я* тогда замещается на местоимение *Мы* в функции *мы-дружеского*, *мы-обучающего* в сочетании с глагольными предикатами в форме 1-го лица множественного числа. Например:

– ***Надеюсь, мы подружмся**, если вдруг еще не:).*

– *Почему **Стартуем** же **мы** стесняемся и лишаем себя карьерного роста.*

Даже при имплицитной реализации такого коллективного субъекта идея сопричастности несколько не теряет своей интенсивности, а напротив, даже подчеркивается показательным отсутствием значимой формы. Ср.:

– *Давайте разберемся* чем эти специалисты занимаются.

– *Сделаем с вами обзор технической базы: расскажу, на что ориентироваться при выборе сервисов + будут уроки с примерами сборки воронок в email, ВКонтакте и Телеграм + подробные уроки про лендинги на Тильде.*

В общем, тем интернет-экспертам, которые не опасаются ослабить свою доминирующую ролевую позицию эксперта, *Мы* через семантику сотрудничества и сопереживания позволяет создавать контекст непринужденного дружеского общения.

Что касается позиции адресата и средств адресации, то самым распространенным является здесь использование личных местоимений *Ты* и *Вы*, которые в предикативном центре высказывания соединяются со спрягаемыми формами глаголов 2-го лица единственного и множественного числа. Семантика этих предикатов, так же как и в случае с авторским *Я*, различна, однако в целом она работает на актуализацию роли «ученика», субъекта, получающего знания. Имеются в виду предикаты с семантикой:

1. Генерализации существования в актуальной ситуации сотрудничества, сопереживания и сопричастности:

– *Ваши люди всегда с вами! Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, чем бы ни занимались. Всегда есть тот, кто вас ПОДДЕРЖИТ.*

2. Приглашения к обучению:

– *На курс про воронки приходите – старт уже завтра! В закрепленном посте сообщества по-прежнему вся актуальная информация.*

3. Обучения и активизации учебных действий:

– *Места улетят как всегда быстро, поэтому если ты готов(а) изучить новое и нужное направление – оставляй заявку на сайте прямо сейчас, для брони места на курсе достаточно внести всего 35\$.*

– *Статью читайте.*

4. Поддержания внимания:

– *Знаете, ведь можно собрать воронку без понимания того, что именно и до кого вы хотите донести в этой воронке.*

5. Активации памяти:

– *ПОМНИТЕ НАШ КОНКУРС?*

6. Концентрации и систематизации полученной информации:

– *Сохраняй к себе, чтобы не потерять.*

Как видно, особенно часто авторы прибегают к использованию императивных форм глаголов в соответствии с собственной иерархически значимой ролью эксперта и подчиненной ролью обучающейся аудитории.

В ряде случаев личные местоимения замещаются указательными местоимениями *Тот/Те*, которые позволяют реализовать уточняющую характеристику

адресата в границах придаточного предложения. Как характеристика здесь осмыслено типовое действие:

– *Тем, кто недавно подписался на эту группу, расскажу, что полезного у нас происходит в обычное время, когда нет интенсивов и вебинаров.*

– *Для тех, кто не готов собирать воронки ни в каких сервисах, будет модуль о прогревах: это воронки в соцсетях, в постах и сториз.*

Данный способ позволяет выделить конкретную группу из общей адресной аудитории и целенаправленно привлечь ее внимание.

Впрочем, на адресата экспертного блога можно не только указывать с помощью местоимений – адресаты могут быть прямо названы с использованием знаменательной лексики. Чаще это случается в контексте прямого обращения:

– *Друзья, временно открываем продажи интенсива «Что делать, если...».*

– *Коллеги, вчера разбирала чемодан и нашла вот эту книгу, которую я купила перед самым отъездом из Москвы. Это карикатуры Херлуфа Бидструпа.*

Однако номинатив используется также при описании ситуации речевого действия, оформляя семантику адресата:

– *Так вот хочу спросить комментаторов – осознаете ли вы всю ответственность, которую берете на себя, советуя таким мамам «Ждите, все само появится?».*

Заключение. В результате исследования сделан вывод об очевидной важности использования приемов авторизации и адресации в экспертных блогах, к которым прибегают интернет-эксперты для создания и продвижения собственного бренда. Основными модусными маркерами являются местоимения и глагольные формы 1-го и 2-го лица, вводные слова и описательные конструкции. Выбор средств зависит от целей, стоящих перед автором в конкретном посте, а также от особенностей целевой аудитории.

Результаты исследования показывают широкую языковую представленность смыслов авторизации и адресации и их функциональную значимость для развития экспертного блога и его популяризации для создания и продвижения блогерами-экспертами собственного бренда. Учитывая собственные интересы и интересы целевой аудитории, интернет-эксперты используют разнообразные языковые средства для обозначения позиций автора и адресата, основными из которых являются личные местоимения 1-го лица (*Я*) и 2-го лица (*Ты, Вы*), а также характеризующие номинативы, глагольные предикаты и вводные конструкции. Что касается семантики, которую репрезентируют все эти формы, то автор – интернет-эксперт – предстает как активно думающий и говорящий субъект, выполняющий к тому же функцию бенефициара некоего знания, а адресат – подписчик блога – осмысляется как субъект, выполняющий ряд характерных «ученических» действий и одновременно роль бенефициента. Регулярно в соответствующих контекстах актуализируется и семантика сопричастности, совместного действия, в таких случаях главным репрезентантом обеих ролевых позиций становится *мы*-дружеское и/или *мы*-обучающее.

Список источников

1. ЛОГОПЕД | НЕЙРОПСИХОЛОГ ОСА. URL: <https://vk.com/sireniumlogo>
2. Блог Алексея Савченко. URL: https://vk.com/hawkstyle_vkdesign
3. Блог Аннет Меркулова | ЭКСПЕРТ. URL: https://vk.com/annet_vk
4. ВАК, РИНЦ, Scopus, консультации. URL: <https://vk.com/disdiprudussia>
5. Женский психолог Паулина Золотинская. URL: https://vk.com/paulina_dreamteam
6. КИНОЛОГ Прибыльская Татьяна. URL: https://vk.com/kinolog_46
7. Коррекционный педагог-эксперт. URL: <https://vk.com/logopedexpertonline>
8. КОСМЕТОЛОГ. УХТА. URL: https://vk.com/kosmetolog_ukhta
9. Косметолог Светлана Адашева. URL: https://vk.com/kosmetolog_ukhta
10. Косметолог Челябинск. URL: <https://vk.com/anna.cosmetolog74>
11. Логопед online | Чазова Ю.А. URL: https://vk.com/logoped_chazova
12. Логопед-нейрореабилитолог Виктория Бунина. URL: <https://vk.com/logopedviktoria>
13. Людмила Петрановская. Семейный психолог. URL: https://vk.com/ludmila_petranovskaya
14. Марина Самойленко | Логопед логопеду друг. URL: https://vk.com/samoylenko_marina
15. Маркетинг. Психология продаж. Александра Гуреева. URL: https://vk.com/sama_boss
16. Медицинский юрист Екатерина Попова. URL: <https://vk.com/popova.medurist>
17. НАСТАВНИК ЭКСПЕРТОВ | ПРОДАЖИ И ЗАПУСКИ. URL: https://vk.com/kristina_mayyer
18. Православный психолог | Никита Сергеевич Яночкин. URL: https://vk.com/censor_life
19. Учитель Вера Фотеевна. URL: https://vk.com/ychitel_vera
20. Юрист | Олег Никитин. URL: https://vk.com/blog_nikitina_olega
21. Azconsult | Растим и продвигаем микробизнес. URL: <https://vk.com/azconsult>
22. RKI.today / РКИ сегодня. URL: <https://vk.com/club155118943>
23. SMM Академия Михаила Христосенко. URL: <https://vk.com/hmsseminar>
24. SMM специалист Елизавета. URL: <https://vk.com/lizochkins>
25. SMM, таргет обучение – Натали. URL: https://vk.com/natalie_riffels

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416 с.
2. Близняк Р.З., Герасимов И.А. Блоггинг как технология социальной и политической коммуникации: уточнение понятия и характеристика эвристических возможностей // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 222–231.
3. Бушев А.Б. Языковая личность блогера // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. 2021. С. 71–76.
4. Влодарчик Е.А. Репрезентация профессионального знания в дискурсе англоязычных экспертных блогов // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. 2021. С. 94–102.
5. Генералова Л.М. Жанровая специфика политического блога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 500–503.
6. Горшкова Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.
7. Граждан Е.Н. Лингвокультурный типаж «блогер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). С. 84–87.
8. Елькин В.В., Мельникова Е.Н. К вопросу о лексико-семантических средствах лингвокреативного арсенала фэшн-блогера // Казанский лингвистический журнал. 2019. Т. 2, № 1. С. 32–49.

9. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Комиссарова А.Р. Блоггинг как форма коммуникации // Наука молодых. 2020. С. 432–434.
12. Осетрова Е.В. Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения. 2012. С. 337–348.
13. Осетрова Е.В. Роль эксперта в представлении медиа // Русский язык: исторические судьбы и современность. 2014. С. 706–707.
14. Пожидаева И.В. Виртуальная языковая личность блогера (на примерах женских общественно-политических блогов рунета и укрнета) // Психолінгвістика. 2011. № 7. С. 191–196.
15. Рябова М.Э. Языковая личность блогера в современной коммуникации // Организационная психолінгвістика. 2018. № 1. С. 3–3.
16. Федотовская У.Р. Трэвел-блог как одна из разновидностей блогов // Вестник современных исследований. 2020. № 8-1. С. 60–63.
17. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. 47 с.
18. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук (науч. докл.). М., 1995. 35 с.
19. Hadžiahmetović Jurida S. Linguistic properties and aspects of blogging within the context of Netspeak // Jezikoslovlje. 2013. Т. 14, № 2-3. С. 517–536.

Сведения об авторе

Гордеева Елена Николаевна – аспирант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 104ssm@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-140>

УДК 81'23

MEANS OF AUTHORIZATION AND ADDRESSING IN THE SPEECH OF AN INTERNET EXPERT (based on expert blogs on “VKontakte”)

E.N. Gordeeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article discusses the means of authorization and addressing used by Internet experts when writing blogs – one of the top forms of Internet communication today.

Review of scientific literature on the problem. The scientific basis of the research is the works devoted to the study of linguistic personality and sematic syntax. The author of the article focuses his attention on the modus part due to the fact that this aspect is less studied in comparison with the dictum.

Purpose of the article is to identify indicators of authorization and addressing on the language material, including the posts of 25 expert blogs, collected using the *method* of continuous sampling in the social network VKontakte.

The methodology (materials and methods). For the analysis of the selected material, descriptive-analytical and comparative methods were also used.

Research results showed the importance of subjective categories for expert blogging. Depending on the goals of the author and the target audience, Internet experts use various means of authorization and addressing.

Keywords: *Internet communication, blogging, blog, expert blog, Internet expert, modus, modus meta-aspect, authorization, addressing.*

Source textes

1. |LOGOPED| NEJROPSIHOLOG| OSA. URL: <https://vk.com/sireniumlogo>
2. Blog Alekseya Savchenko. URL: https://vk.com/hawkstyle_vkdesign
3. Blog Annet Merkulova | EKSPERT. URL: https://vk.com/annet_vk
4. VAK, RINC, Scopus, konsul'tacii. URL: <https://vk.com/disdiprussia>
5. ZHenskij psiholog Paulina Zolotinskaya. URL: https://vk.com/paulina_dreamteam
6. KINOLOG Pribyl'skaya Tat'yana. URL: https://vk.com/kinolog_46
7. Korrekcionnyj pedagog-ekspert. URL: <https://vk.com/logopedexpertonline>
8. KOSMETOLOG • UHTA. URL: https://vk.com/kosmetolog_ukhta
9. Kosmetolog Svetlana Adasheva. URL: https://vk.com/kosmetolog_ukhta
10. Kosmetolog Chelyabinsk. URL: <https://vk.com/anna.cosmetolog74>
11. Logoped online | CHazova YU.A. URL: https://vk.com/logoped_chazova
12. Logoped-nejroreabilitolog Viktoriya Bunina. URL: <https://vk.com/logopedviktoria>
13. Lyudmila Petranovskaya. Semejnyj psiholog. URL: https://vk.com/ludmila_petranovskaya
14. Marina Samojlenko | Logoped logopedu drug. URL: https://vk.com/samoylenko_marina
15. Marketing. Psihologiya prodazh. Aleksandra Gureeva. URL: https://vk.com/sama_boss
16. Medicinskij yurist Ekaterina Popova. URL: <https://vk.com/popova.medurist>
17. NASTAVNIK EKSPERTOV | PRODAZHI I ZAPUSKI. URL: https://vk.com/kristina_mayyer
18. Pravoslavnyj psiholog | Nikita Sergeevich YAnochkin. URL: https://vk.com/censor_life
19. Uchitel' Vera Foteevna. URL: https://vk.com/yuchitel_vera
20. YUrist | Oleg Nikitin. URL: https://vk.com/blog_nikitina_olega
21. Azconsult | Rastim i prodvigaem mikrobiznes. URL: <https://vk.com/azconsult>

22. RKI.today/ RKI segodnya. URL: <https://vk.com/club155118943>
23. SMM Akademiya Mihaila Hristosenko. URL: <https://vk.com/hmsseminar>
24. SMM specialist Elizaveta. URL: <https://vk.com/lizochkins>
25. SMM, target obuchenie – Natali. URL: https://vk.com/natalie_riffels

References

1. Bally Sh. General linguistics and questions of the French language. Moscow: Publishing House of Foreign Languages lit-ry, 1955. 416 p.
2. Bliznyak R.Z., Gerasimov I.A. Blogging as a technology of social and political communication: clarification of the concept and characterization of heuristic possibilities // Bulletin of Tomsk State University: Philosophy. Sociology. Political science. 2017. No. 40. P. 222–231.
3. Bushev A.B. Linguistic personality of a blogger // Native literature in the modern cultural and educational space. 2021. P. 71–76.
4. Wlodarczyk E.A. Representation of professional knowledge in the discourse of English-language expert blogs // Topical issues of linguistics and linguodidactics in the context of intercultural communication. 2021. P. 94–102.
5. Generalova L.M. Genre specifics of a political blog // Mir nauki, kultury, obrazovaniya. 2020. No. 3 (82). P. 500–503.
6. Gorshkova E.I. Blog as a type of Internet communication: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. St. Petersburg, 2013. 24 p.
7. Citizen E.N. Linguocultural type “blogger” // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2018. No. 10-1 (88). P. 84–87.
8. Elkin V.V., Melnikova E.N. On the question of lexico-semantic means of the linguo-creative arsenal of a fashion blogger // Kazan Linguistic Journal. 2019. Vol. 2, No. 1. P. 32–49.
9. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Linguocultural type: to the definition of the concept // Axiological linguistics: linguocultural types: collection of scientific tr. / ed. by V.I. Karasik. Volgograd: Paradigm, 2005. P. 5–25.
10. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: Publishing House of LKI, 2010. 264 p.
11. Komissarova A.R. Blogging as a form of communication // Nauka molodykh. 2020. P. 432–434.
12. Osetrova E.V. The communicative role of an expert in the newest performance // Russian language today. X Shmelev readings. 2012. P. 337–348.
13. Osetrova E.V. The role of an expert in the representation of media // Russian language: historical destinies and modernity. 2014. P. 706–707.
14. Pozhidaeva I.V. Virtual linguistic personality of a blogger (on the examples of women's socio-political blogs of Runet and ukrnet) // Psycholinguistics. 2011. No. 7. P. 191–196.
15. Ryabova M.E. The linguistic personality of a blogger in modern communication // Organizational psycholinguistics. 2018. No. 1. P. 3–3.
16. Fedotovskaya U.R. Travel-blog as one of the varieties of blogs // Bulletin of Modern Research. 2020. No. 8-1. P. 60–63.
17. Shmeleva T.V. Semantic syntax. Krasnoyarsk, 1994. 47 p.
18. Shmeleva T.V. Subjective aspects of Russian utterance: dis. in the form of a scientific report... doct. philol. nauk. Moscow, 1995. 35 p.
19. Hadjiakhmetovich Yurida S. Linguistic properties and aspects of blogging in the context of Net-speak // Jezikoslavlje. 2013. Vol. 14, No. 2-3. P. 517–536.

About the author

Gordeeva Elena Nikolaevna – PhD student of Philology Faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: 104ssm@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-141>

УДК 811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ¹

А.И. Сабирова (Казань, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Особый интерес к изучению словообразовательных и выразительных возможностей языка поэзии рубежа XX–XXI вв. связан как с недостаточной изученностью, так и с ростом личностного начала и экспрессивизации в художественном литературном творчестве.

Цель работы – анализ динамики продуктивности словообразовательных типов и моделей со значением деятеля и репрезентация изобразительно-выразительных возможностей дериватов с нейтральными суффиксами в поэтических текстах современных мастеров слова.

Материалы. Исследование проводится на материале поэтических текстов Игоря Меламеда, Олега Чухонцева, Натальи Горбаневской, Давида Самойлова, Владимира Строчкова, Александра Левина. Для подтверждения выявленных закономерностей было исследовано 1768 поэтических произведений, проанализировано 230 производных *nomina agentis*.

Методология. В работе были использованы описательно-аналитический метод в таких его разновидностях и приемах, как наблюдение, обобщение и интерпретация, методы систематизации и классификации.

Результаты исследования. Исследование словообразовательных и выразительных возможностей языка современных поэтических текстов позволило выявить наиболее активные звенья словообразовательного механизма в сфере имен лиц, показать реальные и потенциальные возможности традиционных словообразовательных средств к порождению новых единиц и смыслов.

Ключевые слова: *современная поэзия, деривационный потенциал, выразительные возможности, поэтический язык, поэтический текст, словообразование, наименования лиц.*

Постановка проблемы. В статье рассматриваются словообразовательные и выразительные возможности языка современной поэзии рубежа XX–XXI вв. Актуальность исследования обусловлена тем, что научные работы, посвященные изучению современной поэзии, являются преимущественно литературоведческими. Однако работ, посвященных вопросам словотворчества и реализации изобразительно-выразительного потенциала языка в поэзии рубежа XX–XXI вв., не так много.

Существуют разные взгляды на то, что нужно считать словопроизводственными способностями и что можно рассматривать как деривационный потенциал.

¹ Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета («ПРИОРИТЕТ-2030»).

Многие лингвисты изучали словообразовательный потенциал русского языка, в частности рассматривали различные части речи с данной точки зрения [Белякова, 2007; Земская, 2005; Тихонов, 2008; Улуханов, 2005; и др.].

Мы, вслед за С.В. Артюховой, Я.В. Свечкаревой, Б. Хене, считаем, что «под деривационным потенциалом слова понимается реальная и потенциальная способности слова к порождению новых единиц» [Свечкарева, 2006, с. 15].

Словообразовательные возможности языка современной поэзии рубежа XX–XXI вв. не являются исключением, а скорее дополняют и подтверждают вышеуказанное понимание, так как всякое слово может породить новые лексические единицы по существующим в языке словообразовательным моделям. В поэтическом тексте находит отражение феномен не только словотворчества, но и словоупотребления сквозь призму различных художественно-методологических установок мастеров слова. Поэтический текст – это концентрация всего пласта языка, узуального, потенциального и окказионального способов словообразования. Л.В. Щерба, исследуя язык с точки зрения изобразительно-выразительных возможностей, отмечал, что язык представляет собой систему, имеющую «богатые средства для выражения любого дерзания мысли, любых ее нюансов, вплоть до самых тонких – только надо уметь найти эти средства. Они не даны в готовом виде: готовы только шаблоны. Но они есть, и всякий ищущий находит их» [Щерба, 1957, с. 131].

Целью данной работы является рассмотрение словообразовательных и выразительных возможностей языка современной поэзии рубежа XX–XXI вв. *на материале* из произведений Игоря Меламеда, Олега Чухонцева, Натальи Горбаневской, Давида Самойлова, Владимира Строчкова, Александра Левина.

Следует объяснить наш выбор, павший, казалось бы, на весьма несхожих в своей творческой манере авторов. Для поэтов последних сорока лет сложно найти основание для объединения мастеров слова в то или иное направление. Как отмечает С.В. Крылова, «в нынешней литературе выделяют две тенденции: авторов так называемого «классического направления» и тех, кто традиции нарочито нарушает, продолжая идеи футуристов, обэриутов, концептуалистов и др. – авангарда и поставангарда в широком смысле этого слова» [Крылова, 2018, с. 282].

С учетом этой тенденции нами было решено изучить поэтические тексты как «традиционалистов», так и «новаторов», к тому же приведенные стихотворения находятся в рамках рассматриваемого нами периода – рубеж XX–XXI вв.

Методология. Основой исследования послужили структурно-системный подход к явлениям словообразования и диалектическое единство синхронного и диахронного аспектов их анализа.

Результаты исследования. Антропоцентризм – одна из основных тенденций развития современного языкознания, которая проявляется в том числе в актуализации словопроизводства наименований лица.

В творчестве современных поэтов можно обнаружить всевозможные производные образования со значением лица. Классифицировать дериваты можно по разным основаниям, с точки зрения словообразования и семантики.

Деривационную активность проявляют как продуктивные, так и прежде редкие словообразовательные модели. Высокочастотны в языке поэзии образования в сфере отглагольной деривации на **-ец**: *гребец* ← *грести* (Н. Горбаневская), *чтец* ← *читать* (Д. Самойлов), *глумец* ← *глумиться* (О. Чухонцев). Тенденция находит проявление и в окказиональном словопроизводстве: *посмотрелец* ← *посматривать*, *стерпелец* – *стерпеть*, *поглядедец* – *поглядывать* (А. Левин), *властец* ← *властвовать*, *пренебрегалец* ← *пренебрегать*, *лицезрец* ← *лицезреть*, *невыразимец* ← *выразить*, *видец* ← *видеть* (В. Строчков) и др.

К высокопродуктивным моделям относятся и производные на **-тель**: *исполнитель*, *смотритель* (О. Чухонцев), *следователь*, *водитель* (Н. Горбаневская), *свидетель*, *воспитатель*, *сочинитель*, *носитель*, *руководитель*, *водитель*, *вятель*, *сберегатель*, *откладыватель* (Д. Самойлов), *испытатель*, *включатель*, *оборзеватель*, *пониматель*, *разгадыватель*, *написатель*, *светитель* (А. Левин). В ряде случаев происходит оживление семантики производных, что связано с изменениями в социальной действительности и, как следствие, включением новых слов и смыслов в поэтические тексты. Как отмечает Е.В. Сенько, «современное аффиксальное словообразование имеет ярко выраженный социально обусловленный характер» [Сенько, 2016, с. 55], что, безусловно, находит отражение и в художественных текстах.

Не менее активны производные, в которых выделяется **нулевой суффикс**: *вор*, *слуга* (Д. Самойлов), *задира*, *запевала*, *сторож*, *хват*, *прислуга*, *охрана* (О. Чухонцев), *вор*, *сторож*, *гад* (А. Левин) и др.

Словообразовательную активность в современной поэзии имеют и менее продуктивные эмоционально-экспрессивные суффиксы парадигмы имен. Образования с разговорно-просторечными суффиксами выполняют стилистическую функцию, придавая неодобрительно-пренебрежительный или снисходительно-фамильярный оттенок: *свистун*, *плясун*, *лентяй*, *болтун*, *писака*, *остряк*, *во-яка* (Д. Самойлов) *бормотун*, *хвостун*, *говорун*, *свистун*, *врун*, *гуляка*, *остряка* (О. Чухонцев) и *хохотун*, *разгибай*, *стрекотун*, *сверкач*, *поюн* (А. Левин) и др.

Изобразительно-выразительными возможностями наделяются как узуальные, так и авторские слова: *Старый перец Пуков ненавидит буков, / не выносит бяков, свистунов и хрюков, / ненавидит также гадов, вредин и подхрюков...* (А. Левин «Мощный дед») (здесь и далее курсив наш. – А.С.). Среди выделенных номинаций есть как дериваты нулевой суффиксации (*хрюки* ← *хрюкать*, *гады* ← *гадить*, *подхрюки* ← *подхрюкивать*), так и производные с материально выраженными непродуктивными суффиксами (*свистуны* ← *свистеть*, *вредина* ← *вредничать*). В поэтическом тексте данные агентивы совместно с непродуктивными единицами (*буки*, *бяки*) выполняют номинативную, экспрессивную и текстообразующую функции.

Активизация наблюдается и в употреблении производных на **-чик, -щик**. По характеру производящей основы данные дериваты можно разделить на две группы: **отглагольные**: *чистильщик, съемищик* (О. Чухонцев), *летчик, наводчик, рассказчик, разносчик, счетчик* (Н. Горбаневская), *летчик, перевозчик, разносчик, переводчик* (В. Строчков), *извозчик, добытчик, ответчик* (Д. Самойлов), *переносчик, волочицый, стрекочик, засмеящик* (А. Левин) **отсубстантивные**: *корабельщик, шарманичик, забойщик, учетчик* (О. Чухонцев), *обходчик* (И. Меламед), *учетчик, разведчик* (Н. Горбаневская), *пулеметчик* (А. Левин) и др.

Важно подчеркнуть, что в современной поэзии рубежа XX–XXI вв. в производных именах оценочный компонент обнаруживается в наименованиях лиц и по профессиональным, и по непрофессиональным действиям. Примечательно, что в исследуемой работе речь пойдет не о словообразовательных формантах типа **-юг(а), -яг(а), -ул(я)**, которым изначально присуща экспрессивность, а о нейтральных в стилистическом отношении аффиксах. Экспрессия в таком случае достигается различными способами: языковой игрой, семантическим окружением или созданием окказионализма, выражающего авторскую интенцию.

Например, среди производных с суффиксами **-чик** можно выделить лексемы, сопровождающиеся экспрессией «уничижительности»: *учетчик* ← *учет* (О. Чухонцев) и *обходчик* ← *обходить* (И. Меламед):

И в ночи, на пустынных путях
попадется нелепый *обходчик*:
он отскочит во тьму второпях,
обернется – и вслед захохочет.

И. Меламед «Этот поезд отходит навек» [Меламед, 1994]

Бухгалтер ли дотошный,
учетчик ли чумной
ведет свой счет несложный,
распоряжаясь мной.

О. Чухонцев «Не холодно, а дует» [НКРЯ]

Производные *обходчик* и *учетчик* в современном русском языке употребляются в нейтральном значении, однако для поэтов было важно создать определенный образ своих персонажей. Об оценочности данных образований свидетельствует их лексическая сочетаемость: характер связи слов в данном случае проясняет конситуация – *нелепый обходчик, учетчик ли чумной*.

Поэзия рубежа веков характеризуется языковыми экспериментами, художественные тексты насыщены индивидуально-авторскими словами и отличаются новизной и экспрессией. Например, в стихотворении Олега Чухонцева. «Теплым-теплый, без шапки, без денег...» поэт использует сложное отыменное производное *Егорка-весельник*, второй компонент которого имеет соотнесен-

ность с прилагательным *веселый*. Дериват одновременно реализует номинативную и экспрессивную функции. Стилистически значимое окружение позволяет верно определить семантику нового слова и отнести к особой группе оценочных имен-характеристик: Теплым-теплый, без шапки, без денег / выходил *Егорка-весельник*. / В домотканых портках да в опорках / выходил прохладиться Егорка. / Рассыпал он присловицы горохом, / знать, недаром слыл первым скоморохом (О. Чухонцев «Теплым-теплый, без шапки, без денег...») [НКРЯ].

В стихотворении В. Строчкова «Наборщик скорости, заложник виража...» мы находим образный ряд, созданный из производных *nomina agentis* (*наборщик скорости, заложник виража, ночной бибикатель*).

Наборщик скорости, заложник виража,
ночной бибикатель,
выводит за рога из гаража
бестактный двигатель,
густую формулу крутого куража.
Вот фары выкатил,
глаза на лоб – и с разворота накатил
на мелкий байсикл:
Педальный лох! Курил бы дома никотин,
болтал по айсикью,
а то, гляди ты, эка губы раскатал
катить на скорости.
Пенек, для мелкого рогатого скота
тут риск без корысти.
Чего ты крутишь, что ты жмешь, педалефил,
какого нахера?
Глядишь, влетишь как раз, как бабочка в эфир,
в крутого байкера.

В. Строчков «Наборщик скорости, заложник виража...» [Строчков]

Контекст стихотворения помогает понять отношение автора к действующему лицу, хотя производные со словообразовательными формантами **-щик**, **-ник** и **-тель** сохраняют нейтральный характер. В начале стихотворения автор использует производное, образованное от основы слова, употребляемого в детской речи, что создает впечатление о наивности героя. Данный эффект достигается путем употребления окказионализма *бибикатель*, мотивированного словом из детской речи – бибикать («издавать прерывистые звуки; сигналить, гудеть») (обычно об автомобиле, в детской речи или в разговоре взрослых с детьми) [Ефремова]). Однако вторая часть стихотворения помогает создать читателю нужную картину, поэт грубо и однозначно создает отрицательный образ водителя, при этом обращается к жаргонным словам (лох), бранной лексике (нахера), калькам с английского языка (байсикл, айсикью), использует сниженные предикатные

выражения (фары выкатил, губы раскатал). В этом, бесспорно, находит отражение авангардистская традиция: многообразие проявлений свободы творчества.

Интересно в рамках рассматриваемой нами темы проанализировать авторский неодериват *педалефил*, созданный аффиксоидным способом: педаль + суффиксоид фил. В словаре аффиксоидов русского языка под редакцией Н.А. Козулиной мы находим этот словообразовательный формант: фил (<греч. *philos* – друг, любящий) – любитель того, что указано в слове ранее. <...> русофил, славянофил, термофил... [Козулина и др., 2009, с. 259]. Соответственно, определяется следующее значение данного деривата: *педалефил* – «тот, кто любит нажимать на педаль газа». Окказионализм по праву можно отнести к особому классу сложных наименований со значением производителя действия, указанного во втором компоненте слова.

Подобных неолексем особенно много в творчестве Владимира Строчкова. Поэт создает с помощью индивидуально-авторских наименований вымышленные имена лиц либо по профессиональному занятию, либо по пристрастиям к тому, что названо первым компонентом: *бензофилы, крысовод, овцеровбы, хлопцеводы, ногтеед, икононосец*.

Окказиональные субстантивы со значением лица выступают как важные текстообразующие элементы в современной поэзии рубежа XX–XXI вв.

Помимо этого, в стихотворениях поэтов можно проследить словообразовательную омонимию в сфере имен лиц, которая возникает вследствие семантического словообразования.

Остаются дискуссионными вопросы о сущности понятия «омонимия» и разграничении омонимии и полисемии. Исследователи по-разному рассматривают эти явления [Соболева, 1975; Немченко, 1984; Цыганенко, 1989; Кузнецова, Ефремова, 1986; и др.]. Однако ни одна из классификаций не признана достаточно полной и до конца последовательной.

Мы, вслед за ученым Казанской лингвистической школы Г.А. Николаевым, будем понимать под словообразовательной омонимией разность словообразовательных значений при структурной неизменности форм [Николаев, 2009, с. 112].

Омонимию словообразовательных типов мы обнаруживаем у целого ряда номинаций со значением лица в поэзии рубежа XX–XXI вв.: *счетчик* (лицо – орудие), *переводчик* (разный вид деятельности), *зеленый* (молодой человек – партизанское движение в годы Гражданской войны), *пират* (морской разбойник – лицо, занимающееся незаконным копированием аудио- и видеопродукции и т.д.) и др. Рассмотрим проявление омонимии на примере деривата *переводчик*:

Искусные подобиа Шекспира,
Весьма, конечно, разной красоты.
Но ни один красы оригинала
Не превосходит. Клавдии все трое,
Убийцы – как и всякий *переводчик* – Оригинала...

В. Строчков «Злобное брюзжание» [Строчков]

*Переводчик, перевозчик,
Переносчик молодой,
переведи меня обратно
на ту сторону домой.*

Н. Горбаневская «Стол, компьютер, стул, кровать –...» [НКРЯ]

В поэзии В. Строчкова и Н. Горбаневской обнаруживается словообразовательный омоним – *переводчик*. Семантическое окружение дериватов позволяет установить правильное словообразовательное значение производных единиц в предложенных стихотворениях. В произведении В. Строчкова определяется словарное значение: переводчик – «специалист по переводам с одного языка на другой» [Ожегов, Шведова, 2007, с. 501], поэтический контекст в стихотворении Н. Горбаневской позволяет выявить семантику производной единицы – «тот, кто перемещает что-то либо кого-то из одного места в другое». Стоит отметить, что в толковых словарях такого значения у данной лексемы не зафиксировано. В современном языке соотнесенность переводчик ← перевести кого-то / что-то куда-то ослаблена, но производность субстантива с суффиксом **-чик** бесспорна, что подтверждает конситуация, где поэт намеренно сближает дериваты *переводчик, перевозчик, переносчик*, не связанные этимологическим родством, но образованные по одной словообразовательной модели, обнажая тем самым словообразовательные связи.

Сведение сходных по звучанию производных с единым префиксом *пере-* необходимо для того, чтобы усилить значение каждого слова и таким образом «утроить» эффект, создаваемый лексемами, – ностальгия и грусть об ушедшем времени.

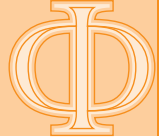
В стихотворении Н. Горбаневской *счетчик* выступает наименованием действующего лица. В то время как в стихотворении В. Строчкова мы находим отглагольное образование со значением орудия действия.

Интересно отметить, как подобная языковая игра с мотивирующим словом раскрывает содержание стихотворения Д. Самойлова «Переводчик»:

*Я, как контрабандист запретные товары,
Перевожу стихи, стихи перевода,
Редакторских застав минуя окуляры
И псов цензуры в раж не приводя [НКРЯ].*

В данном стихотворении производное *nomina agentis* *контрабандист*, входящее в разряд непрофессиональных наименований по сфере деятельности, как бы включает в свое определение два значения глагола перевести – «...переместить из одного места в другое, с одного места на другое...», «...передать средствами другого языка...» [Ожегов, Шведова, 2007, с. 501].

Давид Самойлов расширяет семантику наименования лица *контрабандист*, включая в него контекстуально обусловленное значение.

На примере одного деривата *переводчик* можно проследить интересную закономерность в поэтическом языке рубежа XX–XXI вв.: во всех рассмотренных стихотворениях производным образованиям присуща экспрессивная окрашенность, несмотря на то, что профессионализмы, как правило, стилистически нейтральны и являются терминами.

Выводы. Суммируя результаты проведенного нами исследования, можно констатировать следующее.

1. В языке поэзии рубежа XX–XXI вв. отмечается активизация как ранее продуктивных, так и редких словообразовательных типов. Исследование показало продуктивность словообразовательных типов имен лица с суффиксами **-ец, -тель, -чик, -щик.**

2. В сфере агентивного поэтического словопроизводства имплицитные суффиксы составляют конкуренцию материально выраженным единицам, занимая ведущее положение в данной словообразовательной системе.

3. На примере суффиксоидов со значением производителя действия, указанного во втором компоненте слова, мы можем наблюдать продуктивность аффиксоидного словообразования. Морфемы переходного типа имеют живые словообразовательные связи в языке поэзии рубежа XX–XXI вв.

4. Как окказиональные, так и узуальные дериваты характеризуются в поэтических текстах семантической многоплановостью. Проведенный анализ имен со значением лица свидетельствует об активизации смысловых приращений к словам с нейтральными суффиксами. Явления словообразовательной и семантической деривации приводят к активации процессов развития лексической неоднозначности.

5. В языке поэзии производные субстантивы *nomina agentis* не только выполняют номинативную функцию, но и играют важную роль в построении художественного текста.

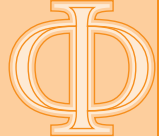
Библиографический список

1. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2007. 170 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 03.06.2022).
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
4. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
5. Крылова С.В. Основные тенденции современной русской поэзии // Образование в XXI веке: традиции и новации. М., 2018. С. 281–291.
6. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986. 1136 с.
7. Меламед И. Бессонница. М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина, 1994. 70 с.
8. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 03.06.2022).
9. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. С. 51–54.

10. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2009. 188 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
12. Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. 2006. № 111. С. 15–17.
13. Сенько Е.В. Тенденции современного русского словообразования: учеб. пособие. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. 100 с.
14. Соболева П.А. Омонимия лексическая, словообразовательная и грамматическая // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Ч. 1. С. 68–72.
15. Строчков В. Владимир Строчков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/> (дата обращения: 14.06.2022).
16. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 24–57.
17. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 314 с.
18. Цыганенко Г.П. Служебные морфемы русского языка, отражение их в словарях // Дериватология и деривационная лексикография. Владивосток, 1989. С. 94–113.
19. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 187 с.

Сведения об авторе

Сабирова Алина Илдаровна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: salina_1995@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-141>

DERIVATIONAL AND EXPRESSIVE MEANS OF MODERN POETRY LANGUAGE

A.I. Sabirova (Kazan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Particular interest to the study of derivational and expressive means of the language of modern poetry at the turn of 20th – 21st centuries is explained by lack of detailed studies of the issue and rise of the personal principle and expressive means in belles-letters.

The purpose of this article is to analyze the dynamics of productive word-building types and models with the meaning of an agent and the representation of figurative and expressive potential of derivatives with neutral suffixes in poetic texts of modern word-painters.

Materials. The research is based on literary texts of Igor Melamed, Oleg Chukhontsev, Natalia Gorbanevskaya, David Samoylov, Vladimir Strochkov, and Aleksandr Levin.

Methodology. A descriptive-analytical method was used in the study, including observation, generalization, and interpretation, as well as methods of systematization and classification.

Research results. The study of derivational and expressive means of the language of modern poetic texts helped to identify the most active parts of the word-formation mechanism in the sphere of proper names; to show the real and potential possibilities of traditional derivational means to generate new units and meanings.

Keywords: *modern poetry, derivational potential, expressive means, poetic language, poetic text, word formation, proper names.*

References

1. Belyakova G.V. The word-formation category of suffix locative nouns in modern Russian: monograph. Astrakhan, 2007. 170 p.
2. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (access date: 03.06.2022).
3. Zemskaya E.A. Word formation as an activity. Moscow, 2005. 224 p.
4. Kozulina N.A., Levashov E.A., Shagalova E.N. Affixoids of the Russian language. The experience of the dictionary-reference book. St. Petersburg: Nestor-History, 2009. 288 p.
5. Krylova S.V. The main trends of modern Russian poetry. Education in the XXI century: traditions and innovations. Moscow, 2018. P. 281–291.
6. Kuznetsova A.I., Efremova T.F. Dictionary of morphemes of the Russian language. Moscow, 1986. 1136 p.
7. Melamed I. *Insomnia*. Moscow: Literary and publishing agency R. Elinin, 1994. 70 p.
8. The National Corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (access date: 03.06.2022).
9. Nemchenko V.N. Modern Russian language. Word formation. Moscow, 1984. P. 51–54.
10. Nikolaev G.A. Lectures on Russian word formation: a textbook. Kazan, 2009. 188 p.
11. Ozhegov S.I. Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, 2007. 944 p.
12. Svechkareva Ya.V. On the derivational potential of a word as a language category // Bulletin of Tomsk State University. Bulletin of operational scientific information. 2006. No. 111. P. 15–17.

13. Senko E.V. Trends of modern Russian word formation: a textbook. Vladikavkaz: Publishing House of NOGU, 2016. 100 p.
14. Soboleva P.A. Homonymy lexical, word-formation and grammatical. Actual problems of Russian word formation. Tashkent, 1975. Part. 1. P. 68–72.
15. Strochkov V. Vladimir Strochkov. URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/> (access date: 14.06.2022).
16. Tikhonov A.N. Basic concepts of Russian word formation. In: Tikhonov A.N. Word-formation dictionary of the Russian language in 2 vols: Moscow, 2008. Vol. 1. P. 24–57.
17. Ulukhanov I.S. Motivation in the word-formation system of the Russian language. Moscow, 2005. 314 p.
18. Tsyganenko G.P. Service morphemes of the Russian language, their reflection in dictionaries. Derivatology and derivational lexicography. Vladivostok, 1989. P. 94–113.
19. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 187 p.

About the author

Sabirova Alina Ildarovna – PhD Candidate, Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia); e-mail: salina_1995@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

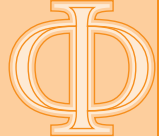
Текст

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova Anna Sergeevna – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2022. № 4 (21)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.11.22.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 12,6